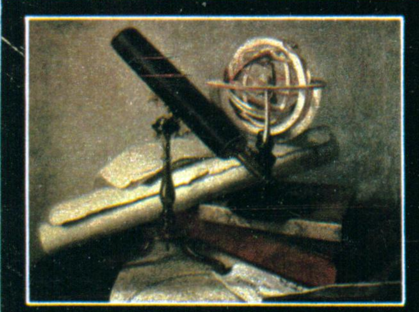
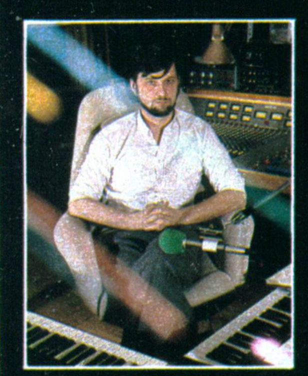
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1987



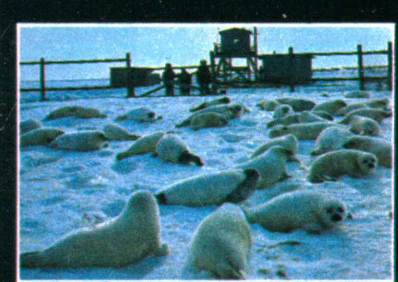
ПО ЗАЛАМ КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

БОРИС ПАСТЕРНАК: ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ДОКТОР ЖИВАГО»



РИТМЫ СУДЬБЫ АЛЕКСЕЯ РЫБНИКОВА

MADE IN ZAGRANITSA



ОТКУДА ПЛЫВУТ ТЮЛЕНИ?

РЕКОРДЫ ИЗ XXI ВЕКА

ДОГОВОР О ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ РАКЕТ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ — Я УБЕЖДЕН — СТАНЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАТОЙ В ЛЕТОПИСИ ИЗВЕЧНОГО СТРЕМЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ К МИРУ БЕЗ ВОЙН.

М. С. ГОРБАЧЕВ

ВАЖНЫЙ ШАГ НА ПУТИ К БЕЗЪЯДЕРНОМУ МИРУ

Телефото специального корреспондента «Правды» В. ПАРАДНИ.

8 ДЕКАБРЯ 1987 ГОДА ВНИМАНИЕ ВСЕХ ЛЮДЕЙ ПЛАНЕТЫ БЫЛО ПРИКОВАНО К ВАШИНГТОНУ. ЗДЕСЬ В ВОСТОЧНОМ ЗАЛЕ БЕЛОГО ДОМА РУКОВОДИТЕЛИ ДВУХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВ И ПРЕЗИДЕНТ США Р. РЕЙГАН СКРЕПИЛИ СВОИМИ ПОДПИСЯМИ ДОГОВОР МЕЖДУ СССР И США О ЛИКВИДАЦИИ РАКЕТ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ, ДОКУМЕНТ, ЯВЛЯЮЩИЙ СОБОЙ АКТ ДОБРОЙ ВОЛИ, НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ. ЭТОТ ДОГОВОР ОДИНАКОВО ВАЖЕН КАК ДЛЯ СССР И США, ТАК И ДЛЯ ОЗДОРОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КЛИМАТА НА ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ.

ОДНОВРЕМЕННО С ПОДПИСАННЫМ ДОГОВОРОМ МЕЖДУ СССР И США О ЛИКВИДАЦИИ ИХ РАКЕТ СРЕДНЕЙ ДАЛЬНОСТИ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ М. С. ГОРБАЧЕВ И Р. РЕЙГАН ПОДПИСАЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ, ПРИЛАГАЕМЫЕ К ДОГОВОРУ В КАЧЕСТВЕ ЕГО НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ: МЕМОРАНДУМ О ДОГОВОРЕННОСТИ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ В СВЯЗИ С ДОГОВОРОМ, ПРОТОКОЛ О ПРОЦЕДУРАХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ЛИКВИДАЦИЮ РАКЕТНЫХ СРЕДСТВ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД ДЕЙСТВИЕ ДОГОВОРА, И ПРОТОКОЛ ОБ ИНСПЕКЦИЯХ В СВЯЗИ С ДОГОВОРОМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (3151)

12—19 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
К очередному рекорду! Заслуженный мастер спорта Юрий Захаревич.
(См. в номере материал «Парадоксы Захаревича».)

Фото Юрия Соколова

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений—212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 20.11.87. Подписано к печати 09.12.87. А 00472. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2701. Заказ № 1562.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МЫ — ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ●
ШКОЛА ДЛЯ ЩЕТИНИНА ●
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ «ЭФФЕКТ» ОЧЕРЕДИ ●
В. ВЫСОЦКИЙ: ДИСКИ НОВЫЕ, ПЕСНИ СТАРЫЕ? ●

■

За сорок лет существования завода мы привыкли, что наш трактор «Беларусь» самый лучший если не в мире, то в стране. Перестройка сняла со всех розовые очки, госприемка помогла убедиться, что в тракторах много брака. Мы стали строже, требовательнее к себе — в оценке, в поиске.

И вот десять месяцев назад в нашем цехе начала действовать группа качества. В ней объединились двадцать три лучших производственника. Предложили тридцать восемь мероприятий по улучшению надежности машин, тридцать три (!) из них уже внедрены. Все ценные, все обсуждены коллективно, тщательно апробированы. Долго, к примеру, существовала проблема качества лонжеронов. Член группы А. Головаченко предложил сразу несколько вариантов исправления. Приняли самый экономичный, что также высвободило два станка, одного рабочего. Претензии к лонжеронам исчезли.

Чтобы оповестить всех о полезном начинании, мы выпустили листовку-«молнию», призвали всех рабочих присоединяться к нам. Голос группы услыхали. Буквально через неделю старший мастер М. Кролик принес предложение, почти не требующее материальных затрат и позволяющее решить проблему продувки резьбы в заднем мосту трактора. Внедрили. Теперь перестали выходить из строя коробки перемены передач.

Вот так идет перестройка — нашими общими усилиями и с нашей огромной верой в ее необходимость, в ее реальность.

М. СЕРАФИМОВИЧ,
наладчик оборудования
2-го механического цеха
Минского тракторного завода

■

В № 29 опубликован материал «Учить себя». Мы не знаем, по какому адресу писать тов. Щетинину М. П., поэтому обращаемся к вам с просьбой переслать ему наше письмо:

Уважаемый М. П. Щетинин!

Балаковский городской отдел народного образования готов предоставить вам школу для проведения эксперимента и создать для этого необходимые условия.

В Балакове проживает 193 тысячи человек, действуют 25 общеобразовательных школ.

Наш адрес: 413800, ул. Механизаторов, 8.

Анна Петровна ВЛАДИМИРОВА,
зав. гороно
Балаково, Саратовская область.

■

В № 43 опубликовано письмо доктора геолого-минералогических наук М. Салье из Ленинграда, в котором сказано: «В школе тех времен (я ее выпускница) нас учили фальсификации истории. В букварях воспроизводилась фотография, где Ленин и Сталин сидели рядом, но даже нам было известно, что она смонтирована».

Это не соответствует действительности.

В августе — сентябре 1922 года при посещении И. В. Сталиным В. И. Ленина в Горках младшая сестра Владимира Ильича — Мария Ильинична Ульянова сфотографировала их на веранде (В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1982, т. 12, с. 371). Фотография была опубликована при жизни всех участников съемки в иллюстрационном приложении к газете «Правда» № 215 от 24 сентября 1922 года.

В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится негатив — оригинал (на стекле) этого снимка. Проверить можно по книге-каталогу «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров». Изд-во «Искусство», 2-е изд., М., 1980, с. 382.

Ю. А. АХАПКИН,
зам. зав. Центральным партархивом
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

■

Что ж это вы, товарищ Баев, спешите нас отпевать в своем письме (№ 38)?! Целое поколение! Не надо обобщать. Мне тоже двадцать восемь. Я считаю, что мы не потерянное поколение, а поколение перестройки. Именно нам ее и осуществлять.

Насчет лет тотального безверия, апатии, двуличия все верно. Я как раз в то время училась в МГУ. Как ни прискорбно, но морально-нравственная коррозия проникла тогда и в стены ведущего вуза страны. Духовный вакуум был очень ощутим. И перестройка, на мой взгляд, подоспела вовремя. Вот если бы не она, тогда действительно, как у поэта, «под бременем познанья и сомненья в бездействии» состарилось бы наше поколение; мы были бы обречены на духовное прозябание.

В отношении подхалимства, карьеризма, протекционизма. Никогда не прибегала к этим средствам, и поныне, увы, действующим безотказно, но не бесследно для самой личности. Не согласна с формулой: не время делает людей, а люди время. Она упрощенная, односторонняя. Всегда приходится выбирать: можешь поступить, как Ф. Ф. Раскольников, а коли «слабо», втаптывай себя в грязь и спокойно живи, если тебе живется в таком состоянии.

Для меня перестройка не весна на соседней улице. Она ворвалась в мою жизнь «грубо, зримо». Как профорг кафедры психологии Мелитопольского пединститута неформально провела заседание кафедры, посвященное претворению в жизнь постановления январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Повестка заседания была согласована с профкомом института. Покритиковала зав. кафедрой за семейственность, призвала покончить с этим. Меня поддержали. А спустя пять с половиной месяцев после избрания по конкурсу (избирают на пять лет) признается мое «несоответствие занимаемой должности преподавателя». Все шито белыми нитками, все легко опровергнуть.

К счастью, я не одна. Борьба идет тяжелая. Силы инерции, оппозиции очень сильны. Но выстоять надо. Не имеем права не выстоять. Тем более неприемлемо для меня слышать речи о «потерянном поколении», о «пассивных сторонниках новых дел». Товарищ Баев, бороться надо, а не предаваться меланхолической интроспекции. Вы что думаете: нравственное оздоровление общества подадут «с доставкой на дом»?!

И. М. РОМАНЕНКО
Мелитополь.

■

Признаться, мы были крайне удивлены очередной публикацией газеты «Советская Россия» от 22 ноября под рубрикой «Отклики: в защиту имени и авторства Михаила Булгакова». Весьма странно, что среди тех, кто ратует за скорейшее академическое издание М. А. Булгакова, есть ученые-гуманитарии. Они-то должны помнить то, что преподается на первом курсе филологических факультетов, даже педвузов,— различие между академическим, полным и просто собранием сочинений. Подготовка академического собрания настолько сложна, что из советских писателей в нашей стране «академически» издан только В. Маяковский, не закончено издание Горького, почти десять лет двумя ведущими научными институтами Советского Союза готовится «академический» Блок, и пока не вышло в свет ни одного тома.

Кстати, об облеченных званиями и должностями ходатаях за Михаила Афанасьевича. Где они были раньше, когда каждая его строка, каждая статья о нем пробивались с трудностями? Хочется напомнить, что самим фактом появления большинства таких публикаций мы обязаны члену комиссии по литературному наследству Булгакова, доктору филологических наук М. О. Чудаковой, в которую сейчас каждый из новоявленных «защитников» со страниц «Советской России» норовит кинуть камень, обвинить, не предъявляя доказательств, во всех смертных грехах.

В качестве мнения специалиста в газете публикуется письмо кандидата филологических наук Л. М. Яновской (чья рукопись книги о Булгакове, оказывается, совершенно фантастически исчезла из сейфа издательства «Художественная литература». Не Воланд ли вмешался в судьбу произведения литературоведа из Харькова?). Понятно, что отношения между исследователями одного предмета часто бывают далеко не безоблачными. Этично ли в таких обстоятельствах предоставлять возможность высказаться лишь одной стороне?

Решение об издании академического Булгакова, как это ни парадоксально, надолго задержит встречу широкого читателя с произведениями писателя. Вспомните хотя бы, как туго идут дела с академическим собранием сочинений Ф. М. Достоевского (издается с 1972 года), а ведь специалистами и исследованиями этот писатель явно не обделен. Уверены: академическое издание Михаила Афанасьевича — дело будущего (надеемся, не столь отдаленного). Оперативно — в ближайшие два-три года — должно выйти обычное собрание сочинений М. А. Булгакова в 5—6 томах. Предлагаем издать это собрание в приложении к «Огоньку».

Это гораздо разумнее, чем выкрикнуть ничем фактически не обеспеченный лозунг «Догоним и перегоним!» и бросаться вдогонку за зарубежным издательством, делая при этом вид, что такое положение у нас с одним лишь Булгаковым. А как же быть тогда с Платоновым, Ахматовой, Пастернаком, Мандельштамом, Гумилевым, Цветаевой, Бабелем, Пильняком и другими — всех сразу не перечислишь, изданными, к сожалению, на Западе полнее, чем у нас? Обвинять в непатриотичности нужно прежде всего тех, кто все эти годы держал и «не пущал» и вовсю издавался сам такими тиражами, что Булгакову и не снились. Вот с этим ненормальным явлением следовало бы разобраться: кто, почему и как это делал?

Мы намеренно посылаем письмо в «Огонек», потому что именно в «Огоньке» впервые напечатаны многие булгаковские материалы.

В. ЛОБАНОВ, врач,
С. ФОМИН, журналист,
Е. ПЛАТОНОВА, служащая
Одинцово, Московская область.

■

«Огонек» в № 37 написал об очередях. Ожидание в очереди имеет свой нравственный «эффект». Очередь, как особая временно сплоченная группа, может «обдать холодом», проявить раздражительность, оказать «воспитательное» влияние.

Время ожидания — прямой вычет из нашего свободного времени. В результате дополнительная усталость, иногда агрессивность, недобор занятий, соответствующих нашим культурным потребностям.

По материалам широких ленинградских обследований, проведенных проблемной лабораторией региональных экономических исследований Ленинградского финансово-экономического института имени Н. А. Вознесенского, установлен ее экономический «эффект»: годовые затраты времени ленинградцев на ожидание услуг торговли, бытовых и медицинских учреждений превышают 850 миллионов часов в год.

Итак, можно вывести своего рода коэффициент полезного действия сферы обслуживания с точки зрения потребителя. Для предприятий бытовых услуг он составил 60 процентов, для продовольственных магазинов — 46, в промтоварных магазинах — чуть более 42. На последнем месте оказалось здравоохранение — 25 процентов. Эти данные наглядно показывают величину резерва улучшения обслуживания жителей крупного города.

Думается, что учет затрат времени должен быть неотъемлемой составной частью экономического и социального планирования.

В. ПРОКОФЬЕВ,
кандидат экономических наук
Ленинград.

■

Сейчас многие с опаской говорят о повышении цен на продовольствие. А меня заботит не это. Я не задумываясь платил бы рубль за буханку хлеба, если бы он был вкусным. Говорят, что теперешний хлеб дешев, но мне и 20 копеек за него жаль. И если бы только хлеб! Недавно отстоял очередь, взял свежую рыбу — толстолобик. Увы, пришлось выбросить: и вареная, и жареная имела запах какой-то химии. Купил печенье «Калорийное». Вскрыл пачку — все пластинки склеены. Разделились после того, как всю стопку стукнул по столу. И тоже невкусное...

Рыбные консервы давно стали притчей во языцех. Правда, исчез печально знаменитый «Завтрак туриста», какие-то банки уценяют... У меня создалось впечатление, что рыбоконсервная промышленность работает у нас на полку, на склад, на уценку.

Мы возмущаемся людьми, переводящими сахар на самогон, и спокойно взираем на узаконенное карамельное безобразие. О чае, о сыре уже писали десятки раз...

Может быть, прежде чем повышать цены на эти

продукты, вспомнить, как наши предки пекли хлеб и получали нормальное масло?

М. М. ГОСТЕВ
Воронеж.

■

Почтовый налог или грабеж? — думаю каждый раз, получая гонорар переводом. Еще в прошлом веке деньги пересылали с курьерами. Не всегда довозили они доверенное им по назначению: то ли грабили их на большой дороге, то ли сам курьер удирал в неизвестном направлении. Вот и взимала почта «страховой сбор» — два процента пересылаемой суммы.

Ныне пересылаются не деньги, а формуляры: от кого, кому и сколько. «Страховой сбор», именуемый так и поныне, потерял свой первоначальный смысл. Но два процента почтовое ведомство взимает по-прежнему.

Очевидно, настало время пересмотреть размер оплаты за пересылку денег. Например, брать какую-то твердую сумму за обработку и выдачу квитанции: скажем, 10 копеек, как за заказное письмо. И еще несколько сотых долей процента пересылаемой суммы. Или даже одну десятую процента. Как это давно уже установлено во всех странах мира, в том числе и в социалистических. Например, в ГДР за пересылку мелких сумм до 10 марок берут 20 пфеннигов, как за обычное письмо; за 100—250 марок — 60 пфеннигов (заказное письмо стоит 70 пфеннигов); пересылка значительной суммы в 1000 марок стоит 1,20 марки, то есть 0,12 процента.

Так не пора ли Министерству связи СССР перестать брать 2 процента и установить разумные тарифы?

Ал. ЯКОВЛЕВ,
член Союза писателей СССР
Москва.

■

Студент-историк Ю. Горячев из Свердловска своим письмом в № 43 проиллюстрировал правоту Л. Аннинского, хоть и пытался его опровергнуть. «Парадокс,— пишет Ю. Горячев,— но во время процесса (по делу Тухачевского — Якира) член суда В. К. Блюхер и подсудимый И. Э. Якир в равной степени оказались жертвами произвола». В равной степени?! Один человек посылает другого на смерть — и это «в равной степени»?! А если бы Блюхер не последовал в скором времени за бывшими соратниками по борьбе и оставался бы в высшем армейском комсоставе, повлияло бы это на позицию Ю. Горячева? Членом Специального присутствия, судившего Тухачевского и Якира, был еще маршал Б. М. Шапошников. Как известно, его репрессии не коснулись. Как быть с ним? А может быть, «в равной степени» считать жертвой произвола и «железного наркома» Ежова — ведь и его в дальнейшем постигла участь мнимых «врагов народа»?

Ю. Горячеву кажется, что лучшее оправдание Блюхеру то, что «он был обманут, его заставили поверить клевете...». Простите, как это можно заставить поверить? Ю. Горячев из самых лучших намерений оказывает своему «подзащитному» медвежью услугу. Еще впереди серьезные исследования той общественной ситуации, в которой преступники смогли втянуть в свои преступления не только людей, посторонних жертвам, но и их соратников по былой борьбе, а иногда даже и ближайших родственников. Пока такие исследования отсутствуют, давайте воздержимся от наивных, по мягкому определению Л. Аннинского, попыток толковать трагическое переплетение судеб, как это делает Ю. Горячев.

Изложенное не означает, конечно, что я призываю бросить камень в маршала Блюхера. Боже упаси! При всей тяжести его несомненной вины в отношении Тухачевского и Якира он заслуживает более квалифицированной защиты, чем горячевская.

М. В. КОПЕЛИОВИЧ,
литератор
Ленинград.

■

На страницах вашего журнала мы с большим интересом читали материалы о Владимире Высоцком и думаем, что вы разделите нашу озабоченность тем, как издаются его песни. Фирма «Мелодия» имеет монопольное право на выпуск записей Высоцкого. Вышло уже пять дисков, но в них идут сплошные повторы.

Почитатели творчества поэта располагают большими коллекциями его песен, но качество записи часто оставляет желать лучшего. Мы все надеялись, что диски «Мелодии» не только будут лучше звучать, но и творчество Высоцкого на них будет представлено шире и полнее. Мало того, что повторяются песни, в последних выпусках вдруг появились его театральные коллеги. Голоса Аллы Демидовой и Высоцкого не одно и то же,— мы ничего не имеем против актрисы, но пусть это будет другой диск.

Из изданных 118 песен повторились 54. Сколько же прекрасного и интересного еще не тронуто «Мелодией»! И будет ли?

В. К. КУДЛАЙ
Калинин.

■

«Вашим особнякам, отданным под музеи, повезло больше, чем отданным под жилые дома или организации. Вот у нас все наоборот. А вообще-то жаль ваши старые особняки, любой из них мог бы украсить какой угодно город Европы» — это я услышала от одного из артистов труппы балета Мориса Бежара: съемки советско-французского фильма проходили в интерьерах старинных зданий. Конечно, можно было ему возразить, сказать, что есть и у нас жилые дома, сохранившиеся довольно хорошо, есть и особняки, отданные различным организациям, которые о них заботятся. И, наоборот, есть проблемы у музеев (как, например, у Музея Октябрьской революции — бывшего особняка балерины Кшесинской, который реставрируем, как говорится, всем миром). Но была в этих словах и горькая правда.

Я живу на улице Петра Лаврова. Напротив моих окон бывший особняк Кочубея. Здесь уже много лет детская поликлиника. Испорчен чудный дворик, а когда-то тут было уютно: шумел фонтан, стояли скамейки. Шедевр зрелого модерна раньше украшал навес над дверьми фасада. Но давно нет изумительного навеса, и никому до этого нет дела.

Прочла как-то в газете «Смена» воспоминания одной блокадницы. «Мы,— написала она,—каждый кусочек лепнины старались отыскать среди руин. Чтобы не дать врагу города нашего разрушить». Неужели зря отыскивали? Неужели нет иного способа ремонта — щадящего, бережного? Ленинград — особое место, уникальный музей под открытым небом. Облик города создают не только Эрмитаж, Русский музей, Инженерный замок, но и дома, в которых живут ленинградцы.

Особенно мне жаль витражи. Когда-то Петербург был самым витражным городом России. Но в блокаду многие из них погибли, а оставшиеся добили мальчишки. Сетовать и критиковать можно долго, не для того я пишу. Хочется найти выход из сложившегося положения. Например, организовать среди художников кооператив, который бы восстанавливал балконные решетки, навесы, чугунные ворота. Их в городе много, и они требуют срочного ремонта. Средства на эти работы, думаю, могут предложить организации, занимающие здания. Уверена, что будет немало добровольных пожертвований, если открыть счет в банке, как сейчас практикуется. Наверное, и у других ленинградцев есть свои соображения по поводу спасения уникальных зданий.

О. В. ОБУХОВСКАЯ
Ленинград.

■

Пишу вам от имени Мюнхенского общества охраны животных, одного из многих в нашей стране и Западной Европе.

Нас глубоко порадовала статья «Закон милосердия» (№ 21). Было радостно узнать, что благодаря «Огоньку» в СССР активизировалась деятельность по защите животных, по принятию закона, который бы их защищал. Наше общество борется против опытов на животных, кражи их для опытов, мы требуем открыть приюты для бездомных существ, пристраиваем у желающих, протестуем против содержания скота или птицы в неимоверной тесноте, стремимся добиться для животных своего рода юридического статуса.

Своей цели мы достигаем чтением докладов, показом документальных фильмов, проведением широких дискуссий. Устраиваем на многолюдных городских улицах стенды, распространяем соответствующую литературу (иллюстрированные брошюры и листовки), обращаемся к общественности и правительству.

Человеку уже сейчас предъявляется «гамбургский счет» за эгоистическую эксплуатацию мира. Растущее загрязнение окружающей среды, катастрофическое нарушение экологического баланса, войны — таковы драматические последствия равнодушия, жестокости, цинизма. Казалось бы, это не имеет прямого отношения к животным, но если привести все к общему знаменателю, то можно понять, что начало в нас самих, в нашем отношении к окружающему миру, в котором отражаемся в конечном итоге мы сами.

Благотворные процессы, разворачивающиеся ныне в России, вселяют надежду на новое нравственное отношение к животным. Ведь истинная нравственность человека определяется не его отношением к сильным, а к слабым.

Ильзе ХУМЛЬ
Мюнхен, ФРГ.

ДЕМОКРАТИЯ И ГЕНЕТИКА

Не так давно в центральных газетах рассказывалось о неблаговидной роли президента АН Молдавской ССР А. А. Жученко в решении вопросов, связанных с развитием в республике садоводства и охраной окружающей среды. На днях стало известно, что, пренебрегая этими материалами, экспертная комиссия при Отделении общей биологии АН СССР рекомендовала одного лишь А. А. Жученко (при наличии еще четырех кандидатов) в академики по специальности генетика. Трудно понять мотивы членов комиссии, трудно согласиться с полным пренебрежением мнений подавляющего большинства генетиков СССР.

Наша страна пережила тяжелый период господства лысенковщины. Нам, генетикам старшего поколения, памятны мрачная обстановка тех лет, преследование и физическое уничтожение талантливейших ученых во главе с академиком Н. И. Вавиловым, диктат малограмотного фанатика Лысенко. Разрушение научной селекции и племенного дела продолжалось долгие годы и стоило нам огромных (миллиардных) потерь. Формально наука была восстановлена в правах в 1964 году, но, по существу, она до сих пор не оправилась от многолетнего запрета и преследований. Мы сильно отстаем от зарубежных стран в разных областях генетики (и биологии вообще), в селекции, семеноводстве, племенном деле. Главная трагедия — недостаток квалифицированных кадров: на протяжении более чем 20 лет наши университеты и институты не готовили специалистов-генетиков. Не избирались они тогда и в Академию наук СССР. После 1964 года ее членами стали Н. П. Дубинин, Б. Л. Астауров, Д. К. Беляев, но, к сожалению, сегодня продолжает работать только Н. П. Дубинин, и ему уже 81 год.

Не много имен сейчас можно назвать в числе достойных кандидатов в академики. Прежде всего это президент ВОГиС имени Н. И. Вавилова, председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции, член-корреспондент АН СССР В. А. Струнников, известный своими тончайшими, уникальными исследованиями, проведенными на тутовом шелкопряде. Он, бесспорно, один из самых замечательных селекционеров, создатель прекрасных пород и гибридов шелкопряда. Всемирно известен своими работами в области химического мутагенеза и мутагенной селекции И. А. Рапопорт, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии. Подходящим кандидатом может быть талантливый ленинградский ученый, заведующий лучшей в СССР кафедрой генетики в Ленинградском университете профессор С. Г. Инге-Вечтомов. Он выдвинут кандидатом в члены-корреспонденты, но вполне заслуживает стать действительным членом. При всем желании невозможно поставить в этот ряд (и даже близко к нему) А. А. Жученко. Как генетик он не известен ни у нас в стране, ни за ее пределами. Объяснить советской общественности и мировому научному сообществу решение экспертной комиссии невозможно.

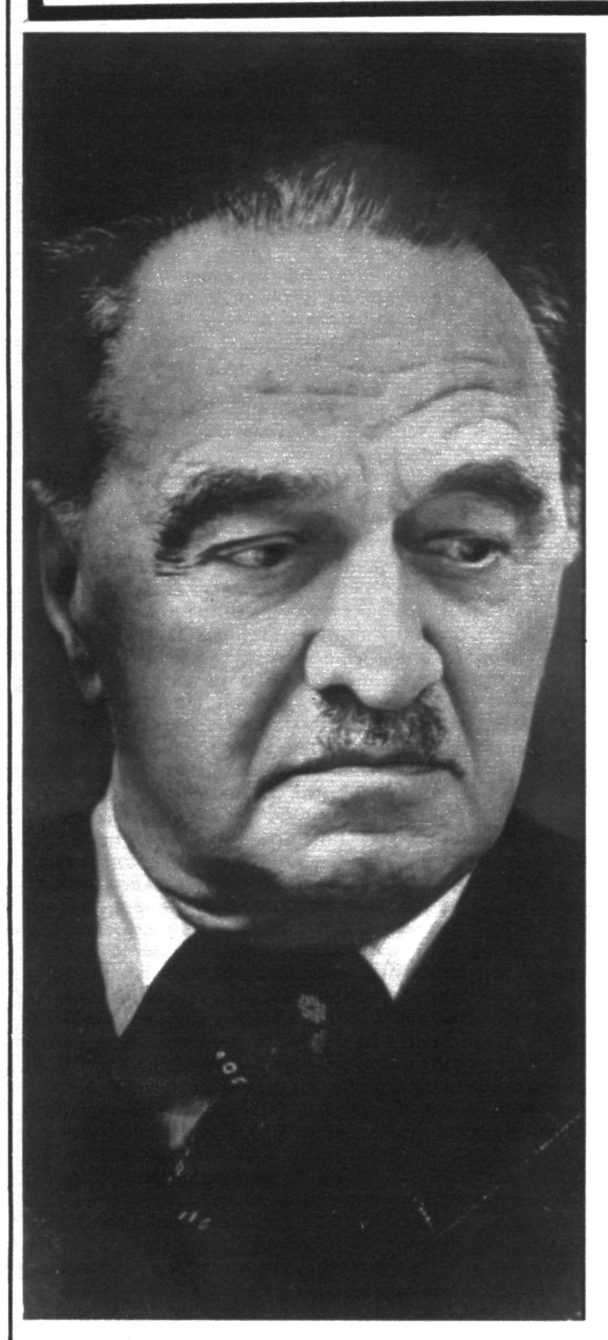
История с настойчивым продвижением в академики А. А. Жученко и дискриминацией таких крупных ученых, как В. А. Струнников, И. А. Рапопорт, С. Г. Инге-Вечтомов, говорит о вопиющем недостатке демократии в Академии наук СССР. Антидемократичность видна и во многом другом, в частности в «закрытости» Президиума АН, его секций и отделений. Трудно добиться приема у президента и вице-президентов академии, у академиков-секретарей, даже у рядовых сотрудников президиума. Ярким примером тому может служить длительный отказ президента Г. И. Марчука от приема нескольких членов-корреспондентов и профессоров, добивавшихся возможности поговорить с ним о насущных и неотложных вопросах, о принятии срочных мер для преодоления отставания в генетике, которая является фундаментом всей современной биологии. История с выборами академиков — лишь частная иллюстрация общего неблагополучия в Академии наук СССР.

А. В. ИВАНОВ, академик,
лауреат Ленинской премии;
В. С. КИРПИЧНИКОВ,
профессор, доктор биологических наук,
лауреат премии имени Н. И. Вавилова;
С. Е. МАМАЕВА,
доктор биологических наук;
Ю. И. ПОЛЯНСКИЙ,
член-корреспондент Академии наук СССР;
А. Л. ЮДИН, доктор биологических наук

Наш адрес:
101456, Москва, ГСП,
Бумажный проезд, 14

1917 • 1987

МЕМУАРЫ — НЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ, ЭТО ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ. НАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЧТО ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛЮ «ОГОНЬКА» ОТРЫВКИ ИЗ ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ПУБЛИКОВАВШИХСЯ ВОСПОМИНАНИЙ АНАСТАСА ИВАНОВИЧА МИКОЯНА БУДУТ С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ ВСТРЕЧЕНЫ ВСЕМИ, КТО ВСЕРЬЕЗ ИНТЕРЕСУЕТСЯ ИСТОРИЕЙ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.



К ВОСПОМИНАНИЯМ А. И. МИКОЯНА

Имя Анастаса Ивановича Микояна хорошо известно. Член большевистской партии с 1915 года, активный участник революции и социалистического строительства, делегат всех съездов партии с 1920 по 1966 год, с 1926 по 1966 год избиравшийся в состав Политбюро ЦК и работавший на самых высоких и ответственных постах, член Государственного Комитета Обороны в годы Великой Отечественной войны, он принадлежал к той когорте деятелей нашего государства, которая формировалась под непосредственным воздействием Владимира Ильича Ленина.

Анастас Иванович Микоян приступил к своим мемуарам в 1966 году, когда на 71-м году жизни отошел от активной партийной и государственной деятельности. До этого, правда, он уже публиковал краткие воспоминания о тех или иных представителях ленинской гвардии. Выйдя на пенсию (оставаясь членом ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР), он начал заниматься мемуарами систематически, публикуя их частями в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Военно-исторический журнал» (в последнем — очерки о Великой Отечественной войне).

Подготовил книгу «Дорогой борьбы» (М., 1971), которая разошлась в течение нескольких дней (с тех пор не переиздавалась) и сразу же превратилась в библиографическую редкость. Книга охватывала период с детства и до середины 1920 года — до момента отъезда из Баку на работу в Нижний Новгород. Издательство «Прогресс» выпустило тогда эту книгу на французском языке, в Ереване издали ее на армянском. Вышла она затем в Венгрии, Болгарии, Японии, Италии, Польше. Сейчас готовится к выпуску в США.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подготовил также книгу «В. И. Ленин. Мысли и воспоминания».

Но в последующие годы его работы ожидала нелегкая судьба. Уже первая книга вызвала такое недовольство кого-то «наверху», что Госполитиздату пришлось прекратить прекрасную серию «О людях и о себе». Вторая книга, названная «В начале двадцатых...», подверглась суровому редактированию и даже неавторским дополнениям, сделанным по требованию отнюдь не всегда последовательных рецензентов. Если речь, например, шла о том, что особенно запомнилось автору на X и XII съездах партии, рецензентом отмечалось, что работа съезда этим не ограничивалась и что нужны дополнения. Вместе с тем автору бросался упрек, что он должен писать не историю партии, а личные воспоминания. Зато когда рецензент переходил именно к воспоминаниям личного характера, то обвинял автора в субъективных оценках или даже нескромности. Оценки дискуссий, отдельных лиц предлагалось переписать и дополнить в духе тогдашних изданий «Истории КПСС».

А. И. Микоян возмущался, спорил. Однако желание видеть свои воспоминания опубликованными при жизни (а ему уже было почти 75) заставляло уступать. Ему вписывали целые пассажи (например, против Бухарина), вычеркивая многое, что автору было дорого. Сегодня мы можем по-разному относиться к этому, даже упрекнуть его в подобной уступчивости, однако следует учитывать, что он не видел просвета в застойной атмосфере тех лет, а собственных лет ему оставалось все меньше и меньше...

Эту вторую книгу все же выпустили в 1975 году, без фотографий и малым тиражом.

С третьей книгой дело обстояло еще хуже. Ко времени работы над ней А. И. Микоян уже не избирался членом ЦК КПСС (в котором состоял с 1922 года), не выдвигался в депутаты Верховного Совета СССР. Правда, иногда ему делались предложения развить в какой-нибудь статье или речи тему «от Ильича до Ильича...», и тогда, мол, «все будет хорошо». Но он категорически отвергал такого рода предложения, вопреки настойчивым советам никогда не пел «аллилуйю» Л. И. Брежневу.

Третью книгу еще более жестко рецензировали и, соответственно требованиям, редактировали. Все это продолжалось долго, мучительно долго для автора, которому уже минуло 80 лет. А через два месяца после его смерти, в декабре 1978 года, меня вызвали в издательство и вернули последний вариант рукописи, сообщив, что книга исключена из плана. Честно говоря, я не был сильно огорчен, ибо, как и вторая книга, эта рукопись далеко не во всем отражала подлинные мысли и чувства автора.

Должен отметить, что А. И. Микоян, как правило, не писал свои воспоминания, а диктовал их. Значительная часть его диктовок, записанных мною либо стенографисткой, не вошла в текст, поступивший в Госполитиздат, но сохранилась в моем архиве. Поэтому при работе над текстом книги, отрывки из которой предлагаются читателю «Огонька», я использую не только вариант, подготовленный для печати в годы, когда историю можно было освещать лишь в рамках, утвержденных «свыше». Это было бы несправедливо по отношению к автору, ибо А. И. Микоян неоднократно возмущался произвольным обращением с тем текстом, который он считал допустимым для издания в тогдашних условиях (то есть текстом, где он сам себя ограничивал, высказывая мне в устной форме то, что хотел бы написать, но что невозможно, «пока М. А. Суслов вершит нашей идеологией»).

Литературное наследие А. И. Микояна не исчерпывается перечисленным. Ожидает издания книга очерков о Великой Отечественной войне. Сохранились отдельные диктовки о послевоенном периоде, о зарубежных миссиях (например, в освобожденные районы Китая в начале 1949 года, в Польшу и Венгрию в 1956 году, в США в 1959 и 1962 годах, на Кубу — в 1960 и 1962 годах и др.). Над всем этим материалом еще предстоит большая работа.

Сейчас читателям «Огонька» предлагается в сокращенном варианте материал А. И. Микояна, посвященный важному этапу советской истории — XIII съезду Российской Коммунистической партии (большевиков) и сложному периоду сразу после него. Это был первый съезд партии после невосполнимой утраты — смерти В. И. Ленина.

Серго МИКОЯН,
доктор исторических наук.

На снимках:
А. И. Микоян. 1975 год.
А. И. Микоян с крестьянами Ставрополья. 1925 год.

Снимки из архива С. А. Микояна.

А. И. МИКОЯН

В ПЕРВЫЙ РАЗ БЕЗ ЛЕНИНА

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

За три дня до открытия XIII партийного съезда делегация от Северного Кавказа, избранная краевой партконференцией, выехала в Москву. Мы с Ворошиловым, который тогда командовал Северо-Кавказским военным округом, отправились несколько раньше, поскольку нам, как членам ЦК, надо было еще попасть на предсъездовский Пленум Центрального Комитета. В дни, когда мы с Ворошиловым собирались в Москву, я отправил свою жену, ожидавшую второго ребенка, в Кисловодск. Там она и родила в июне 1924 года сына, которого мы назвали Володей[1] в честь скончавшегося за 5 месяцев до этого Владимира Ильича Ленина.

Ехали мы в скором поезде Тифлис — Москва вместе с Орджоникидзе, Кировым, Орахелашвили и Мясникяном (к которым присоединились в Ростове). По дороге, естественно, было немало разговоров о предстоящем Пленуме и съезде, о положении в партии, об общем состоянии страны. Мы все давно дружили между собой, а меня лично многое связывало с Закавказьем.

1923 и 1924 годы были характерны значительными успехами в деле восстановления народного хозяйства, во внешней политике и развитии внешней торговли. В результате двух хороших урожаев подряд удалось не только разрешить продовольственный кризис в стране, но и заметно увеличить экспорт хлеба. Впервые в нашей торговле в целом было достигнуто превышение экспорта над импортом. Это дало дополнительную солидную сумму валюты, которая, с одной стороны, служила известной гарантией на случай каких-либо неожиданных хозяйственных затруднений и капризов природы, а с другой — позволила выделить около 50 миллионов рублей на сверхплановые закупки за границей недостающего нам сырья (хлопка, кожи, резины) для предприятий легкой промышленности. Закупка сырья позволила загрузить эти предприятия и наладить производство товаров широкого потребления, столь необходимых деревне. Все это делалось вопреки рецептам троцкистской оппозиции, предлагавшей проводить политику так называемой «товарной интервенции», то есть широкого ввоза из-за границы готовых промышленных товаров ширпотреба.

В политической жизни страны важнейшим тогда событием был объявленный ЦК Ленинский призыв рабочих в партию, в итоге которого в нее вступили лучшие, наиболее стойкие, наиболее преданные, наиболее честные и смелые сыны пролетариата.

Большой подъем политической активности проходил и среди трудового крестьянства. На Северном Кавказе (где я работал секретарем крайкома), как и во многих других сельскохозяйственных районах страны, это чувствовалось особенно сильно. Учитывая огромное желание многих крестьян — бедняков и середняков стать коммунистами, ЦК партии незадолго до XIII партсъезда, в апреле 1924 года, вынес решение о приеме в партию 20 тысяч наиболее передовых крестьян — для общего усиления связи партии с деревней, особенно с национальными окраинами.

[1] В 1941 году семнадцатилетним юношей он пошел добровольцем в летную школу, а в сентябре 1942 года погиб в воздушном бою под Сталинградом.

XIII партийному съезду предшествовала большая подготовительная работа. Опубликованные тезисы докладов по повестке дня предстоящего съезда дали возможность тысячам коммунистов на местных партийных конференциях широко обсудить вопросы, вынесенные на рассмотрение партийного съезда, и вооружить своих делегатов конкретными предложениями.

ПИСЬМО ВОЖДЯ

Мы хорошо понимали нашу большую ответственность за работу партийного съезда: ведь он впервые проходил без Ленина. Если на предыдущем, XII партийном съезде, где Ленин отсутствовал из-за болезни, можно было руководствоваться хотя и заочно, но все же его непосредственными указаниями, то теперь предстояло самим решать вопросы и пытаться делать это так, как если бы живой Ленин был с нами.

На Пленуме, состоявшемся 21 мая 1924 года, выступивший по поручению Политбюро Каменев сообщил, что три дня назад (18 мая) Н. К. Крупская, выполняя волю покойного Владимира Ильича, передала в ЦК его "Письмо к съезду", ставшее впоследствии известным под названием «Ленинское завещание».

С огромным волнением слушал ленинское письмо, проникнутое величайшей заботой о судьбах партии, о необходимости сохранения ее единства, одной из гарантий которого Ленин всегда считал сплоченность и единство ЦК как органа коллективного руководства партии. Тревога, которую переживал в связи со всем этим Ленин, передалась и нам, участникам Пленума. Озабоченный обстановкой, сложившейся в Центральном Комитете, Ленин характеризовал отдельных его членов, высказывал в связи с этим свои опасения и сомнения, давал политические советы, как сохранить устойчивость внутри ЦК, как уберечь его от возможного раскола.

Выражая, по существу, недоверие Троцкому в связи с характерным для него «небольшевизмом», увлечением административной стороной дела, Ленин в то же время предупреждал партию и о недостатках некоторых других руководящих деятелей партии (Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова), давая каждому из них объективные и удивительно точные характеристики.

Говоря о Сталине, Ленин подчеркивал, что, став Генеральным секретарем ЦК партии[2], Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Поэтому Ленин предлагал «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Огласив это письмо, Каменев сообщил, что Политбюро, учитывая волю Владимира Ильича, вносит предложение довести этот ленинский документ до сведения делегатов съезда. Однако Политбюро предложило зачитать и обсудить его не на пленарном заседании, а по делегациям. Эта «деталь» сама по себе уже имела значение. Каменев добавил при этом, что Политбюро рекомендует при обсуждении ленинского письма исходить из возможности оставить Сталина на посту Генерального секретаря, поскольку он признает недостатки в своем характере, отмеченные Лениным, и обещает сделать из этого необходимые выводы.

[2] Должность Генерального секретаря ЦК партии была учреждена после XI партийного съезда по решению Пленума ЦК от 3 апреля 1922 года. Тогда же на эту должность Пленум избрал Сталина. Надо сказать, что в те годы эта должность не имела еще того значения, которое приобрела в дальнейшем. Вообще Секретариат не играл особой роли, считаясь как бы исполнительным органом для текущей работы при Политбюро.

Думается, что такое предложение Политбюро отражало имевшиеся в нем противоречия, прежде всего опасения Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и других относительно усиления роли Троцкого. Это предложение содержало и тенденцию к уходу от выполнения завещания Ленина.

Предложение Политбюро на Пленуме не обсуждалось, потому что другого мнения никто не высказал. Пленум принял предложение Политбюро о порядке ознакомления делегатов съезда с письмом Ленина и решил, что широкой публикации оно не подлежит, поскольку предназначено только для делегатов съезда.

РЕШЕНИЕ СЪЕЗДА

Ленинское «Письмо к съезду» было зачитано и обсуждено в каждой делегации. Все они высказались за то, чтобы оставить Сталина на посту Генерального секретаря ЦК.

Из чего мы, делегаты съезда, при этом исходили?

У всех на глазах только что прошла острая борьба большинства ЦК с Троцким и его сторонниками. Сталин сыграл в ней большую роль, умело и аргументированно отстаивая ленинское понимание того, как нам идти дальше.

Не могли мы, делегаты съезда, не учитывать и того, что кандидатура Сталина как Генерального секретаря ЦК не встретила на Пленуме возражения ни от одного члена Политбюро, хотя среди них были Троцкий, Каменев и Зиновьев, претендовавшие после смерти Ленина на «первые роли» в руководстве партии, были и такие авторитетные люди, как Бухарин, Рыков.

Оглядываясь в прошлое, думаю, что вопреки предупреждению Ленина одни из них не видели в Сталине серьезного соперника, другие — претендента на роль вождя бонапартистского типа. Поэтому и предпочли скорее сохранить его, чем выдвинуть кого-либо из более авторитетных, чем Сталин, руководителей партии, имевших престиж в качестве теоретиков и идеологов. Опасались, что такой лидер сможет более, чем Сталин, навязывать свою волю и нанести ущерб коллективному руководству. Сегодня это выглядит не просто странно, а даже невероятно, но именно так, по моему мнению, обстояло дело.

Мы обратили внимание и на то, что в «Ленинском завещании» были высказаны критические замечания в адрес многих руководителей партии — наряду с высокой оценкой их — и что он не предложил конкретной кандидатуры взамен Сталина. Если бы он это сделал, Политбюро, а тем более ЦК и делегаты съезда не пошли бы вразрез с предложением Ленина. Кроме того, мы, конечно, надеялись, что и сам Сталин учтет резкую критику со стороны Ленина, тем более что он дал в этом соответствующее заверение. Должен признаться, что об этих качествах Сталина многие из нас просто не знали. Напротив,

встречаясь с рядовыми членами ЦК и с другими видными партийными работниками, он вел себя подчеркнуто по-товарищески, внимательно выслушивал, не проявлял «вождизма», капризности и чванства. На самом XIII съезде, как обычно жарком и полемичном, он выступал только два раза, остальное время молча сидел в президиуме и ни разу даже не взял в руки звонок председателя. Думается, не я один обратил на это внимание и положительно оценил такое поведение Сталина. Лишь годы спустя можно было прийти к выводу, что такое подчеркнуто скромное поведение было продиктовано еще и состоявшимся только что обсуждением в ЦК «Ленинского завещания» с предложением о замене его другим лицом. Более того, стало ясно, что такое поведение было рассчитано на завоевание доверия членов ЦК и актива партии в задуманной им борьбе против членов Политбюро, вылившейся позже в массовые репрессии против самой партии.

Конечно, я находился под огромным впечатлением ленинского «Письма к съезду» и мне — да и только ли мне?— было мучительно тяжело не согласиться с предложением Ленина. Оправданием мог служить лишь тот факт, что после того, как письмо было продиктовано Лениным, Сталин сумел сыграть большую роль в объединении вокруг основного ядра ЦК ленинских кадров, что помогло партии выйти из борьбы с Троцким единой и сплоченной. Ведь Троцкий казался главной опасностью.

Говоря о себе, могу сказать, что знал «двух Сталиных». Одного, которого очень ценил и уважал как старшего товарища,— первые примерно 10 лет и совсем другого — в последующий период. В 20-е годы я бы никогда не поверил, что он способен на преступления, да еще какие! Конечно, мы на местах догадывались, что в Политбюро идет борьба, но считали, что ЦК всегда сможет держать под своим контролем общую ситуацию и обеспечить сохранение ленинской внутрипартийной демократии. В этом мы, рядовые члены ЦК, и видели свою задачу.

Постепенно становилось ясно, что полное сохранение баланса, какой поддерживался при Ленине, давалось все труднее и труднее. Но мы никогда не думали об «отсечении» кого-либо от руководства партией. Борьба мнений рассматривалась как нормальное явление. Подлинные цели Сталин в этой борьбе тщательно скрывал. Даже начавшееся «отсечение» от руководства представлялось им как неминуемое размежевание и невозможность без Ленина сохранять статус-кво в Политбюро. Иногда — в последний раз это было в 1926 году — он ставил ультиматум: или вопрос будет решен в его пользу, или он уходит... Такие ультиматумы выдвигались чаще в косвенной форме, но обязательно в момент, когда большинству членов ЦК казалось, что его уход приведет к расколу в результате опасного усиления Троцкого или Зиновьева, склонных к «диктаторским» замашкам. Диктаторские же потенции и действия самого Сталина в полной мере я смог представить лишь тогда, когда с ними стало уже невозможно бороться. Орджоникидзе и Киров, с которыми я был очень близок и знал их настроения, оказались, думаю, в такой же роли обманутых «первым» обликом Сталина. Даже зимой 1934 года на XVII съезде партии, получив наибольшее число голосов делегатов съезда при выборах ЦК и предложение от группы делегатов съезда стать Генеральным секретарем, Киров отказался, проявил тем самым лояльность, принципиальность, свойственную этому честнейшему человеку. Он рассказал обо всем Сталину, но встретил с его стороны лишь враждебность и мстительность ко всему съезду и, конечно, к самому Кирову.

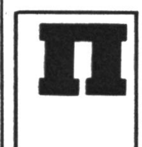
Об этом я узнал лишь двадцать с лишним лет спустя. После смерти Сталина из ссылки вернулись старые большевики А. В. Снегов и О. Г. Шатуновская. Первого я знал с 1920-х годов, а Олю я встретил еще в 1918 году, когда она была секретарем Степана Шаумяна в Баку. Хрущев тоже давно знал их. Они многое рассказали нам с Хрущевым, что мы представляли недостаточно ясно или о чем вообще не имели представления. Затем Шатуновская стала работать в КПК. Занимаясь делом об убийстве Кирова, КПК уже документально установила, что против него на XVII съезде было подано всего 3 голоса, а против Сталина—почти в сто раз больше. Председатель счетной комиссии Затонский и отвечавший за ее работу от президиума съезда Каганович конфиденциально сообщили об этом Сталину. Тот потребовал, чтобы и против него осталось 3 голоса. Подсчет происходил по 13 отдельным комиссиям. Членом одной из них был мой друг со времен духовной семинарии Н. Андреасян. Он рассказал, что только в его комиссии было вскрыто 27 голосов против Сталина. А членом большой счетной комиссии был Верховых, чудом уцелевший после 18-летнего заключения. Таким образом, становилось ясным, что, во-первых, Киров в глазах Сталина оказался соперником, а во-вторых, в партии, в том числе в ее руководящем эшелоне, даже после поражения всех оппозиционных групп, нарастало недовольство Сталиным. Все это на многое открыло нам глаза...

Сталин к Кирову относился вначале неплохо. Но потом произошли события, которые нельзя толковать иначе, как попытки «приручить» Кирова. Во внутрипартийной политике Сталин предпочитал опираться на Молотова, Кагановича, затем Жданова, а еще позже — Берию и Маленкова. Неплохой, но крайне безвольный человек, Жданов порой мог стать инструментом для самых неприглядных дел в руках интриганов и прежде всего самого Сталина.

Рассказывая о Кирове, не могу не вспомнить фельетон в «Правде», подписанный фамилией «Зорич», об одном ответственном работнике, переехавшем из Баку в Ленинград в просторную квартиру, где обзавелся двумя собаками. Чистая демагогия! Но неприятно было, ведь все поняли, о ком речь. Между тем Мехлис никогда не поместил бы такой фельетон без прямого указания Сталина. А однажды на Политбюро организовал обсуждение «неудачных» фраз в статье Кирова, опубликованной в 1913 году!

Возвращаясь к XIII съезду, хочу сказать, что, к несчастью, лишь в последующий период деятельности Сталина, уже в конце 20-х годов и особенно начиная с 1930-х годов, стали очевидны те негативные черты, на которые указывал Ленин в своем «Завещании» — да и не только те!— в масштабах, которые невозможно было тогда предвидеть. Такова была наша страшная, трагическая расплата за невыполнение завета Ильича.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ



После окончания первого заседания съезда все мы отправились на Красную площадь, к Мавзолею Ленина. Там состоялся торжественный парад юных пионеров, пришедших приветствовать XIII съезд партии.

Делегаты съезда разместились по обе стороны Мавзолея, а члены президиума поднялись на него. Тогда Мавзолей был еще временный, деревянный, лишь впоследствии он стал таким, каким мы знаем его сегодня. На Красной площади выстроились более 10 тысяч юных пионеров. Море детских головок, красных пионерских галстуков и цветов. Волнение охватило всех нас, когда открывший парад представитель ЦК комсомола Васютин объявил, что отныне пионерской организации присвоено имя великого Ленина.

После нескольких приветственных выступлений членов президиума съезда и проникнутой пафосом речи знаменитой немецкой коммунистки Клары Цеткин выступил один из старейших участников международного рабочего движения, всеми уважаемый Феликс Кон, напоминавший своим внешним видом древнего мудреца: пышные седые волосы, окладистая и тоже седая борода, густые брови, из-под которых глядели умные и не по возрасту ясные, сверкающие глаза.

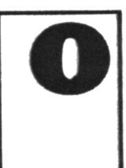
— Мне как одному из старших,— сказал он, обращаясь к пионерам,— поручено привести вас к торжественному обещанию.

Он зачитал текст торжественного обещания, который хором повторили тысячи пионеров на площади.

— Всегда готовы!— прокатилась волна пионерских голосов по Красной площади.

Это были незабываемые минуты. Когда парад закончился, делегаты съезда вошли в Мавзолей. Молча прошли мы мимо саркофага.

О ЗАДАЧАХ ПАРТИИ



Организационный отчет ЦК, с которым на съезде выступил Сталин, был довольно лаконичным. Построенный на конкретных фактах, изложенных спокойно, без всякой полемики, он давал анализ состояния массовых организаций, связывающих партию с трудящимися.

С большими докладами выступили Зиновьев, Каменев, Молотов. Широко обсуждались вопросы, касавшиеся работы с коммунистами Ленинского призыва, поскольку тема эта охватывала все основные проблемы, вокруг которых развертывалась тогда наша партийная работа. Втянуть в практическую партийную и советскую работу молодых коммунистов, связать их с повседневной жизнью государственных, партийных, профессиональных, кооперативных и других органов, правильно организовать их марксистско-ленинское воспитание и образование — вот как мы понимали круг задач дальнейшего расширения и укрепления рабочего ядра в составе партии, оживления партийной работы и расширения внутрипартийной демократии.

Троцкий, касаясь своих политических ошибок, сослался на известную английскую пословицу «Права или не права, но это моя страна» и закончил свою речь, как всегда, эффектной, красивой фразой о том, что «...если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца».

Многие делегаты съезда (после Троцкого по вопросу об оппозиции выступали Рудзутак, Чаплин, Ярославский, Крупская и другие) остро критиковали позиции Троцкого и его сторонников.

Съезд дружно, под аплодисменты, единогласно одобрил политическую линию и организационную деятельность ЦК.

КООПЕРАЦИЯ, ТОРГОВЛЯ, ДЕРЕВНЯ

Большое место в работе съезда заняли вопросы торговли, кооперации и тесно связанные с ними проблемы нашей деревни. Говоря о торговле, докладчики и делегаты съезда исходили из указаний Ленина о том, что при определенных условиях «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью...». Как отмечалось на съезде, в розничном товарообороте страны еще господствовал частный капитал, на который в 1922/23 хозяйственном году падало 93,4 процента всей суммы этого оборота. Лучше было соотношение частного и государственно-кооперативного капиталов в оптово-розничной торговле в целом: примерно половина на половину. И лишь в области оптовой торговли на государство и кооперацию приходилось 85,5 процента, а частного капитала — всего 14,5 процента. Главная задача состояла в том, чтобы завоевать огромный крестьянский рынок и постепенно вытеснить частный капитал. В этой связи особое значение приобретало развитие государственной торговли и укрепление всех видов кооперации в деревне. «Слабость кооперации в деревне,— отметил съезд,— есть самое слабое звено смычки пролетарской промышленности с крестьянством».

Выступая с докладом о работе в деревне, Калинин, как всегда, очень живо и доступно рассказал о положении в деревне, о политике партии в этой области. Говоря о ходе классовой борьбы в деревне, особенно подчеркнул, что борьба эта осложняется еще и тем, что сельские коммунисты, борясь с кулачеством, нередко относят к кулакам и некоторых более или менее «крепких середняков».

В связи с этим Михаил Иванович сослался на неоднократные высказывания Ленина об отношении партии к середняку, о том, что «мы должны с ним жить в мире». Убедительно доказывал при этом, что и борьба с кулачеством должна состоять прежде всего во всемерном развитии всех видов кооперации в деревне.

Выступая после Калинина в качестве его содокладчика, Крупская сосредоточила в основном внимание на состоянии школьного образования в деревне, на организации там политпросвещения. Она говорила о плачевном состоянии сельских школ и изб-читален, о тяжелом материальном положении сельского учительства, о том, что в деревенских школах не хватает карандашей, тетрадей, учебников.

В тот же день работы съезда нам объявили, что на Красной площади собралось несколько десятков тысяч «просвещенцев» — учителей, которые по своей инициативе пришли, чтобы продемонстрировать свою преданность и уважение нашей партии. Они прислали делегацию и на съезд. От имени съезда их приветствовал на Красной площади Зиновьев.

Делегаты разъезжались из Москвы к местам своей работы с ощущением того, что XIII съезд прошел дружно, под знаком сплочения партии. Выступая с докладом о его итогах на собрании актива краевой парторганизации в Ростове, я говорил: съезд этот наглядно подтвердил способность партии успешно выполнять основной завет Ильича о социалистическом пути развития нашей страны.

ТЯГОТЫ НЕУРОЖАЙНОГО ГОДА

Весной 1924 года у меня началась новая вспышка туберкулезного процесса в легких, более сильная, чем предыдущей весной. Я исхудал и физически ослаб. Видимо, и внешне выглядел тогда очень болезненно, потому что, когда позднее, в начале июля, мне довелось быть по делам в Москве, Сталин и другие товарищи из ЦК обратили на это внимание.

Врачебная комиссия признала мое физическое состояние тяжелым и потребовала длительного лечения не менее чем на три-четыре месяца. Однако воспользоваться этим отпуском сразу я не смог: к тому времени стало окончательно ясно, что во многих районах нашего края ожидается большой неурожай. В ряде районов Ставропольского, Терского, Сальского, Морозовского и Сунженского округов, а также Кабардино-Балкарской и Ингушской автономных областей в том году почти не было дождей. Хлеба от засухи выгорали, во многих селах не хватало даже питьевой воды.

Спасая скот, крестьяне начали перегонять его на Кубань, где положение с водой и кормами было благополучнее. Многие по той же причине забивали скот на месте для продажи на рынке. В результате поголовье скота в этих районах стало резко сокращаться.

Надо было принимать срочные меры, чтобы преодолеть тяжелые последствия засухи. По согласованию с бюро крайкома мой отпуск отложили на месяц — до принятия самых неотложных мер по борьбе с постигшим наш край бедствием.

Районы, пострадавшие от засухи и неурожая, требовали немедленной помощи. Мы понимали, что после уборки урожая сможем помочь этим районам за счет тех округов, где урожай ожидался хороший (Кубанский, Донской и некоторые другие), но пострадавшие районы нуждались в немедленной поддержке. Поэтому мы решили мобилизовать некоторые запасы хлеба и срочно направить их в пострадавшие районы, чтобы прежде всего добиться там снижения цен на хлеб, сразу же взвинченных в связи с засухой местными спекулянтами и кулаками.

Цели этой до известной степени мы достигли. Однако чтобы обеспечить урожай будущего года, не допустить сокращения в крае посевов, нужно было снабдить крестьянские хозяйства семенами.

По решению крайкома я срочно выехал в Москву, чтобы доложить в ЦК и Совнарком о создавшемся у нас положении и просить их оказать краю помощь семенами и деньгами из централизованных фондов.

От засухи пострадали в тот год Царицынская и Астраханская губернии и частично Саратовская и Пензенская. Поэтому Совнарком СССР образовал Правительственную комиссию, в которую вошли несколько наркомов под руководством Председателя СНК Рыкова для оказания помощи всем этим губерниям.

После длительных прений, происходивших в комиссии, поддержка нами была получена. Централизованные запасы семян в стране были тогда невелики, но все же комиссия сочла возможным из имеющихся в ее распоряжении резервных 9 миллионов пудов для сева озимых выделить для нашего края 2,5 миллиона пудов и предоставить нам около 2 миллионов рублей кредитования крестьян (в золотом исчислении) через Сельхозбанк.

Кроме того, правительство СССР освободило от продналога те районы, где посевы полностью погибли, и снизило налог (с оставлением его для местных нужд) в районах, где хлеба сильно пострадали от засухи. Это была большая помощь.

На бюро крайкома утвердили план распределения семян и денег. Местным организациям была дана строгая директива распределять семена только среди крестьян пострадавших от засухи районов. Им выделяли семенную ссуду (на самых льготных условиях) и в денежной форме кредит под скот. В этом случае крестьяне должны были дать обязательство сохранить скот. Недород ударил прежде всего по маломощным крестьянским хозяйствам. Поэтому им оказывали помощь в первую очередь.

Необходимо было обеспечить строжайший контроль за тем, кому выделяются семена и деньги, за тем, чтобы семена использовались именно для посева, а скот был сохранен.

Поэтому бюро крайкома приняло решение о выезде его членов в районы, пострадавшие от засухи, для проведения встреч и бесед с населением. Выезд на места был необходим еще и потому, что в ряде неурожайных районов активизировались кулацкие агитаторы, сеявшие среди крестьян неверие в то, что Советская власть окажет крестьянину помощь. Надо было пресечь эту агитацию.

Мне было поручено побывать в Ставропольском, Сальском и Терском округах. Срок короткий — не более 10 дней.

В Ростове имелся небольшой самолет, принадлежавший немецкой фирме, с которой у нас была концессия по воздушным перевозкам. Мы с летчиком составили план поездки, и я впервые отправился в необычную по тем временам «воздушную» командировку.

Вначале предполагалось, что будем созывать население на митинги. Но получилось иначе. Созывать никого не потребовалось: завидев приближающийся самолет, все жители сбегались к месту его приземления. Митинг можно было начинать.

Прямо с самолета, ставшего импровизированной трибуной, я говорил о положении дел в крае, о засухе, о том, что правительство оказало нам помощь, о том, как распределяются семена и деньги, призывал крестьян не поддаваться панике, а хорошо подготовиться и вовремя провести озимый сев, не бросать свои хозяйства, не сокращать посевные площади, сохранить скот.

Вопросов, конечно, задавалось много. Но чувствовалось, что общее настроение у крестьян заметно поднялось, они успокоились, приободрились, убедились, что Советская власть не оставит их в трудную минуту.

Вспоминается эпизод, происшедший в селе Курсавка Ставропольского округа. В нем проживало больше десяти тысяч человек — фактически уже маленький городок. Вследствие засухи большинство колодцев в нем высохло. Люди собирали дождевую воду в оцинкованные баки, но запасы ее все равно иссякали. Надо было срочно принимать какие-то кардинальные меры. После обсуждения с местными работниками было решено приступить к строительству водопровода. Дело в том, что в 20—25 километрах от Курсавки находился отличный естественный источник питьевой воды. Решено было протянуть водопровод. Большинство жителей села, узнав, что на это уйдет не более чем несколько месяцев, были обрадованы. Но кое-кто сомневался. Помню, на митинге из толпы медленно вышел седой, представительный старик. Сказав, что не верит в эту затею, он поднял руку, показав на ее ладонь пальцем другой руки, и заявил:

— Скорее у меня на ладони вырастет волос, чем у нас в селе будет построен водопровод.

Я ответил:

— Мы дадим вам трубы, выделим средства, ваше дело — обеспечить стройку рабочей силой.

Строительство водопровода оказалось делом вполне реальным. Примерно через полгода районные власти пригласили на открытие водопровода. Решил поехать. Заодно хотелось повидать того запомнившегося мне старика. Он, конечно, пришел на торжественное собрание — было это 9 января 1925 года. Открыли кран, и полилась тугая струя воды. Кругом зааплодировали.

Старик молчал. Но, судя по всему, был очень смущен. Я сказал ему:

— Вот что такое Советская власть! Волос у вас на ладони за это время, конечно, не вырос, а вот вода уже пошла!

...В августе в Кисловодске отдыхал Бухарин. Он просил меня заехать к нему. Я с тем большим удовольствием выполнил его просьбу, что там же находилась моя жена Ашхен с двумя сыновьями, Степой и Володей, младшему из них было всего лишь полтора месяца. Она жила в том же доме, что и Бухарин. В этом доме часто отдыхали многие видные деятели нашей партии. Но я, хотя это был край, где уже работал почти четыре года, отдыхал там очень немного, скорее, заезжал, чтобы встретиться и поговорить с отдыхавшими друзьями. Позже, в 1930-х годах, на базе этого дома возник санаторий «Красные Камни», новое здание которого, выстроенное из розового армянского туфа по проекту архитектора Мержанова, расположено выше нашего тогдашнего «правительственного» дома отдыха. Несмотря на столь громкое название, все там было очень скромно.

Самого Бухарина я был рад повидать, ибо мы были в добрых товарищеских отношениях, взаимно симпатизировали друг другу. Он меня звал «Микояшка». Я все же сначала не называл его «Бухарчиком», как ласково называли (в том числе и сам Сталин) некоторые, ибо он был старше меня. Однако вскоре отношения стали настолько близкими — благодаря его простоте, непосредственности, легкому характеру, что и я стал называть его так же.

Он подробно расспрашивал меня о крае, о том, что у нас тогда делалось, о мерах помощи. А мои полеты по районам засухи очень его заинтересовали. Ему захотелось самому побывать в полете. Я тут же организовал такой полет. Правда, перед этим Бухарин, разговаривая по прямому проводу с Москвой, рассказал о нашем плане. Сталин категорически возражал. Подумав вместе со мной, как быть, Бухарин решил все же полететь, а я поддержал его. Не забудьте, что мы были тогда молоды! Авиаполет был тогда уж очень заманчивой штукой. Я рад был полететь вместе с Бухариным, но тем самым мы нарушили решение Политбюро! Ведь Сталин не просто не одобрил такой полет, но и перенес вопрос в Политбюро. А оно вынесло решение, запрещающее членам ЦК летать на самолетах, тем самым постановлением Политбюро попутно с Бухариным и мне запрещалось летать. Я был тогда очень огорчен, так как пользование самолетом для служебных надобностей очень экономило время, которого всегда было в обрез.

Забегая вперед, скажу, что если это был первый случай нарушения мною решения вышестоящей партийной инстанции, то второй и последний в жизни имел место в конце 1920-х годов. Тогда все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) состояли на партучебе на том или ином заводе. Я — на «Красном пролетарии». И вот Политбюро решило, что нужно встать на учет в том наркомате или ведомстве, где работаешь. Каюсь, я не сделал этого. Решение Политбюро было правильным с точки зрения Устава, но обрывало ниточку, которая связывала с повседневной жизнью рабочего коллектива. Бывая на отчетных и других партсобраниях на заводе «Красный пролетарий», я получал то, что никак не мог получить в наркомате. Ведь в наркомате я и так был в курсе жизни коллектива. Я не оправдываюсь, а лишь объясняю свое нарушение принятого решения.

Поездки членов бюро крайкома по районам оказались очень полезными, позволяли узнать о различных последствиях неурожая, в том числе и о наших собственных упущениях и недостатках. Одним из последствий неурожая стала детская беспризорность. В некоторых селах ко мне подходили женщины и со слезами просили: «Возьмите наших детей, мы не можем их прокормить».

Выделенных правительством денег на борьбу с детской беспризорностью не хватало. Приходилось изыскивать средства в местных и без того тощих бюджетах.

Во время поездки члены бюро крайкома увидели много недостатков нашей работы в деревне, еще раз убедились, что надо более решительно поворачивать внимание всей краевой партийной организации к вопросам деревни.

Неурожай и связанные с ним лишения и жертвы убедили крестьян в преимуществах объединения в кооперативные артели и трудовые коллективы, создание которых помогло им не только преодолеть последствия стихийных бедствий, но и оградило от кулацкой кабалы. Деревенские кооперативы все явственнее становились опорными базами партии и Советской власти в борьбе с отсталостью крестьянского хозяйства.

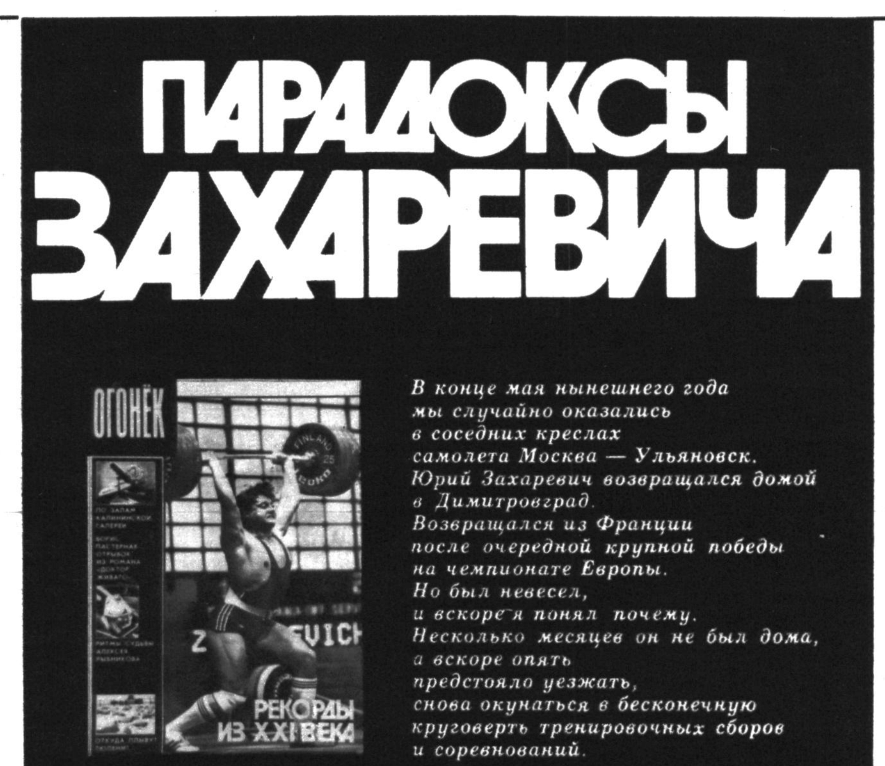
Все эти вопросы были поставлены в письме, с которым крайком партии и крайисполком обратились к партийным организациям, местным Советам, кооперативам, ко всем рабочим и крестьянам, казакам и горцам Юго-Восточного края. В письме отмечалось, что ближайший год должен стать годом всенародной борьбы с неурожаем и засухой.

Крайком стал усиленно пропагандировать передовой опыт обработки земли и выращивания урожаев. В крупных селах имелись превосходные избы-читальни по 4—5 комнат, получавшие книги, журналы, газеты. Но крестьяне их посещали редко, а партийные организации не придавали этому должного значения. На базарах в Терском округе скапливались тысячи крестьянских подвод. Но никто не подумал о том, чтобы среди них вести культурную работу. А ведь ничего не стоило организовать на таком рынке маленький киоск: продавать газеты, проводить с крестьянами беседы. Ведь крестьяне тянулись к просвещению. Заметно возросла их политическая активность. Стоило, например, объявить в деревне или станице о собрании, как жители тут же, за каких-нибудь полчаса, шли всем селом, с огромным вниманием слушали ораторов, активно выступали сами.

...Когда вспоминаешь наши тогдашние первые шаги по социалистическому переустройству деревни и сравниваешь их с задачами сегодняшнего дня, то понимаешь, как немного мы тогда еще в состоянии были сделать. И все же мы могли, думается, по праву радоваться каждой, даже маленькой победе.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ПАРАДОКСЫ ЗАХАРЕВИЧА



В конце мая нынешнего года мы случайно оказались в соседних креслах самолета Москва — Ульяновск. Юрий Захаревич возвращался домой в Димитровград. Возвращался из Франции после очередной крупной победы на чемпионате Европы. Но был невесел, и вскоре я понял почему. Несколько месяцев он не был дома, а вскоре опять предстояло уезжать, снова окунаться в бесконечную круговерть тренировочных сборов и соревнований.

Его жена ждала второго ребенка, но и первого, трехлетнего, он за это время всего-то и видел... Юрий тяжело вздохнул.

19 октября Наташа родила сына. Маленького, слабого, целый месяц ее не выписывали из больницы. А Юрию опять нужно было лететь в Москву на очередной сбор. Спасибо, что на этот раз разрешили на десять дней задержаться.

На олимпийской базе, ясное дело, и питание лучше, чем в Димитровграде (не нужно охотиться за вырезкой и икрой), нет проблем с массажем, с другими восстановительными процедурами. Конечно, на базе и зал не в пример тому маленькому и душному, в котором Юрий вырос и стал великим спортсменом. (Однако вырос!) И все же если Захаревич уйдет из большого спорта раньше времени, раньше, чем исчерпает себя, то именно от этой тоски безысходной по дому, по семье.

О ком из нынешних молодых людей скажешь: «У него было тяжелое детство»? Но сказать так про Захаревича — истина в обиде не останется. Ему было десять лет, когда умер отец, и мать поднимала своих шестерых одна. Да еще трех племянников, так уж вышло. И не стоит думать, что у Юрия к штанге был лишь спортивный интерес. Когда ему, совсем еще пацану, впервые выдали от спортобщества талоны на питание, он подумал, что теперь одним ртом у матери как бы стало меньше. И теперь он твердо убежден: будь его детство иным, ни за что бы не осилил, не вытерпел, не преодолел всего того, что на его долю выпало, о чем и пойдет у нас дальнейший рассказ.

В январе Захаревичу исполнится двадцать пять. Для спортсмена, а тем более тяжелоатлета — возраст, прямо скажем, отроческий. Но не отнесем эту оценку к Юрию. Для того чтобы стать трехкратным чемпионом мира, четырехкратным победителем первенства Европы, чтобы 34 раза бить мировые рекорды, нужна протяженная шкала времени.

Начал он заниматься штангой десяти лет от роду — рано, очень рано. Возможно, недопустимо рано. Во всяком случае, в ту пору брать в тяжелоатлетические секции разрешалось лишь тех, кому исполнилось четырнадцать. Но у В. П. Науменкова на этот счет было иное мнение. И к тому же правило — никого не отваживать. Так что он рискнул. Впрочем, Виктор Павлович считал, что особого риска не будет, если отнестись к делу с разумной осторожностью. И все же сколько помнится талантливых жертв слишком ранней специализации! Сколько блицчемпионов сожжено беспощадными лучами невыношенной, невынесенной славы. Однако с Захаревичем, к счастью, этого не произошло.

Забавно сейчас выглядят его первые результаты на помосте. Рывок — 30 килограммов, толчок — 40. При собственном весе 36 килограммов. В 14-летнем возрасте он уже стал чемпионом России среди юношей, победив тех, кто был старше на три-четыре года. Судя по всему, Науменков подвел ученика к такому успеху мягко, без натаскивания. Просто била ключом рано разбуженная сила.

Тут бы не столько возликовать, сколько поостеречься. «Железная игра» — дело суровое, мужское, и тренерам здесь нужна деликатность не меньшая, чем, может быть, преподавателям вокала во время мутации голоса у юных певцов.

Куда там! Всемудрые отцы тяжелой атлетики тут же рекрутировали Захаревича на всесоюзный сбор, где, не мудрствуя лукаво, стали потчевать его несметными тоннами нагрузок — по известным схемам и шаблонам, давно отстоявшимся на взрослых спортсменах. Что толку от этих нагрузок не вышло никакого, что результаты Юрия упали, что его удивительное «бельканто» вскоре обратилось в петушиный клекот, удивляться, конечно, нечего. Странно другое: Захаревич окончательно не сломался и на этот раз, сколь много для этого ни было сделано. Что и говорить, трудным «материалом» возвращался он к Науменкову, которому предстояло вернуть ученику и силу, и душевное равновесие. Но сладили они и с этим.

В 1980 году 17-летний Захаревич с полным основанием претендовал на участие в московской Олимпиаде. Более того, и тренер, и ученик были уверены в победе. Но авторитет Давида Ригерта, выступавшего в той же 90-килограммовой весовой категории, а также традиционная начальственная боязнь поражения новобранца решили вопрос в пользу титулованного ветерана. А тот... не справился даже с начальным весом. Юрий же очень скоро доказал, что равных ему уже нет в целом мире.

В 1981 году, выступая на Кубке страны в Донецке, он начал рывок со 188 килограммов, что было выше мирового рекорда. Подчеркиваю: начал! И вырвал снаряд. Но не успокоился, заказал сразу 192,5 (не мелочился, как иные). Снова рекорд! В толчке для начала заказал 225. Выполнил подход играючи, что давало официальную сумму 417,5 и стало новым мировым рекордом в двоеборье. Захаревич тут же попросил установить 232,5. Справился и с этим весом, доведя рекорд для 100-килограммовых атлетов до 425. Пять мировых рекордов за один вечер! Причем собственный вес атлета на целых шесть килограммов не дотягивал до номинального.

«Что-то не припомню даже у самых великих чемпионов такого темпа роста, такого феноменального продвижения от одного рекорда к другому»,— писал пять лет назад выдающийся в прошлом тяжелоатлет, а ныне старший тренер сборной страны А. Медведев.

Сила Захаревича была столь велика, что зачастую он попросту ее не знал. Оценивая по тренировкам свои возможности, он выходил на помост и удивлял не только специалистов, но даже самого себя. Именно так случилось весной восемьдесят третьего года. Выступая в Одессе, он набрал 440 килограммов, превысив свой же мировой рекорд сразу на десять килограммов, что было даже выше рекорда для атлетов уже следующей весовой категории — до 110 килограммов. Уверен, что и по сей день тот рекорд — самый выдающийся из всех, которые когда-либо устанавливались в тяжелой атлетике. А к тем «четыремстам сорока» с той поры никто так и не может подобраться, как и мы к пониманию феномена парадоксов Юрия Захаревича, который уже перешел в категорию «110» и к ней никого к себе даже близко не подпускает. В редкой спортивной дисциплине (не то что в штанге) сейчас властвует кто-то подолгу и безоговорочно; тем более удивительно, что в современном спорте высших достижений фигура Захаревича стоит как бы особняком.

Перебираю в памяти, кого из наших штангистов прошлого и настоящего можно с ним сравнить. Кто имел или имеет подобную «монархическую» власть? Ю. Власов, В. Алексеев, В. Куренцов, Ю. Варданян (который после долгого перерыва вновь приступил к тренировкам). И, кажется, все.

Теперь мы подошли к самому драматическому в судьбе Юрия Захаревича. Вскоре после своего одесского триумфа, выступая в Венгрии, он при выполнении рывка услышал страшный треск и почувствовал адскую боль. Едва успев выскочить из-под штанги, потерял сознание. Травма оказалась уникальной — полный разрыв связок локтевого сустава, разрыв мышц и сухожилий. Травма была такой, что профессор С. П. Миронов, вшивший ему лавсановые связки, сказал: «Все, парень, отмучился. Про штангу теперь забудь навсегда».

Спросил Юрия: «Почему ты тогда порвался?» Он ответил: «Я должен был поехать не на второстепенные соревнования в Венгрию, а на чемпионат Европы. Но меня по непонятным причинам не послали. Расстроен был смертельно».

Пусть так, но, думаю, главное все же в другом. Это была расплата за то, что его яркий, но все ж неокрепший талант нещадно эксплуатировался в юные годы. Причем чаще всего вопреки планам Науменкова. И организм был просто обязан дать трещину. Но чтоб такую!..

Надо сказать, что спортивные хирурги-травматологи всегда более оптимистичны в отношении дальнейших перспектив своих пациентов, нежели их неспортивные коллеги. Миронов здесь не исключение, но он смотрел на вещи реально, и шансов у Захаревича не было. Однако Юрий вернулся. Не буду описывать, сколь мучительным было это возвращение. Конечно, рука болела долго. Конечно, сила ушла. Конечно, мышцы атрофировались. Но он вернулся. Слава кудеснику-профессору! И мудрости тренера. И организму спортсмена. Но в этой истории самым удивительным мне представляется даже не то, что он снова стал бить мировые рекорды, а то, что сумел выбросить эту травму из головы. Страх сумел преодолеть.

А ведь выбрасывать-то было нельзя. Потому как теперь, чтобы снизить нагрузку на локтевой сустав, он должен был тащить штангу как можно выше и вообще выполнять движение с предельной точностью, не допуская увода снаряда в сторону. Вспомним, однако, знакомую картину: предельные веса то и дело «гуляют» на вытянутых руках. Тем не менее Захаревич справился и здесь. Что тут, снова уникальность личности?

Согласно теории автоматического регулирования, чем меньше устойчивость системы, тем легче ею управлять. И наоборот. Этот закон универсален, это диалектика. Захаревич внешне всегда уравновешен, спокоен. Вот он готовится к попытке. Ни судорожных подергиваний, ни бегающего взгляда. Кажется, нет ему никакого дела до рекордного веса на штанге, до стрекота кинокамер, до звенящей тишины в зале. До того, что сейчас на него устремлены взоры миллионов. Но вот он — рекорд! И снова никаких эмоций на лице, никаких «футбольных» плясок. Но вдруг мне на ум приходит: а стоит ли ломать голову над этой безмятежностью? Может быть, он вообще устроен просто и бесхитростно? Однажды я спросил у Науменкова: «Какова у Юры частота пульса перед выходом к рекордному снаряду?» Он ответил: «Под двести». Вот так-то! И это уже не парадокс, это норма для человека с высокой организацией психики.

А как он настраивается, как готовит себя к борьбе с запредельными весами, как преодолевает боль, усталость, сомнения — не станем вторгаться в его внутренний мир. Да и возможно ли такое? Мы видим результаты, мы видим личность. Которая еще и еще раз убеждает нас: человек непостижим!

В последнее время громкая слава нашей сборной медленно и неуклонно угасала перед нарастающим успехом болгарских штангистов. Дело дошло до того, что на чемпионате мира 1986 года мы одержали победу лишь в двух весовых категориях из десяти. Захаревич, разумеется, стал одним из чемпионов.

Не так давно сборную возглавил А. С. Медведев. С его приходом многое стало меняться. В команде восстановилась доброжелательная атмосфера. О былом волюнтаризме уже не говорят. В нынешнем году уже четверо наших атлетов стали победителями мирового чемпионата, в их числе и Юрий. Кажется, еще немного, и мы снова выйдем вперед, дай-то бог! Началась подготовка к новому сезону. Самому ответственному — олимпийскому.

Хмурым ноябрьским днем я приехал на подмосковную базу сборной команды страны по тяжелой атлетике. У входа в гостиницу сидела мокрая псина и глядела на новое лицо с полным безразличием... Зашел в номер к Леониду Тараненко, чемпиону мира среди супертяжеловесов. Он что-то читал. Наверное, ему было интересно, но свет настольной лампы показался мне тусклым. За окном шел мокрый снег. Вечером давали какое-то кино. Тоска гуляла повсюду. До Москвы сорок километров. Полтора часа лета до Минска, где живет Леонид. И где он гость нечастый.

Захаревича на сборе пока не было. Кажется, в тот день его Наташу выписывали из больницы. Еще неделя была у него в запасе. Даже чуть больше.

Сколько он еще продержится? Силы тебе, Юрий Захаревич!

ЖАН ЖОЗЕФ ВЕРГАГЕН. 1726—1795 (фламандская школа).
В ТАВЕРНЕ. 1777.

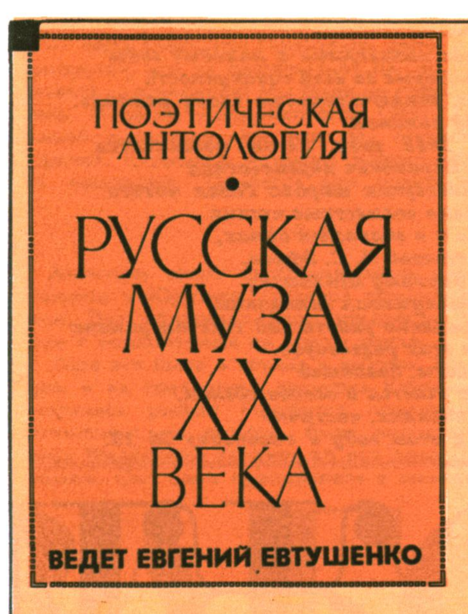
ПАЛИТРА

В КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

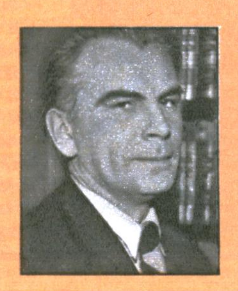
МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ КАРТИН ИЗ СОБРАНИЯ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ. В № 48 «ОГОНЬКА» ЧИТАТЕЛИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С РАБОТАМИ РУССКИХ МАСТЕРОВ, В ЭТОМ НОМЕРЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ПОЛОТНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ XVI—XIX ВЕКОВ.

ДЖАЧИНТО ДЖИГАНТЕ. 1806—1876 (итальянская школа).
АМАЛЬФИ. 1844.

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАСТЕР 2-й ПОЛ. XVI в.
ЮДИФЬ.



ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУГОВСКОЙ
1901—1957



*Принадлежал
к так называемым «попутчикам»,
хотя первоначально был
вместе с конструктивистами.
Однако Луговской был
гораздо менее сконструирован,
чем многие из конструктивистов,
был теплее,
сентиментальнее.
Луговской обращался к стране так:
«Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед!»
Самым знаменитым произведением
Луговского в двадцатых годах была
«Песня о ветре».
С волшебной воздушностью
звучит «Курсантская венгерка»,
с почти киплинговской силой
написан «Басмач».
Во время войны Луговской
оказался в глубоком кризисе —
моральном и литературном.
«Броненосец» советской поэзии,
как шутили о нем, оказался
не слишком бронированным.
Выбрался он из этого кризиса
своими последними книгами
«Солнцеворот», «Синяя весна»,
«Середина века»,
где раскрылась бездна не известных
никому возможностей поэта.
«Алайский рынок»— длинное
безрифменное стихотворение,
где Луговской исповедуется,
стало одним из ошеломивших меня
подарков нашего литературного
наследия. Луговской был
добрейшим,
гостеприимнейшим воспитателем
молодых поэтов.*

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской,
то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал,
в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,—
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты,
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь —
за бугры,—
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела,
зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня
ранила.

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещай
Не беречь бока,
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беляков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов.
Он идет впереди,
атаман удалый,
У него на груди —
фонари-медали.
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос —
паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:

«Россия ты, Россия, российская
страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда!

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.
Ах, сукин сын, машина, сибирский
паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат
завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская
дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь!

Зачем мне, мальчишке, на жизнь
начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить
у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда!»

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,—
Идет девятнадцатый год.
В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят.
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.
На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом.
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.
Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски.
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.
Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.
Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.
И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.
Ты что впереди увидала?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон.
Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет.
Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме.
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.
На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам.
Четвертку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.
И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь,—
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!
Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет — девятнадцатый год.

1939.

* * *

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
«Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!»
Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный,
в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.
Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.
Собирайте, волки,
Молодых волчат.
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан!
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.
Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!
На сером снегу волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!
Кто идет?
Кончено. Залп!!

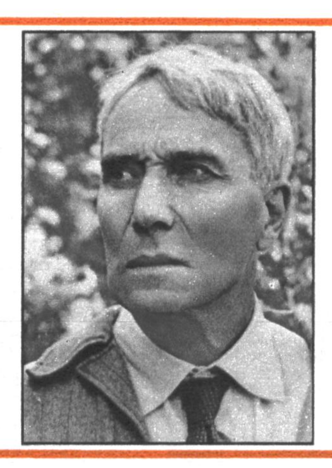
1926.

ТА, КОТОРУЮ Я ЗНАЛ

Нет,
та, которую я знал,
не существует.
Она живет в высотном доме,
с добрым мужем.
Он выстроил ей дачу,
он ревнует,
Он рыжий перманент ее волос
целует.
Мне даже адрес,
даже телефон ее не нужен.
Ведь та,
которую я знал,
не существует.
А было так,
что злое море
в берег било,
Гремело глухо,
туго,
как восточный бубен,
Неслось к порогу дома,
где она служила.
Тогда она
меня
так яростно любила,
Твердила,
что мы ветром будем,
морем будем.
Ведь было так,
что злое море
в берег било.
Тогда на склонах
остролистник рос колючий,
И целый месяц
дождь метался по гудрону.
Тогда под каждой
с моря налетевшей тучей
Нас с этой женщиной
сводил нежданный случай
И был подобен свету,
песне,
звону.
Ведь на откосах
остролистник рос колючий.
Бедны мы были,
молоды,
я понимаю.
Питались
жесткими, как щепка,
пирожками.
И если б я сказал тогда,
что умираю,
Она до ада бы дошла,
дошла до рая,
Чтоб душу друга
вырвать жадными руками.
Бедны мы были,
молоды —
я понимаю!
Но власть над ближними
ее так грозно съела,
Как подлый рак
живую ткань съедает.
Все, что в ее душе
рвалось, металось, пело,—
Все перешло
в красивое тугое тело.
И даже бешеная прядь ее,
со школьных лет седая,
От парикмахерских прикрас
позолотела.
Та женщина живет
с каким-то жадным горем.
Ей нужно брать все вещи,
что судьба дарует,
Все принижать,
рвать и цветок, и корень
И ненавидеть мир за то,
что он просторен.
Но в мире
больше с ней
мы страстью не поспорим.
Той женщине не быть
ни ветром
и ни морем.
Ведь та,
которую я знал,
не существует.

6 марта 1956 г.

Роман «Доктор Живаго» написан более тридцати лет тому назад. Эмоциональная окраска вещи определилась надеждой, что после победы в мировой войне антифашистские силы смогут построить мирное существование людей на основах свободы и взаимного доверия. Полный текст романа объявлен к публикации журналом «Новый мир». «Огонек» предваряет это событие, публикуя главы из IV части «Доктора Живаго», посвященные событиям империалистической войны. Во вступительной заметке к стихам из романа («Знамя», 1957, № 4) Пастернак писал: «Герой — Юрий Андреевич Живаго, врач, мыслящий, с поисками, творческой и художественной складки, умирает в 1929 году. После него остаются записки



и среди других бумаг написанные в молодые годы отдельные стихи... которые во всей совокупности составят последнюю, заключительную главу романа». Основная работа над романом была закончена в 1955 году, летом машинистка и друг автора М. К. Баранович перепечатала последние главы. Пастернак широко давал читать его друзьям, устраивал совместные чтения и обсуждения у себя и в знакомых домах, посылал дочери Цветаевой А. С. Эфрон, Кайсыну Кулиеву, Варламу Шаламову и многим другим, выслушивал замечания, и ведущаяся одновременно работа над текстом романа носит на себе следы этих разговоров. О значении этой работы, дававшей ее автору ощущение счастья и освобождения, писал Пастернак в письмах, частично публиковавшихся в этом году в «Огоньке» № 16.

Борис ПАСТЕРНАК

ДОКТОР ЖИ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

* * *

Третий день стояла мерзкая погода. Это была вторая осень войны. Вслед за успехами первого года начались неудачи. Восьмая армия Брусилова, сосредоточенная в Карпатах, готова была спуститься с перевалов и вторгнуться в Венгрию, но вместо этого отходила, оттягиваемая назад общим отступлением. Мы очищали Галицию, занятую в первые месяцы военных действий.

Доктор Живаго, которого звали прежде Юрою, а теперь один за другим звали все чаще по имени-отчеству, стоял в коридоре акушерского корпуса гинекологической клиники, против двери палаты, в которую поместили только что привезенную им жену Антонину Александровну. Он с ней простился и дожидался акушерки, чтобы уговориться с ней о том, как она будет извещать его, в случае надобности, и как он будет у нее осведомляться о состоянии Тониного здоровья.

Ему было некогда, он торопился к себе в больницу, а до этого должен был еще заехать к двум больным с визитом на дом, а он попусту терял драгоценное время, глазея в окно на косую штриховку дождя, струи которого ломал и отклонял в сторону порывистый осенний ветер, как валит и путает буря колосья в поле.

Еще было не очень темно. Глазам Юрия Андреевича открывались клинические задворки, стеклянные террасы особняков на Девичьем поле, ветка электрического трамвая, проложенная к черному ходу одного из больничных корпусов.

Дождь лил самым неутешным образом, не усиливаясь и не ослабевая, несмотря на неистовства ветра, казалось, обострявшиеся от невозмутимости низвергавшейся на землю воды. Порывы ветра терзали побеги дикого винограда, которыми была увита одна из террас. Ветер как бы хотел вырвать растение целиком, поднимал на воздух, встряхивал на весу и брезгливо кидал вниз, как дырявое рубище.

Мимо террасы к клинике подошел моторный вагон с двумя прицепами. Из них стали выносить раненых.

В московских госпиталях, забитых до невозможности, особенно после Луцкой операции, раненых стали класть на лестничных площадках и в коридорах. Общее переполнение городских больниц начало сказываться на состоянии женских отделений.

Юрий Андреевич повернулся спиной к окну и зевал от усталости. Ему не о чем было думать. Неожиданно он вспомнил. В хирургическом отделении Крестовоздвиженской больницы, где он служил, умерла на днях больная. Юрий Андреевич утверждал, что у нее эхинококк печени. Все с ним спорили. Сегодня ее вскроют. Вскрытие установит истину. Но прозектор их больницы — запойный пьяница. Бог его знает, как он за это примется.

Быстро стемнело. Стало невозможно разглядеть что-нибудь за окном. Словно мановением волшебного жезла во всех окнах зажглось электричество.

От Тони через маленький тамбурчик, отделявший палату от коридора, вышел главный врач отделения, мастодонт-гинеколог, на все вопросы всегда отвечавший возведением глаз к потолку и пожиманием плеч. Эти движения на его мимическом языке означали, что, как ни велики успехи знания, есть, мой друг Горацио, загадки, перед которыми наука пасует.

Он прошел мимо Юрия Андреевича, с улыбкой поклонившись ему, и произвел несколько плавательных движений пухлыми руками с толстыми ладонями, в смысле того, что приходится ждать и смиряться, и направился по коридору покурить в приемную.

Тогда к Юрию Андреевичу вышла ассистентка неразговорчивого гинеколога, по словоохотливости полная ему противоположность.

— На вашем месте я поехала бы домой. Я вам завтра позвоню в Крестовоздвиженскую общину. Едва ли это начнется раньше. Я уверена, что роды будут естественные, без искусственного вмешательства. Но, с другой стороны, кое-какая узость таза, второе затылочное положение, в котором лежит плод, отсутствие у нее болей и незначительность сокращений вызывают некоторые опасения. Впрочем, рано предсказывать. Все зависит от того, какие она будет «вырабатывать потуги», когда начнутся роды. А это покажет будущее.

На другой день в ответ на его телефонный звонок подошедший к аппарату больничный сторож велел ему не вешать трубки, пошел справляться, протомил его минут десять и принес в грубой и несостоятельной форме следующие сведения: «Велено сказать, скажи, говорят, привез жену слишком рано, надо забирать обратно». Взбешенный Юрий Андреевич потребовал к телефону кого-нибудь более осведомленного. «Симптомы обманчивы,— сказала ему сестра,— пусть доктор не тревожится, придется потерпеть сутки-другие».

На третий день он узнал, что роды начались ночью, на рассвете прошли воды, и с утра не прекращаются сильные схватки.

Он сломя голову помчался в клинику и, когда шел по коридору, слышал через полуоткрытую по нечаянности дверь душераздирающие крики Тони, как кричат задавленные с отрезанными конечностями, извлеченные из-под колес вагона.

Ему нельзя было к ней. Закусив до крови согнутый в суставе палец, он отошел к окну, за которым лил тот же косой дождь, как вчера и позавчера.

Из палаты вышла больничная сиделка. Оттуда доносился писк новорожденного.

— Спасена, спасена! — радостно повторял про себя Юрий Андреевич.

— Сынок. Мальчик. С благополучным разрешением от бремени,— нараспев говорила сиделка.— Сейчас нельзя. Придет время, покажем. Тогда придется раскошелиться на родильницу. Намучилась. С первым. С первым завсегда мука.

— Спасена, спасена! — радовался Юрий Андреевич, не понимая того, что говорила сиделка, и того, что она своими словами зачисляла его в участники совершившегося, между тем как при чем он тут? Отец, сын — он не видел гордости в этом даром доставшемся отцовстве, он не чувствовал ничего в этом с неба свалившемся сыновстве. Все это лежало вне его сознания. Главное была Тоня, Тоня, подвергшаяся смертельной опасности и счастливо ее избегнувшая.

У него был больной невдалеке от клиники. Он зашел к нему и через полчаса вернулся. Обе двери из коридора в тамбур и дальше, из тамбура в палату, были опять приоткрыты. Сам не сознавая, что он делает, Юрий Андреевич прошмыгнул в тамбур.

Растопырив руки, перед ним как из-под земли вырос мастодонт-гинеколог в белом халате.

— Куда? — задыхающимся шепотом, чтобы не слышала родильница, остановил он его.— Что вы, с ума сошли? Раны, кровь, антисептика, не говоря уж о психическом потрясении. Хорош! А еще врач.

— Да разве я... Я только одним глазком. Отсюда. Сквозь щелку.

— А, это — другое дело. Так и быть. Но чтобы мне!.. Смотрите! Если заметит, убью, живого места не оставлю!

В палате спиной к двери стояли две женщины в халатах, акушерка и нянюшка. На нянюшкиной руке жилился писклявый и нежный человеческий отпрыск, стягиваясь и растягиваясь, как кусок темно-красной резины. Акушерка накладывала лигатуры на пуповину, чтобы отделить ребенка от последа. Тоня лежала посередине палаты на хирургической койке с подъемною доскою. Она лежала довольно высоко. Юрию Андреевичу, который все преувеличивал от волнения, показалось, что она лежит примерно на уровне контор, за которыми пишут стоя.

Поднятая к потолку выше, чем это бывает с обыкновенными смертными, Тоня тонула в парах выстраданного, она как бы дымилась от изнеможения. Тоня возвышалась посреди палаты, как высилась бы среди бухты только что причаленная и разгруженная барка, совершающая переходы через море смерти к материку жизни с новыми душами, переселяющимися сюда неведомо откуда. Она только что произвела высадку одной такой души и теперь лежала на якоре, отдыхая всей пустотой своих облегченных боков. Вместе с ней отдыхали ее надломленные и натруженные снасти и обшивка, и ее забвение, ее угасшая память о том, где она недавно была, что переплыла и как причалила.

И так как никто не знал географии страны, под флагом которой она пришвартовалась, было неизвестно, на каком языке обратиться к ней.

На службе все наперерыв поздравляли его.— Как быстро они узнали! — удивлялся Юрий Андреевич.

Он прошел в ординаторскую, которую называли кабаком и помойной ямой, потому что вследствие тесноты, вызванной загруженностью больницы, теперь в этой комнате раздевались, заходя в нее в калошах с улицы, забывали в ней посторонние предметы, занесенные из других помещений, сорили окурками и бумагой.

У окна ординаторской стоял обрюзгший прозектор и, подняв руки, рассматривал на свет поверх очков какую-то мутную жидкость в склянке.

— Поздравляю,— сказал он, продолжая смотреть в том же направлении и даже не удостоив Юрия Андреевича взглядом.

— Спасибо. Я тронут.

— Не стоит благодарности. Я тут ни при чем. Вскрывал Пичужкин. Но все поражены. Эхинококк. Вот это, говорят, диагност! Только и разговору.

В это время в комнату вошел главный врач больницы. Он поздоровался с обоими и сказал:

— Черт знает что! Проходной двор, а не ординаторская, что за безобразие! Да, Живаго, представьте,— эхинококк! Мы были не правы. Поздравляю. И затем — неприятность. Опять пересмотр вашей категории. На этот раз отстоять вас не удастся. Страшная нехватка военно-медицинского персонала. Придется вам понюхать пороху.

* * *

Антиповы сверх ожидания очень хорошо устроились в Юрятине. Гишаров поминали тут добром. Это облегчило Ларе трудности, сопряженные с водворением на новом месте.

Лара вся была в трудах и заботах. На ней были дом и их трехлетняя девчурка Катенька. Как ни старалась рыжая Марфутка, прислуживавшая у Антиповых, ее помощь была недостаточна. Лариса Федоровна входила во все дела Павла Павловича. Она сама преподавала в женской гимна-

ВАГО

зии. Лара работала не покладая рук и была счастлива. Это была именно та жизнь, о которой она мечтала.

Ей нравилось в Юрятине. Это был ее родной город. Он стоял на большой реке Рыньве, судоходной на своем среднем и нижнем течении, и находился на линии одной из Уральских железных дорог.

Приближение зимы в Юрятине ознаменовывалось тем, что владельцы лодок поднимали их с реки на телегах в город. Тут их развозили по своим дворам, где лодки зимовали до весны под открытым небом. Перевернутые лодки, белеющие на земле в глубине дворов, означали в Юрятине то же самое, что в других местах осенний перелет журавлей или первый снег.

Такая лодка, под которою Катенька играла как под выпуклою крышею садового павильона, лежала белым крашеным дном вверх на дворе дома, арендованного Антиповыми.

Ларисе Федоровне по душе были нравы захолустья, по северному окающая местная интеллигенция в валенках и теплых кацавейках из серой фланели, их наивная доверчивость. Лару тянуло к земле и простому народу.

По странности как раз сын московского железнодорожного рабочего Павел Павлович оказался неисправимым столичным жителем. Он гораздо строже жены относился к юрятинцам. Его раздражали их дикость и невежество.

Теперь задним числом выяснилось, что у него была необычайная способность приобретать и сохранять знания, почерпнутые из беглого чтения. Он уже и раньше, отчасти с помощью Лары, прочел очень много. За годы уездного уединения начитанность его так возросла, что уже и Лара казалась ему недостаточно знающей. Он был головою выше педагогической среды своих сослуживцев и жаловался, что он среди них задыхается. В это военное время ходовой их патриотизм, казенный и немного квасной, не соответствовал более сложным формам того же чувства, которое питал Антипов.

Павел Павлович кончил классиком. Он преподавал в гимназии латынь и древнюю историю. Но в нем, бывшем реалисте, вдруг проснулась заглохшая было страсть к математике, физике и точным наукам. Путем самообразования он овладел всеми этими предметами в университетском объеме. Он мечтал при первой возможности сдать по ним испытания при округе, переопределиться по какой-нибудь математической специальности и перевестись с семьею в Петербург. Усиленные ночные занятия расшатали здоровье Павла Павловича. У него появилась бессонница.

С женой у него были хорошие, но слишком непростые отношения. Она подавляла его своей добротой и заботами, а он не позволял себе критиковать ее. Он остерегался, как бы в невиннейшем его замечании не послышался ей какой-нибудь мнимо затаенный упрек, в том, например, что она белой, а он черной кости, или в том, что до него она принадлежала другому. Боязнь, чтобы она не заподозрила его в какой-нибудь несправедливо обидной бессмыслице, вносила в их жизнь искусственность. Они старались переблагородничать друг друга и этим все осложняли.

У Антиповых были гости, несколько педагогов — товарищей Павла Павловича, начальница Лариной гимназии, один участник третейского суда, на котором Павел Павлович тут однажды выступал примирителем, и другие. Все они, с точки зрения Павла Павловича, были набитые дураки и дуры. Он поражался Ларе, любезной со всеми, и не верил, чтобы кто-нибудь тут мог искренне нравиться ей.

Когда гости ушли, Лара долго проветривала, подметала комнаты, мыла с Марфуткою на кухне посуду. Потом, удостоверившись, что Катенька хорошо укрыта и Павел спит, быстро разделась, потушила лампу и легла рядом с мужем с естественностью ребенка, взятого в постель к матери.

Но Антипов притворялся, что спит,— он не спал. У него был припадок обычной за последнее время бессонницы. Он знал, что проваляется еще так без сна часа три-четыре. Чтобы нагулять себе сон и избавиться от оставленного гостями табачного чада, он тихонько встал и в шапке и шубе поверх нижнего белья вышел на улицу.

Была ясная осенняя ночь с морозом. Под ногами у Антипова звонко крошились хрупкие ледяные пластинки. Звездное небо, как пламя горящего спирта, озаряло голубым движущимся отсветом черную землю с комками замерзшей грязи.

Дом, в котором жили Антиповы, находился в части города, противоположной пристани. Дом был последним на улице. За ним начиналось поле. Его пересекала железная дорога. Близ линии стояла сторожка. Через рельсы был проложен переезд.

Антипов сел на перевернутую лодку и посмотрел на звезды. Мысли, к которым он привык за последние годы, охватили его с тревожною силой. Ему представилось, что их рано или поздно надо додумать до конца, и лучше это сделать сегодня.

Так дальше не может продолжаться,— думал он.— Но ведь все это можно было предвидеть раньше, он поздно хватился. Зачем позволяла она ему ребенком так заглядываться на себя и делала из него, что хотела? Отчего не нашлось у него ума вовремя отказаться от нее, когда она сама на этом настаивала зимою перед их свадьбой? Разве он не понимает, что она любит не его, а свою благородную задачу по отношению к нему, свой олицетворенный подвиг? Что общего между этой вдохновенной и похвальной миссией и настоящей семейной жизнью? Хуже всего то, что он по сей день любит ее с прежнею силой. Она умопомрачительно хороша. А может быть, и у него это не любовь, а благодарная растерянность перед ее красотою и великодушием? Фу-ты, разберись-ка в этом! Тут сам черт ногу сломит.

Так что же в таком случае делать? Освободить Лару и Катеньку от этой подделки? Это даже важнее, чем освободиться самому. Да, но как? Развестись? Утопиться? Фу, какая гадость!— возмутился он.— Ведь я никогда не пойду на это. Тогда зачем называть эти эффектные мерзости хотя бы в мыслях?

Он посмотрел на звезды, словно спрашивая у них совета. Они мерцали, частые и редкие, крупные и мелкие, синие и радужно-переливчатые. Неожиданно их мерцание затмилось и двор с домом, лодкою и сидящим на ней Антиповым озарился резким, мечущимся светом, словно кто-то бежал с поля к воротам, размахивая зажженным факелом. Это, выбрасывая в небо клубы желтого, огнем пронизанного дыма, шел мимо переезда на запад воинский поезд, как они без счету проходили тут днем и ночью начиная с прошлого года.

Павел Павлович улыбнулся, встал с лодки и пошел спать. Желаемый выход нашелся.

* * *

Лариса Федоровна обомлела и сначала не поверила своим ушам, когда узнала о Пашином решении.— Бессмыслица. Очередная причуда,— подумала она.— Не обращать внимание, и сам обо всем забудет.

Но выяснилось, что приготовлениям мужа уже две недели давности, бумаги в воинском присутствии, в гимназии имеется заместитель, и из Омска пришло извещение о его приеме в тамошнее военное училище. Подошли сроки его отъезда.

Лара завыла, как простая баба, и, хватая Антипова за руки, стала валяться у него в ногах.— Паша, Пашенька,— кричала она,— на кого ты меня и Катеньку оставляешь? Не делай этого, не делай! Ничего не поздно. Я все исправлю. Да ты ведь толком и доктору-то не показывался. С твоим-то сердцем. Стыдно? А приносить семью в жертву какому-то сумасшествию не стыдно? Добровольцем! Всю жизнь смеялся над Родькой-пошляком и вдруг завидно стало! Самому захотелось саблей позвенеть, поофицерствовать. Паша, что с тобой, я не узнаю тебя! Подменили тебя, что ли, или ты белены объелся? Скажи мне на милость, скажи честно, ради Христа, без заученных фраз, это ли нужно России?

Вдруг она поняла, что дело совсем не в этом. Неспособная осмыслить частности, она уловила главное. Она угадала, что Патуля заблуждается насчет ее отношения к нему. Он не оценил материнского чувства, которое она всю жизнь подмешивает в свою нежность к нему, и не догадывается, что такая любовь больше обыкновенной женской.

Она закусила губы, вся внутренне съежилась, как побитая, и, ничего не говоря и молча глотая слезы, стала собирать мужа в дорогу.

Когда он уехал, ей показалось, что стало тихо во всем городе и даже в меньшем количестве стали летать по небу вороны. «Барыня, барыня»,— безуспешно окликала ее Марфутка.— «Мама, мамочка»,— без конца лепетала Катенька, дергая ее за рукав. Это было серьезнейшее поражение в ее жизни. Лучшие, светлейшие ее надежды рухнули.

По письмам из Сибири Лара знала все о муже. Скоро у него наступило просветление. Он очень тосковал по жене и дочери. Через несколько месяцев Павла Павловича выпустили досрочно прапорщиком и так же неожиданно отправили с назначением в действующую армию. Он проехал в крайней экстренности далеко стороной мимо Юрятина и в Москве не имел времени с кем-либо повидаться.

Стали приходить его письма с фронта, более оживленные и не такие печальные, как из Омского училища. Антипову хотелось отличиться, чтобы в награду за какую-нибудь военную заслугу или в результате легкого ранения отпроситься в отпуск на свидание с семьей. Возможность выдвинуться представилась. Вслед за недавно совершенным прорывом, который стал впоследствии известен под именем Брусиловского, армия перешла в наступление. Письма от Антипова прекратились. Вначале это не беспокоило Лару. Пашино молчание она объясняла развивающимися военными действиями и невозможностью писать на маршах.

Осенью движение армии приостановилось. Войска окапывались. Но об Антипове по-прежнему не было ни слуху ни духу. Лариса Федоровна стала тревожиться и наводить справки, сначала у себя в Юрятине, а потом по почте в Москве и на фронте, по прежнему полевому адресу Пашиной части. Нигде ничего не знали, ниоткуда не приходило ответа.

Как многие дамы-благотворительницы в уезде, Лариса Федоровна с самого начала войны оказывала посильную помощь в госпитале, развернутом при Юрятинской земской больнице.

Теперь она занялась серьезно начатками медицины и сдала при больнице экзамен на звание сестры милосердия.

В этом качестве она отпросилась на полгода со службы из гимназии, оставила квартиру в Юрятине на попечение Марфутки и с Катенькой на руках поехала в Москву. Тут она пристроила дочь у Липочки, муж которой, германский подданный Фризенданк, вместе с другими гражданскими пленными был интернирован в Уфе.

Убедившись в бесполезности своих розысков на расстоянии, Лариса Федоровна решила перенести их на место недавних происшествий. С этою целью она поступила сестрой на санитарный поезд, отправлявшийся через город Лиски в Мезо-Лаборч, на границу Венгрии. Так называлось место, откуда Паша написал ей свое последнее письмо.

* * *

На фронт в штаб дивизии пришел поезд-баня, оборудованный на средства жертвователей Татьянинским комитетом помощи раненым. В классном вагоне длинного поезда, составленного из коротких некрасивых теплушек, приехали гости, общественные деятели из Москвы с подарками солдатам и офицерам. В их числе был Гордон. Он узнал, что дивизионный лазарет, в котором, по его сведениям, работал друг его детства Живаго, размещен в близлежащей деревне.

Гордон достал разрешение, необходимое для движения по прифронтовой зоне, и с пропуском в руках поехал навестить приятеля на отправлявшейся в ту сторону фурманке.

Возчик, белорус или литовец, плохо говорил по-русски. Страх шпиономании сводил все слова к одному казенному, наперед известному образцу. Показная благонамеренность бесед не располагала к разговорам. Большую часть пути едущий и возница молчали.

В штабе, где привыкли передвигать целые ар-

ми и мерили расстояние стоверстными переходами, уверяли, будто деревня где-то рядом, верстах в двадцати или двадцати пяти. На самом деле до нее оказалось больше восьмидесяти.

Всю дорогу в части горизонта, приходившейся налево к направлению их движения, недружелюбно урчало и погромыхивало. Гордон ни разу в жизни не был свидетелем землетрясения. Но он правильно рассудил, что угрюмое и за отдаленностью еле различимое брюзжание вражеской артиллерии более всего сравнимо с подземными толчками и гулами вулканического происхождения. Когда завечерело, низ неба в той стороне вспыхнул розовым трепещущим огнем, который не потухал до самого утра.

Возница вез Гордона мимо разрушенных деревень. Часть их была покинута жителями. В других — люди ютились в погребах глубоко под землею. Такие деревни представляли груды мусора и щебня, которые тянулись так же в линию, как когда-то дома. Эти сгоревшие селения были сразу обозримы из конца в конец, как пустыри без растительности. На их поверхности копошились старухи-погорелки, каждая на своем собственном пепелище, что-то откапывая в золе и все время куда-то припрятывая, и воображали себя укрытыми от посторонних взоров, точно вокруг них были прежние стены. Они встречали и провожали Гордона взглядом, как бы вопрошавшим, скоро ли опомнятся на свете и вернутся в жизни покой и порядок.

Ночью навстречу едущим попался разъезд. Им велели своротить с грунтовой дороги обратно и объезжать эти места кружным проселком. Возчик не знал новой дороги. Они часа два проплутали без толку. Перед рассветом путник с возницею приехали в селение, носившее требуемое название. В нем ничего не слыхали о лазарете. Скоро выяснилось, что в округе две одноименных деревни, эта и разыскиваемая. Утром они достигли цели. Когда Гордон проезжал околицей, издававшей запах аптекарской ромашки и йодоформа, он думал, что не будет заночевывать у Живаго, а проведя день в его обществе, вечером выедет назад на железнодорожную станцию к оставшимся товарищам. Обстоятельства задержали его тут больше недели.

* * *

В эти дни фронт зашевелился. На нем происходили внезапные перемены. К югу от местности, в которую заехал Гордон, одно из наших соединений, удачной атакой отдельных составлявших его частей, прорвало укрепленные позиции противника. Развивая свой удар, группа наступающих все глубже врезалась в его расположение. За нею следовали вспомогательные части, расширявшие прорыв. Постепенно отставая, они оторвались от головной группы. Это повело к ее пленению. В этой обстановке взят был в плен прапорщик Антипов, вынужденный к этому сдачею своей полуроты.

О нем ходили превратные слухи. Его считали погибшим и засыпанным землею во взрывной воронке. Так передавали со слов его знакомого, подпоручика одного с ним полка Галиуллина, якобы видевшего его гибель в бинокль с наблюдательного пункта, когда Антипов шел со своими солдатами в атаку.

Перед глазами Галиуллина было привычное зрелище атакующей части. Ей предстояло пройти быстрыми шагами, почти бегом, разделявшее обе армии осеннее поле, поросшее качающейся на ветру сухою полынью и неподвижно торчащим кверху колючим будяком. Дерзостью своей отваги атакующие должны были выманить на штыки себе или забросать гранатами и уничтожить засевших в противоположных окопах австрийцев. Поле казалось бегущим бесконечным. Земля ходила у них под ногами, как зыбкая болотная почва. Сначала впереди, а потом вперемежку вместе с ними бежал их прапорщик, размахивая над головой револьвером и крича во весь, до ушей разодранный рот «ура», которого ни он, ни бежавшие вокруг солдаты не слыхали. Через правильные промежутки бежавшие ложились на землю, разом подымались на ноги и с возобновленными криками бежали дальше. Каждый раз вместе с ними, но совсем по-другому, нежели они, падали во весь рост, как высокие деревья при валке леса, отдельные подбитые и больше не вставали.

— Перелеты. Телефонируйте на батарею,— сказал встревоженный Галиуллин стоявшему рядом артиллерийскому офицеру.— Да нет. Они правильно делают, что перенесли огонь поглубже.

В это время атакующие подошли на сближение с неприятелем. Огонь прекратили. В наставшей тишине у стоявших на наблюдательном заколотились сердца явственно и часто, словно они были на месте Антипова и, как он, подведя людей к краю австрийской щели, в следующую минуту должны были выказать чудеса находчивости и храбрости. В это мгновение впереди один за другим взорвались два немецких шестнадцатидюймовых снаряда. Черные столбы земли и дыма скрыли все последующее.— Йэ алла! Готово! Кончал базар!— побледневшими губами прошептал Галиуллин, считая прапорщика и солдат погибшими. Третий снаряд лег совсем около наблюдательного. Низко пригибаясь к земле, все поспешили убраться с него подальше.

Галиуллин спал в одном блиндаже с Антиповым. Когда в полку примирились с мыслью, что он убит и больше не вернется, Галиуллину, хорошо знавшему Антипова, поручили взять на хранение его имущество для передачи в будущем его жене, фотографические карточки которой во множестве попадались среди вещей Антипова.

Недавний прапорщик из вольноопределяющихся, механик Галиуллин, сын дворника Гимазетдина, с Тиверзинского двора и в далеком прошлом — слесарский ученик, которого избивал мастер Худолеев, своим возвышением обязан был своему былому истязателю.

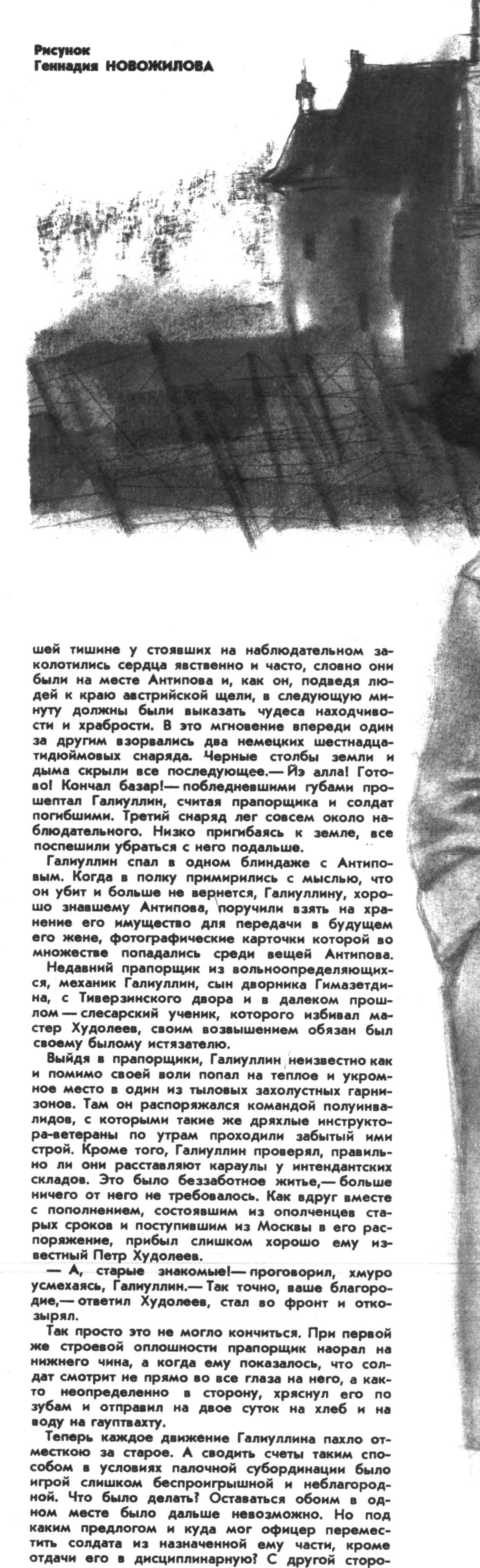
Выйдя в прапорщики, Галиуллин неизвестно как и помимо своей воли попал на теплое и укромное место в один из тыловых захолустных гарнизонов. Там он распоряжался командой полуинвалидов, с которыми такие же дряхлые инструктора-ветераны по утрам проходили забытый ими строй. Кроме того, Галиуллин проверял, правильно ли они расставляют караулы у интендантских складов. Это было беззаботное житье,— больше ничего от него не требовалось. Как вдруг вместе с пополнением, состоявшим из ополченцев старых сроков и поступившим из Москвы в его распоряжение, прибыл слишком хорошо ему известный Петр Худолеев.

— А, старые знакомые!— проговорил, хмуро усмехаясь, Галиуллин.— Так точно, ваше благородие,— ответил Худолеев, стал во фронт и откозырял.

Так просто это не могло кончиться. При первой же строевой оплошности прапорщик наорал на нижнего чина, а когда ему показалось, что солдат смотрит не прямо во все глаза на него, а както неопределенно в сторону, хряснул его по зубам и отправил на двое суток на хлеб и на воду на гауптвахту.

Теперь каждое движение Галиуллина пахло отместкою за старое. А сводить счеты таким способом в условиях палочной субординации было игрой слишком беспроигрышной и неблагородной. Что было делать? Оставаться обоим в одном месте было дальше невозможно. Но под каким предлогом и куда мог офицер переместить солдата из назначенной ему части, кроме отдачи его в дисциплинарную? С другой сторо-

Рисунок
Геннадия **НОВОЖИЛОВА**



ны, какие основания мог придумать Галиуллин для просьбы о собственном переводе? Оправдываясь скукой и бесполезностью гарнизонной службы, Галиуллин отпросился на фронт. Это зарекомендовало его с хорошей стороны, а когда в ближайшем деле он показал другие свои качества, выяснилось, что это отличный офицер, и он быстро был произведен из прапорщиков в подпоручики.

Галиуллин знал Антипова с Тиверзинских времен. В девятьсот пятом году, когда Паша Антипов полгода прожил у Тиверзиных, Юсупка ходил к нему в гости и играл с ним по праздникам. Тогда же он раз или два видел у них Лару. С тех пор он ничего о них не слыхал. Когда в их полк попал Павел Павлович из Юрятина, Галиуллин поражен был происшедшею со старым приятелем переменой. Из застенчивого, похожего на девушку и смешливого чистюли-шалуна вышел

нервный, все на свете знающий, презрительный ипохондрик. Он был умен, очень храбр, молчалив и насмешлив. Временами, глядя на него, Галиуллин готов был поклясться, что видит в тяжелом взгляде Антипова, как в глубине окна, кого-то второго, прочно засевшую в нем мысль, или тоску по дочери, или лицо его жены. Антипов казался заколдованным, как в сказке. И вот его не стало, и на руках у Галиуллина остались бумаги и фотографии Антипова и тайна его превращения.

Рано или поздно до Галиуллина должны были дойти Ларины запросы. Он собрался ответить ей. Но было горячее время. Ответить по-настоящему он был не в силах. А ему хотелось подготовить ее к ожидавшему ее удару. Так, он все откладывал большое обстоятельное письмо к ней, пока не узнал, будто она сама где-то на фронте, сестрою. И было неизвестно, куда адресовать ей теперь письмо.

* * *

— Ну как? Будут сегодня лошади?— спрашивал Гордон доктора Живаго, когда тот приходил днем домой обедать в галицийскую избу, в которой они стояли.

— Да какие там лошади? И куда ты поедешь, когда ни вперед ни назад. Кругом страшная путаница. Никто ничего не понимает. На юге мы обошли или прорвали немцев в нескольких местах, причем, говорят, несколько наших распыленных единиц попали при этом в мешок, а на севере немцы перешли Свенту, считавшуюся в этом месте непроходимой. Это кавалерия численностью до корпуса. Они портят железные дороги, уничтожают склады и, по-моему, окружают нас. Видишь, какая картина. А ты говоришь — лошади. Ну, живее, Карпенко, накрывай и поворачивайся. Что у нас сегодня? А, телячьи ножки. Великолепно!

Санитарная часть с лазаретом и всеми подведомственными отделами была разбросана по деревне, которая чудом уцелела. Дома ее, поблескивавшие на западный манер узкими многостворчатыми окнами во всю стену, были до последнего сохранны.

Стояло бабье лето, последние ясные дни жаркой золотой осени. Днем врачи и офицеры растворяли окна, били мух, черными роями ползавших по подоконникам и белой оклейке низких потолков, и, расстегнув кителя и гимнастерки, обливались потом, обжигаясь горячими щами или чаем, а ночью садились на корточки перед открытыми печными заслонками, раздували потухающие угли под неразгорающимися сырыми дровами и со слезящимися от дыма глазами ругали денщиков, не умеющих топить по-человечески.

Была тихая ночь. Гордон и Живаго лежали друг против друга на лавках у двух противоположных стен. Между ними был обеденный стол и длинное, узенькое, от стены к стене тянувшееся окно. В комнате было жарко натоплено и накурено. Они открыли в окне две крайних оконницы и вдыхали ночную осеннюю свежесть, от которой потели стекла.

По обыкновению они разговаривали, как все эти дни и ночи. Как всегда, розовато пламенел горизонт в стороне фронта и, когда в ровную, ни на минуту не прекращавшуюся воркотню обстрела падали более низкие, отдельно отличимые и увесистые удары, как бы сдвигавшие почву чуть-чуть в сторону, Живаго прерывал разговор из уважения к звуку, выдерживал паузу и говорил: — Это Берта, немецкое шестнадцатидюймовое, в шестьдесят пудов весом штучка,— и потом возобновлял беседу, забывая, о чем был разговор.

— Чем это так все время пахнет в деревне? — спрашивал Гордон.— Я с первого дня заметил. Так слащаво приторно и противно. Как мышами.

— А, знаю, о чем ты. Это конопля. Тут много коноплянников. Конопля сама по себе издает томящий и назойливый запах падали. Кроме того, в районе военных действий, когда в коноплю заваливаются убитые, они долго остаются необнаруженными и разлагаются. Трупный запах очень распространен здесь, это естественно. Опять Берта. Ты слышишь?

В течение этих дней они переговорили обо всем на свете. Гордон знал мысли приятеля о войне и о духе времени. Юрий Андреевич рассказал ему, с каким трудом он привыкал к кровавой логике взаимоистребления, к виду раненых, в особенности к ужасам некоторых современных ранений, к изуродованным выживающим, превращенным нынешнею техникой боя в куски обезображенного мяса.

Каждый день Гордон куда-нибудь попадал, сопровождая Живаго, и благодаря ему что-нибудь видел. Он, понятно, сознавал всю безнравственность праздного разглядывания чужого мужества и того, как другие нечеловеческим усилием воли побеждают страх смерти и чем при этом жертвуют и как рискуют. Но бездеятельные и беспоследственные вздохи по этому поводу казались ему ничуть не более нравственными. Он считал, что нужно вести себя сообразно положению, в которое ставит тебя жизнь, честно и естественно.

Что от вида раненых можно упасть в обморок, он проверил на себе при поездке в летучий отряд Красного Креста, который работал к западу от них, на полевом перевязочном пункте, почти у самых позиций.

Они приехали на опушку большого леса, наполовину срезанного артиллерийским огнем. В поломанном и вытоптанном кустарнике валялись вверх тормашками разбитые и покореженные орудийные передки. К дереву была привязана верховая лошадь. С деревянной постройки лесничества, видневшейся в глубине, была снесена половина крыши. Перевязочный пункт помещался в конторе лесничества и в двух больших серых палатках, разбитых через дорогу от лесничества, посреди леса.

— Напрасно я взял тебя сюда,— сказал Живаго.— Окопы совсем рядом, верстах в полутора или двух, а наши батареи вон там, за этим лесом. Слышишь, что творится? Не изображай, пожалуйста, героя, не поверю. У тебя душа теперь в пятках, и это естественно. Каждую минуту может измениться положение. Сюда будут залетать снаряды.

На земле у лесной дороги, раскинув ноги в тяжелых сапогах, лежали на животах и спинах запыленные и усталые молодые солдаты в пропотевших на груди и лопатках гимнастерках — остаток сильно поредевшего отделения. Их вывели из продолжающегося четвертые сутки боя и отправляли в тыл на короткий отдых. Солдаты лежали, как каменные, у них не было сил улыбаться и сквернословить, и никто не повернул головы, когда в глубине леса на дороге загромыхало несколько быстро приближающихся таратаек. Это на рысях, в безрессорных тачанках, которые подскакивали кверху и доламывали несчастным кости и выворачивали внутренности, подвозили раненых к перевязочному пункту, где им подавали первую помощь, наспех бинтовали и в некоторых, особо экстренных случаях, оперировали на скорую руку. Всех их полчаса тому назад, когда огонь стих на короткий промежуток, в ужасающем количестве вынесли с поля перед окопами. Добрая половина их была без сознания.

Когда их подвезли к крыльцу конторы, с него спустились санитары с носилками и стали разгружать тачанки. Из палатки, придерживая ее полости снизу рукою, выглянула сестра милосердия. Это была не ее смена. Она была свободна. В лесу за палатками громко бранились двое. Свежий высокий лес гулко разносил отголоски их спора, но слов не было слышно. Когда привезли раненых, спорящие вышли на дорогу, направляясь к конторке. Горячащийся офицерик кричал на врача летучего отряда, стараясь добиться от него, куда переехал ранее стоявший тут в лесу артиллерийский парк. Врач ничего не знал, это его не касалось. Он просил офицера отстать и не кричать, потому что привезли раненых, и у него есть дело, а офицерик не унимался и разносил Красный Крест и артиллерийское ведомство и всех на свете. К врачу подошел Живаго. Они поздоровались и поднялись в лесничество. Офицер с чуть-чуть татарским акцентом, продолжая громко ругаться, отвязал лошадь от дерева, вскочил на нее и ускакал по дороге в глубину леса. А сестра все смотрела и смотрела.

Вдруг лицо ее исказилось от ужаса.

— Что вы делаете? Вы с ума сошли,— крикнула она двум легко раненым, которые шли без посторонней помощи между носилками на перевязку, и, выбежав из палатки, бросилась к ним на дорогу.

На носилках несли несчастного, особенно страшно и чудовищно изуродованного. Дно разорвавшегося стакана, разворотившего ему лицо, превратившего в кровавую кашу его язык и зубы, но не убившего его, засело у него в раме челюстных костей, на месте вырванной щеки. Тоненьким голоском, не похожим на человеческий, изувеченный испускал короткие, обрывающиеся стоны, которые каждый должен был понять как мольбу поскорее прикончить его и прекратить его немыслимо затянувшиеся мучения.

Сестре милосердия показалось, что под влиянием его стонов шедшие рядом легко раненые собираются голыми руками тащить из его щеки эту страшную железную занозу.

— Что вы, разве можно так? Это хирург сделает, особыми инструментами. Если только придется. (Боже, Боже, прибери его, не заставляй меня сомневаться в твоем существовании!)

В следующую минуту при поднятии на крыльцо изуродованный вскрикнул, содрогнулся всем телом и испустил дух.

Скончавшийся изуродованный был рядовой запаса Гимазетдин, кричавший в лесу офицер — его сын, подпоручик Галиуллин, сестра была Лара, Гордон и Живаго — свидетели, все они были вместе, все были рядом, и одни не узнали друг друга, другие не знали никогда, и одно осталось навсегда неустановленным, другое стало ждать обнаружения до следующего случая, до новой встречи.

* * *

В этой полосе чудесным образом сохранились деревни. Они составляли необъяснимо уцелевший островок среди моря разрушений. Гордон и Живаго возвращались вечером домой. Садилось солнце. В одной из деревень, мимо которой они проезжали, молодой казак при дружном хохоте окружающих подбрасывал кверху медный пятак, заставляя старого седобородого еврея в длинном сюртуке ловить его. Старик неизменно упускал монету. Пятак, пролетев мимо его жалко растопыренных рук, падал в грязь. Старик нагибался за медяком, казак шлепал его при этом по заду, стоявшие кругом держались за бока и стонали от хохота. В этом и состояло все развлечение. Пока что оно было безобидно, но никто не мог поручиться, что оно не примет более серьезного оборота. Из-за противоположной избы выбегала на дорогу, с криками протягивала руки к старику и каждый раз вновь боязливо скрывалась его старуха. В окно избы смотрели на дедушку и плакали две девочки.

Ездовой, которому все это показалось чрезвычайно уморительным, повел лошадей шагом, чтобы дать время господам позабавиться. Но Живаго, подозвав казака, выругал его и велел прекратить глумление. «Слушаюсь, ваше благородие,— с готовностью ответил тот.— Мы ведь не знамши, только так, для смеха».

Всю остальную дорогу Гордон и Живаго молчали.

— Это ужасно,— начал в виду их собственной деревни Юрий Андреевич.— Ты едва ли пред-

ставляешь себе, какую чашу страданий испило в эту войну несчастное еврейское население. Ее ведут как раз в черте его вынужденной оседлости. И за изведанное, за перенесенные страдания, поборы и разорение ему еще вдобавок платят погромами, издевательствами и обвинением в том, что у этих людей недостаточно патриотизма. А откуда быть ему, когда у врага они пользуются всеми правами, а у нас подвергаются одним гонениям? Противоречива самая ненависть к ним, ее основа. Раздражает как раз то, что должно было бы трогать и располагать. Их бедность и скученность, их слабость и неспособность отражать удары. Непонятно. Тут что-то роковое.

Гордон ничего не отвечал ему.

* * *

И вот опять они лежали по обе стороны длинного узкого окна, была ночь, и они разговаривали.

Живаго рассказывал Гордону, как он видел на фронте государя. Он хорошо рассказывал.

Это было в его первую весну на фронте. Штаб части, к которой он был прикомандирован, стоял в Карпатах, в котловине, вход в которую со стороны Венгерской долины запирала эта войсковая часть.

На дне котловины была железнодорожная станция. Живаго описывал Гордону внешний вид местности, горы, поросшие могучими елями и соснами, с белыми клоками зацепившихся за них облаков и каменными отвесами серого шифера и графита, которые проступали среди лесов, как голые проплешины, вытертые в густой шкуре. Было сырое, серое, как этот шифер, темное апрельское утро, отовсюду спертое высотами и оттого неподвижное и душное. Парило. Пар стоял над котловиной, и все курилось, все струями дыма тянулось вверх, паровозный дым со станции, серая испарина лугов, серые горы, темные леса, темные облака.

В те дни государь объезжал Галицию. Вдруг стало известно, что он посетит часть, расположенную тут, шефом которой он состоял.

Он мог прибыть с минуты на минуту. На перроне выставили почетный караул для его встречи. Прошли час или два томительного ожидания. Потом быстро один за другим прошли два свитских поезда. Спустя немного подошел царский.

В сопровождении великого князя Николая Николаевича государь обошел выстроившихся гренадер. Каждым слогом своего тихого приветствия он, как расплескавшуюся воду в качающихся ведрах, поднимал взрывы и всплески громоподобно прокатывавшегося ура.

Смущенно улыбавшийся государь производил впечатление более старого и опустившегося, чем на рублях и медалях. У него было вялое, немного отекшее лицо. Он поминутно виновато косился на Николая Николаевича, не зная, что от него требуется в данных обстоятельствах, и Николай Николаевич, почтительно наклоняясь к его уху, даже не словами, а движением брови или плеча выводил его из затруднения.

Царя было жалко в это серое и теплое горное утро, и было жутко при мысли, что такая боязливая сдержанность и застенчивость могут быть сущностью притеснителя, что этою слабостью казнят и милуют, вяжут и решают.

— Он должен был произнесть что-нибудь такое вроде: я, мой меч и мой народ, как Вильгельм, или что-нибудь в этом духе. Но обязательно про народ, это непременно. Но, понимаешь ли ты, он был по-русски естествен и трагически выше этой пошлости. Ведь в России немыслима эта театральщина. Потому что ведь это театральщина, не правда ли? Я еще понимаю, чем были народы при Цезаре, галлы там какие-нибудь или свевы, или иллирийцы. Но ведь с тех пор это только выдумка, существующая для того, чтобы о ней произносили речи цари и деятели, и короли: народ, мой народ.

— Теперь фронт наводнен корреспондентами и журналистами. Записывают «наблюдения», изречения народной мудрости, обходят раненых, строят новую теорию народной души. Это своего рода новый Даль, такой же выдуманный, лингвистическая графомания словесного недержания. Это один тип. А есть еще другой. Отрывистая речь, «штрихи и сценки», скептицизм, мизантропия. К примеру, у одного (я сам читал) такие сентенции: «Серый день, как вчера. С утра дождь, слякоть. Гляжу в окно на дорогу. По ней бесконечной вереницей тянутся пленные. Везут раненых. Стреляет пушка. Снова стреляет, сегодня, как вчера, завтра, как сегодня, и так каждый день и каждый час...» Ты подумай только, как проницательно и остроумно! Однако почему он обижается на пушку? Какая странная претензия требовать от пушки разнообразия! Отчего вместо пушки лучше не удивится он самому себе, изо дня в день стреляющему перечислениями, запятыми и фразами, отчего не прекратит стрельбы журнальным человеколюбием, торопливым, как прыжки блохи? Как он не понимает, что это он, а не пушка, должен быть новым и не повторяться, что из блокнотного накапливания большого количества бессмыслицы никогда не может получиться смысла, что фактов нет, пока человек не внес в них чего-то своего, какой-то доли вольничающего человеческого гения, какой-то сказки.

— Поразительно верно,— прервал его Гордон.— Теперь я тебе отвечу по поводу сцены, которую мы сегодня видали. Этот казак, глумившийся над бедным патриархом, равно как и тысячи таких же случаев, это, конечно, примеры простейшей низости, по поводу которой не философствуют, а бьют по морде, дело ясно. Но к вопросу о евреях в целом философия приложима, и тогда она оборачивается неожиданной стороной. Но ведь тут я не скажу тебе ничего нового. Все эти мысли у меня, как и у тебя, от твоего дяди.

Что такое народ?— спрашиваешь ты.— Надо ли нянчиться с ним, и не больше ли делает для него тот, кто, не думая о нем, самою красотой и торжеством своих дел увлекает его за собой во всенародность и, прославив, увековечивает? Ну, конечно, конечно. Да и о каких народах может быть речь в христианское время? Ведь это не просто народы, а обращенные, претворенные народы, и все дело именно в превращении, а не в верности старым основаниям. Вспомним Евангелие. Что оно говорило на эту тему? Во-первых, оно не было утверждением: так-то, мол, и так-то. Оно было предложением наивным и несмелым. Оно предлагало: хотите существовать по-новому, как не бывало, хотите блаженства духа? И все приняли предложение, захваченные на тысячелетия.

Когда оно говорило, в царстве Божием нет эллина и иудея, только ли оно хотело сказать, что перед Богом все равны? Нет, для этого оно не требовалось, это знали до него философы Греции, римские моралисты, пророки Ветхого Завета. Но оно говорило: в том, сердцем задуманном новом способе существования и новом виде общения, которое называется царством Божиим, нет народов, есть личности.

Вот ты говорил, факт бессмыслен, если в него не внести смысла. Христианство, мистерия личности и есть именно то самое, что надо внести в факт, чтобы он приобрел значение для человека.

И мы говорили о средних деятелях, ничего не имеющих сказать жизни и миру в целом, о второразрядных силах, заинтересованных в узости, в том, чтобы все время была речь о каком-нибудь народе, предпочтительно малом, чтобы он страдал, чтобы можно было судить и рядить и наживаться на жалости. Полная и безраздельная жертва этой стихии — еврейство. Национальной мыслью возложена на него мертвящая необходимость быть и оставаться народом и только народом в течение веков, в которые силою, вышедшей некогда из его рядов, весь мир избавлен от этой принижающей задачи. Как это поразительно! Как это могло случиться? Этот праздник, это избавление от чертовщины посредственности, этот взлет над скудоумием будней, все это родилось на их земле, говорило на их языке и принадлежало к их племени. И они видели и слышали это и это упустили? Как могли они дать уйти из себя душе такой поглощающей красоты и силы, как могли думать, что рядом с ее торжеством и воцарением они останутся в виде пустой оболочки этого чуда, им однажды сброшенной. В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмеянием и истекало кровью столько ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! Отчего так лениво бездарны пишущие народолюбцы всех народностей? Отчего властители дум этого народа не пошли дальше слишком легко дающихся форм мировой скорби и иронизирующей мудрости? Отчего, рискуя разорваться от неотменимости своего долга, как рвутся от давления паровые котлы, не распустили они этого, неизвестно за что борющегося и за что избиваемого отряда? Отчего не сказали: «Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми. Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас».

* * *

На другой день, придя к обеду, Живаго сказал:

— Вот тебе не терпится уехать, вот ты и накликал. Не могу сказать «твое счастье», ибо какое же это счастье, что нас опять теснят или поколотили? Дорога на восток свободна, а с запада нас жмут. Приказ всем военно-санитарным учреждениям сворачиваться. Снимаемся завтра или послезавтра. Куда — неизвестно. А белье Михаила Григорьевича Карпенко, конечно, не стирано. Вечная история. Кума, кума, а спроси его толком, какая это кума, так он сам не знает, болван.

Он не слушал, что плел в свое оправдание денщик-санитар, и не обращал внимания на Гордона, огорченного тем, что он заносил живаговское белье и уезжает в его рубашке. Живаго продолжал:

— Эх, походное наше житье, цыганское кочевье. Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не тут, и низкий потолок, и грязь, и духота. А теперь, хоть убей, не могу вспомнить, где мы до этого стояли. И, кажется, век бы тут прожил, глядя на этот угол печи с солнцем на изразцах и движущейся по ней тенью придорожного дерева.

Они стали, не торопясь, укладываться.

Ночью их разбудили шум и крики, стрельба и беготня. Деревня была зловеще озарена. Мимо окна мелькали тени. За стеной проснулись и задвигались хозяева.— Сбегай на улицу, Карпенко, спроси, по какому случаю содом,— сказал Юрий Андреевич.

Скоро все стало известно. Сам Живаго, наскоро одевшись, ходил в лазарет, чтобы проверить слухи, которые оказались правильными. Немцы сломили на этом участке сопротивление. Линия обороны передвинулась ближе к деревне и все приближалась. Деревня была под обстрелом. Лазарет и учреждения спешно вывозили, не дожидаясь приказа об эвакуации. Все предполагали закончить до рассвета.

— Ты поедешь с первым эшелоном, линейка сейчас отходит, но я сказал, чтобы тебя подождали. Ну прощай. Я провожу тебя и посмотрю, как тебя усадят.

Они бежали на другой конец деревни, где снаряжали отряд. Пробегая мимо домов, они нагибались и прятались за их выступами. По улице пели и жужжали пули. С перекрестков, пересекаемых дорогами в поле, было видно, как над ним зонтами пламени раскидывались разрывы шрапнели.

— А ты как же? — на бегу спрашивал Гордон.

— Я потом. Надо будет еще вернуться домой, за вещами. Я со второй партией.

Они простились у околицы. Несколько телег и линейка, из которых состоял обоз, двинулись, наезжая друг на друга и постепенно выравниваясь. Юрий Андреевич помахал рукой уезжающему товарищу. Их освещал огонь загоревшегося сарая.

Так же стараясь идти вдоль изб, под прикрытием их углов, Юрий Андреевич быстро направился к себе назад. За два дома до его крыльца его свалила с ног воздушная волна разрыва и ранила шрапнельная пулька. Юрий Андреевич упал посреди дороги, обливаясь кровью, и потерял сознание.

* * *

Эвакуационный госпиталь был затерян в одном из городков Западного края у железной дороги, по соседству со ставкою. Стояли теплые дни конца февраля. В офицерской палате для выздоравливающих по просьбе Юрия Андреевича, находившегося тут на излечении, было отворено окно близ его койки.

Приближался час обеда. Больные коротали оставшееся до него время кто чем мог. Им сказали, что в госпиталь поступила новая сестра и сегодня в первый раз будет их обходить. Лежавший против Юрия Андреевича Галиуллин просматривал только что полученную «Речь» и «Русское слово» и возмущался пробелами, оставленными в печати цензурою. Юрий Андреевич читал письма от Тони, доставленные полевою почтой, сразу в том количестве, в каком они там накопились. Ветер шевелил страницами писем и листами газеты. Послышались легкие шаги. Юрий Андреевич поднял от письма глаза. В палату вошла Лара.

Юрий Андреевич и подпоручик, каждый порознь, не зная этого друг о друге, ее узнали. Она не знала никого из них. Она сказала:

— Здравствуйте. Зачем окно открыто? Вам не холодно? — и подошла к Галиуллину.

— На что жалуетесь? — спросила она и взяла его за руку, чтобы сосчитать пульс, но в ту же минуту выпустила ее и села на стул у его койки, озадаченная.

— Какая неожиданность, Лариса Федоровна,—

сказал Галиуллин.— Я служил в одном полку с вашим мужем и знал Павла Павловича. У меня для вас собраны его вещи.

— Не может быть, не может быть,— повторяла она.— Какая поразительная случайность. Так вы его знали? Расскажите же скорее, как все было? Ведь он погиб, засыпан землей? Ничего не скрывайте, не бойтесь. Ведь я все знаю.

У Галиуллина не хватило духу подтвердить ее сведения, почерпнутые из слухов. Он решил соврать ей, чтобы ее успокоить.

— Антипов в плену,— сказал он.— Он забрался слишком далеко вперед со своей частью во время наступления и очутился в одиночестве. Его окружили. Он был вынужден сдаться.

Но Лара не поверила Галиуллину. Ошеломляющая внезапность разговора взволновала ее. Она не могла справиться с нахлынувшими слезами и не хотела плакать при посторонних. Она быстро встала и вышла из палаты, чтобы овладеть собою в коридоре.

Через минуту она вернулась внешне спокойная. Она нарочно не глядела в угол на Галиуллина, чтобы снова не расплакаться. Подойдя прямо к койке Юрия Андреевича, она сказала рассеянно и заученно:

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

Юрий Андреевич наблюдал ее волнение и слезы, хотел спросить ее, что с ней, хотел рассказать ей, как дважды в жизни видел ее, гимназистом и студентом, но он подумал, что это выйдет фамильярно и она поймет его неправильно. Потом он вдруг вспомнил мертвую Анну Ивановну в гробу и Тонины крики тогда в Сивцевом и сдержался, и вместо всего этого сказал:

— Благодарю вас. Я сам врач и лечу себя собственными силами. Я ни в чем не нуждаюсь.

— За что он на меня обиделся?— подумала Лара и удивленно посмотрела на этого курносого, ничем не замечательного незнакомца.

Несколько дней была переменная, неустойчивая погода, теплый, заговаривающийся ветер ночами, которые пахли мокрой землею.

И все эти дни поступали странные сведения из ставки, приходили тревожные слухи из дому, изнутри страны. Прерывалась телеграфная связь с Петербургом. Всюду, на всех углах, заводили политические разговоры.

В каждое дежурство сестра Антипова производила два обхода, утром и вечером, и перекидывалась ничего не значащими замечаниями с больными из других палат, с Галиуллиным, с Юрием Андреевичем.— Странный любопытный человек,— думала она.— Молодой и нелюбезный. Курносый и нельзя сказать, чтобы очень красивый. Но умный в лучшем смысле слова, с живым, подкупающим умом. Но дело не в этом. А дело в том, что надо поскорее заканчивать свои обязанности здесь и переводиться в Москву, поближе к Катеньке. А в Москве надо подавать на увольнение из сестер милосердия и возвращаться к себе в Юрятин на службу в гимназии. Ведь про бедного Патулечку все ясно, никакой надежды, тогда больше не к чему и оставаться в полевых героинях, ради его розысков только и было это нагорожено.

Что теперь там с Катенькой? Бедная сиротка (тут она принималась плакать). Замечаются очень резкие перемены в последнее время. Недавно были святы долг перед родиной, военная доблесть, высокие общественные чувства. Но война проиграна, это — главное бедствие, и от этого все остальное, все развенчано, ничто не свято.

Вдруг все переменилось, тон, воздух, неизвестно, как думать и кого слушаться. Словно водили всю жизнь за руку, как маленькую, и вдруг выпустили, учись ходить сама. И никого кругом, ни близких, ни авторитетов. Тогда хочется довериться самому главному, силе жизни или красоте, или правде, чтобы они, а не опрокинутые человеческие установления, управляли тобой, полно и без сожаления, полнее, чем бывало в мирной привычной жизни, закатившейся и упраздненной. Но в ее случае,— вовремя спохватилась Лара,— такой целью и безусловностью будет Катенька. Теперь, без Патулечки, Лара только мать и отдаст все силы Катеньке, бедной сиротке.

Юрию Андреевичу писали, что Гордон и Дудоров без его разрешения выпустили его книжку, что ее хвалят и пророчат ему большую литературную будущность, и что в Москве сейчас очень интересно и тревожно, нарастает глухое раздражение низов, мы накануне чего-то важного, близятся серьезные политические события.

Была поздняя ночь. Юрия Андреевича одолевала страшная сонливость. Он дремал с перерывами и воображал, что, наволновавшись за день, он не может уснуть, что он не спит. За окном позевывал и ворочался сонный, сонно дышащий ветер. Ветер плакал и лепетал: «Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился, как мне хочется домой, за работу!» И под бормотание ветра Юрий Андреевич спал, просыпался и засыпал в быстрой смене счастья и страданья, стремительной и тревожной, как эта переменная погода, как эта неустойчивая ночь.

Лара подумала: «Он проявил столько заботливости, сохранив эту память, эти бедные Патулечкины вещи, а я, такая свинья, даже не спросила, кто он и откуда».

В следующий же утренний обход, восполняя упущенное и заглаживая след своей неблагодарности, она расспросила обо всем этом Галиуллина и заохала и заахала.

«Господи, святая твоя воля! Брестская, двадцать восемь, Тиверзины, революционная зима тысяча девятьсот пятого года! Юсупка? Нет. Юсупки не знала или не помню, простите. Но год-то, год-то и двор! Ведь это правда, ведь действительно были такой двор и такой год! О как живо она вдруг все это опять ощутила! И стрельбу тогда, и (как это, дай бог памяти) и «Христово мнение!» О с какою силою, как проницательно чувствуют в детстве, впервые! Простите, простите, как вас, подпоручик? Да, да, вы мне раз уже сказали. Спасибо, о какое спасибо вам, Осип Гимазетдинович, какие воспоминания, какие мысли вы во мне пробудили!

Весь день она ходила с «тем двором» в душе и все охала и почти вслух размышляла.

Подумать только, Брестская, двадцать восемь! И вот опять стрельба, но во сколько раз страшней! Это тебе не «мальчики стреляют». А мальчики выросли и все тут, в солдатах, весь простой народ с тех дворов и из таких же деревень. Поразительно! Поразительно!

В помещение, стуча палками и костылями, вошли, вбежали и приковыляли инвалиды и неносилочные больные из соседних палат, и наперебой закричали:

— События чрезвычайной важности. В Петербурге уличные беспорядки. Войска петербургского гарнизона перешли на сторону восставших. Революция.

Вступление, подготовка текста и публикация Е. ПАСТЕРНАКА и В. БОРИСОВА.

Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РОМАНЕ «ДОКТОР ЖИВАГО»

Близость «Доктора Живаго» в каких-то своих элементах к привычной форме романа заставляет нас постоянно сбиваться на проторенную романную колею, искать в произведении то, чего в нем нет, а то, что есть,— толковать традиционно, искать в нем прямую оценку событий, прямое прозаическое, а не поэтическое отношение к действительности, видеть за описаниями бедствий осуждение—осуждение чего-то, их породившего. Между тем никто не обсуждает и не осуждает явлений природы, когда идет дождь, бьет гроза, закручивается метель, расцветает и поднимается до небес весенний лес; никто и никогда не стремится повернуть эти явления природы. Никто никогда не стремится этически оценить эти явления природы, повернуть личными усилиями, отвратить их от нас мы не можем.

Постараюсь объяснить свое понимание «Доктора Живаго», отнюдь не навязывая его читателям. Последнее, как мы увидим, было бы и не в духе самого произведения.

Перед нами автобиография самого Б. Пастернака — автобиография, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. И тем не менее автор как бы пишет за другого о самом себе. Это духовная автобиография Пастернака, сбивающая неопытного читателя с толку своим тяготением к лирической поэзии.

Почему же все-таки понадобился Пастернаку «другой» человек, чтобы выразить самого себя, и вымышленные обстоятельства, в которые он сам не попадал?

Человек наделен поразительной способностью к перевоплощению, но это перевоплощение одновременно есть способность к воплощению своих дум и чувств, своего отношения к окружающему через другого. И поразительно, что воспринимающий лирику очень часто через нее воспринимает и самого себя, отождествляет в той или иной мере себя с лирическим героем. Этого бы не могло произойти, если бы поэт писал документально о себе, претендовал бы на фактографичность всего им сказанного. Юрий Андреевич Живаго — это и есть лирический герой Пастернака, который и в прозе остается лириком.

И еще одно обстоятельство чрезвычайной важности. Рассказывая о себе через чужого человека с «другой» жизненной судьбой, умершего (а как замечательно описана смерть доктора Живаго с этой случайно-неслучайной прохожей, невозмутимо идущей по улице и обгоняющей трамвай, в котором умирает Живаго), Пастернак не стремится убедить читателя в правильности своих мыслей, своих колебаний. Живаго совершенно нейтрален по отношению к читателю и его убеждениям. Но этого бы не произошло, если бы Пастернак повествовал о себе в открытую. Мысли автора стали бы более требовательными. Читателю казалось бы, что его убеждают, уговаривают, просят разделить взгляды,— ведь это же не взгляды автора! А в сущности, что их разделять? У Живаго больше колебаний и сомнений, больше лирического и поэтического отношения к событиям (я настаиваю на этом выражении «поэтическое отношение»), чем законченных ответов. В этих колебаниях не слабость Живаго, а его интеллектуальная и моральная сила. У него нет воли, если под волей подразумевать способность не колебаться, принимать однозначные решения, но в нем есть решимость духа не поддаваться соблазну однозначных и непродуманных решений.

Воля в какой-то мере — это заслон от мира. Живаго — Пастернак приемлет мир, каким бы он ни был жестоким в данный момент. Раз нет однозначных решений, значит, не может быть и однозначного взгляда на самого себя, невозможна откровенная автобиография, а должен быть подставной герой, в которого читателю можно верить больше, чем в автора, потому что в нем нет никакого принуждения и есть не «заслон воли», а «открытость безволия».

И здесь наступает различие героя произведения и автора. Конечно, сам Пастернак далеко не безволен, ибо творчество требует громадных усилий воли. Это огромное вмешательство в жизнь — создать образ эпохи. Может быть, и сам доктор Живаго далеко не безволен во всех смыслах, а только в одном — в своем ощущении громадности совершающихся помимо его воли событий, в которых его носит и метет по всей земле. Образ вьюги, неостановимой и пронизывающей, так близок Пастернаку и Блоку в описаниях революции.

События революции — это некая данность, не подлежащая обычной оценке. Событий нельзя избежать. В них нельзя вмешаться. То есть вмешаться можно, но их нельзя поворотить. Нейтральность Ю. А. Живаго в гражданской войне декларирована в его профессии: он военврач — то есть лицо официально нейтральное по международным конвенциям.

Действительность отражена не сама по себе, а пропущена через личные впечатления, всегда обостренные. Революционные события предстали перед ним во всей их обнаженной сложности. Они не укладывались в голые хрестоматийные схемы принятых описаний, принадлежащих иногда людям, не видевшим и не пережившим самих событий. Противоречия могли быть в их эмоциональном понимании, ибо Пастернак не истолковывал событий.

О «Сестре моей жизни» Б. Л. Пастернак писал в «Охранной грамоте»: «...мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали». То же самое Пастернак мог бы повторить и в отношении к роману «Доктор Живаго». Это свидетельствовало бы о его величайшей скромности и осознании своего положения как бытописателя событий.

Роман не перестает меня удивлять.

ЧИТАТЕЛИ СПРАШИВАЮТ:

Почему не отвечают Минздравы СССР и УССР?

ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ:

1. Создать фонд Касьяна.
2. Организовать школу Касьяна.
3. Построить Лечебный центр.

Письма и телеграммы на эту публикацию стали приходить сразу же, буквально в день выхода журнала (очерк Л. Шерстенникова «Тринадцать секунд — и вся жизнь», «Огонек» № 27 за 1987 год). Приходят отклики и поныне. Читателей взволновала судьба врача, который, по сути, в одиночку, без надлежащих условий, без применения не только дорогостоящей, но и вообще какой-либо аппаратуры, просто голыми руками берется за лечение таких «неполадок» в позвоночнике, перед которыми пасуют не только признанные авторитеты — остепененные и увенчанные многими титулами медики, но и целые коллективы крупных специализированных институтов, больниц. «Как же такое может происходить?» — недоумевают одни. «Либо все это ложь, выдумка,— рассуждают другие,— либо существующее положение кого-то очень устраивает. Кого? Почему?»

ПОЧТА · ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА · ПОЧТА

КАК ЖЕ ПОПАСТЬ К КАСЬЯНУ?

Мы предполагали, публикуя материал, что придет немало писем не только с поддержкой Касьяна, но и с жалобами — ведь даже самый удачливый из врачей не всем пациентам в состоянии помочь. Таких писем в многосотенной почте оказалось лишь два. Не говорит ли это уже само за себя?

Или вот такое письмо. «Мне Касьян не помог: я прошла всего 14—15 сеансов, а нужно было не меньше сотни. А когда? То учеба, то работа. И то верно — к нему не пробиться»,— пишет В. Сокерчук из Ворошиловградской области. «Нужно, чтобы Касьян работал именно там, где может больше всего принести пользы людям, а значит, стране. Нужно открыть счет в банке для строительства лечебного комплекса. Не только я готова выслать деньги, но, думаю, каждый, у кого болит и кто понимает, что у кого-то болит... Сколько же нас таких? Неужели откажут? Ведь мы тоже имеем право на охрану здоровья. Это сильное, большое право — наша боль, которую не дай бог испытать»,— заканчивает В. Сокерчук.

«У нас много разных счетов открывается: для брошенных детей (а их родители пусть не работают, развратничают), для зоопарков, чтобы спасти животных, и т. д. Так почему бы не появиться такому важному счету? А уж союзному Министерству здравоохранения надо эти проблемы не откладывать на завтра — к этому взывают тысячи искалеченных болезнью людей. В числе первых откликнусь на этот счет. П. Тошева, ветеран труда, Пермь».

Но многие читатели смотрят на вопрос шире. «Не кажется ли вам, что это слишком расточительно — ему лечить? Ему нужно учить! Касьяну уже пятьдесят, и работает он на износ, а учеников не видно... Надо, чтобы таких Кобеляк стало в стране два десятка, и там тоже были бы ученики»,— пишет москвичка Б. Турбина.

«Минздрав СССР должен прежде всего заняться созданием школы доктора Касьяна с подбором туда способных врачей, имеющих соответствующие головы и руки для лечения болезней по методу доктора. Надо обучить других, пусть не таких талантливых, как он сам, но одаренных. Происходит же так во всех областях науки и практики...» (С. Рукавишников, ветеран труда, Ленинград).

Письмо читателей В. Дьяченко и М. Киневой из Краснодара кратко, оно как бы подводит черту, суммирует то, что в разной форме было высказано во многих десятках писем:

«Предлагаем:
1. Учредить фонд по строительству и формированию Всесоюзного центра мануальной терапии в Кобеляках.
2. Обратиться в инженерно-строительные институты для разработки проектной документации Центра. Убеждены, молодежь поддержит это начинание.
3. Войти в Минздрав СССР с предложением о создании в Кобеляках кафедры и факультета специализации по данному профилю.
4. От имени читателей и редколлегии журнала внести предложение, отойдя от привычных стереотипов, о присвоении доктору Касьяну звания «Народный врач СССР».

А письмо В. Демуры из Хабаровского края как бы уже рисует контуры будущего Центра: «Не надо многоэтажных корпусов, просто центр здоровья, который прекрасно впишется в природу Полтавщины и будет наконец народной благодарностью ему и его отцу. Я родом из тех краев. Еще при жизни деда Касьяна о нем ходили легенды. Да, это чудаки-одиночки, но без таких «чудаков» мир был бы намного беднее».

Но давайте пока отойдем от темы Центра как такового, а обратимся к этим «чудакам-одиночкам». Много ли их, как складываются их судьбы?

«О полтавском целителе наслышан давно. Лет десять назад меня согнул радикулит. Собрался было к Касьяну, но друзья сказали: в Киеве есть свой целитель... Меня он поразил не вправлением позвонка на место, а тем, что попутно излечил в «тринадцать секунд» от двух других недугов, причиной которых было неправильное положение двух позвонков»,— пишет читатель Б. Лобач-Жученко из Москвы.

Пишут и сами целители: «Вправляю смещенные позвонки, диски, всевозможные вывихи (в том числе врожденные)», «спасаю малышей от тазобедренных вывихов, с которыми, увы, медицина справляется в течение долгих месяцев с помощью всевозможных распорок и гипсов», «могу помочь избавиться от отложения солей (шпоры на пятках, полиартрит и остеохондроз)». Читатель из Краснодара С. Иноземцев пишет о целителе, который травами лечил псориаз, аллергию, заболевания двигательного аппарата. И чем же это закончилось? «Однажды нагрянули местные и краевые власти и запретили ему лечить, обложили большущим налогом, как «нетрудовые доходы». И его больные остались без надежд на излечение, даже те, которые должны были продолжать курс. Это и дети, и инвалиды труда, и пенсионеры, и прочие...»

И почти в каждом письме целителя или о целителе строки: «категорически запретили заниматься лечением», «соглашаются, что я сокращаю время болезни, мучения больного, но помочь мне никто не может», «теперь я никого не принимаю, всем отказываю, боюсь...» или «смирилась и принимаю только по протекции...». Вопрос о народных целителях, конечно, намного сложнее, чем может показаться с первого раза. Действительно, каждому ли можно доверить прием больных? Не шарлатанство ли все это? Тем более что, судя по письмам, и явные шарлатаны, и выжиги встречаются не так уж и редко.

«Не пишу фамилии этого шарлатана-вымогателя, но опишу его метод. По профессии он врач-нейрохирург, но подпольно вправляет диски. В меня он вдавливал диски ногами, все хрустело, я молча рыдала... И так четыре раза. Разорилась на гонорары ему, но ходить я так и не смогла»,— пишет женщина из Читы. Из Джамбула: «Он бывший артист, не имеющий медицинского образования, правда, сын медика. Но основную роль там играет 82-летний отец. За один прием с моего отца он запросил 75 рублей, но, учитывая, что отец участник войны, остановился на 50. Отец с сыном сами готовят лекарства и, бывает, берут за прием до 200 рублей. Какое же может быть сравнение с Касьяном? Никакого. О таких людях, как Касьян, пресса пишет не впервые. И тем более поражает вот такое равнодушие, я бы сказал, даже преступное отношение к народным талантам. И это в нашем государстве рабочих и крестьян! На людей бескорыстных, влюбленных в свое дело, настоящих патриотов своей страны смотрят как на ненормальных. Вместо того чтобы беречь талант Касьяна, мы постепенно губим человека, работающего на износ... Если можно, перешлите мое письмо в Минздрав СССР. И. Киценко. Джамбул».

Читателям очевидно: нужно отыскивать народные таланты, помогать им, а не клеймить позорными титулами шарлатанов. Разбираться с каждым в отдельности — кто чего стоит, пестовать достойных. Но — куда уж! Если руководители медицины, по сути дела, с Касьяном «разобраться» не могут.

В журнальном обзоре мы не можем остановиться на всех аспектах, затрагиваемых в письмах читателей. Но хотим привести, на наш взгляд, интересные экономические выводы, к которым пришел врач из Киевской области В. Пугач:

«Приведу краткие статистические данные, взятые из журнала «Невропатология и психотерапия», а также из «Основных направлений развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года». Трудопотери от заболеваний периферической нервной системы составляют около 7 процентов всей временной нетрудоспособности по всем заболеваниям и занимают 4-е место. Около половины из них падает на заболевания позвоночника. В «Основных направлениях...» сказано, что ежегодные выплаты по временной нетрудоспособности по стране составляют более семи миллиардов рублей. Несложные расчеты показывают, что на долю заболеваний, связанных с такими нарушениями в позвоночнике, которые лечит Касьян, приходится 245 миллионов рублей. Эффективность лечения, согласно данным, опубликованным в монографии Н. А. Касьяна «Основы мануальной терапии», составляет 93 процента. Это те больные, которые после прохождения курса мануальной терапии уже не нуждаются в выдаче листка нетрудоспособности. 230 миллионов рублей — вот примерно такой экономический эффект может принести государству широкое внедрение метода мануальной терапии. Впечатляющая цифра, не правда ли? Какой еще метод лечения может похвастаться такой эффективностью? Так можно ли считать внедрение метода мануальной терапии сугубо делом медиков? Наверное, нет».

Ну а пока, как же попасть к Касьяну? Кобеляки берут штурмом. С момента посещения нашим корреспондентом Кобеляк в апреле этого года очередь по официальным направлениям возросла чуть не вдвое, перевалив за 97 тысяч. Все время Касьяна уже расписано до 1994 года... А письма идут и идут. Читатели своим участием, советом, подсказкой пытаются сдвинуть «касьяновское дело» с мертвой точки. Собственно, напоминаем еще раз, речь ведь идет не о Касьяне. Лечит человек, как лечил, сколько сумеет принять больных, столько принимает. Шутит. «Я,— говорит,— перестроился. Раньше с трех утра принимал больных, а теперь с половины второго». Но как ни ошеломляющи цифры, все равно они ничтожны по сравнению с той потребностью, которая существует. Наивно полагать, что сквозь игольное ушко можно провести караван верблюдов. А ситуация именно такова.

«Иногда Касьян приезжает в Москву, о его приезде узнаешь через «народный» телефон. И я тоже пыталась попасть на такой прием в Москве. Уже в 6—7 утра в гостинице, где он останавливается, стоит очередь. И он всех принимает. Жуткая работоспособность и ни одного отказа. Он приезжает в Москву лечить «кого-то», а, пользуясь его приездом, к нему идут все страждущие получить помощь и поправить здоровье». (В. Левина, Москва).

Письмо от советских военнослужащих из Афганистана за 17 подписями: «Мы возмущены отношением к нему органов здравоохранения. Пока министерство возьмется за решение задачи, можно создать общественный фонд. Напишите, куда можно перевести деньги».

Письмо от родителей, дети которых больны сколиозом, министру здравоохранения (115 подписей): «Не у всех родителей есть возможность пересекать Советский Союз из конца в конец по 4—6 раз в год... А каково детям стоять ночами час, другой, третий, чтобы следующей ночью снова стоять и ждать... Пускать это дело на самотек — преступная халатность со стороны органов здравоохранения и особенно Минздрава СССР. Бездействие слишком дорого обходится государству и в денежном, и в моральном отношениях...»

Письмо (190 подписей) — тоже от родителей больных детей: «Нас искренне удивляет полная прострация местных органов советской и партийной власти, Минздравов УССР и СССР в решении поднятых нами конкретных простейших вопросов...»

Множество писем... Нет только среди них ни одного из тех организаций, которые, казалось бы, в первую очередь и должны видеть проблему. Не высказал пока своего отношения ни Минздрав СССР, ни Минздрав УССР. Скромно молчат Полтавский обком партии, Кобелякский райком. Может, их не касается «касьяновский вопрос», может, такового вопроса и не существует? Или они вспоминают о Касьяне только тогда, когда нужно привезти к целителю важную особу?

Редакция не рассчитывает на скорое решение всех проблем, поднятых в очерке и в письмах читателей. Но каждый вправе потребовать внятного ответа на свой вопрос.

СПЕЦРЕЙС К ТЮЛЕНЯМ

Татьяна ШКОЛЬНИКОВА,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото)

— Вот и море,— сказал штурман самолета ледовой разведки Ил-14 Николай Евграфов.

Я выглянула за борт, насколько позволила полусфера блистера, но под крылом самолета по-прежнему было только белое поле.

— Как определяете?

— Да просто знаем. Припай в устье Двины скоро кончится.

И вот уже стрелка высотомера побежала по цифрам 1200, 600, 200. Хочешь не хочешь, а место у блистера пришлось уступать его законному хозяину Юрию Константиновичу Тимошенко, сотруднику Полярного НИИ рыбного хозяйства и океанографии.

— Насмотритесь, — пообещал он.— Будем летать по восемь — десять часов ежедневно над Белым, Печорским и Баренцевым морями. Видите — тюлени!

По льдинам скользила тень нашего самолета. Штурман кружил в поисках залежек. На некоторых льдинах звери вовсе не обращали внимания на наше появление.

— Сделаем еще круг и подадимся севернее острова Моржова. А здесь только единицы,— ворча, будто в том виноват штурман, сказал Юрий Константинович.

Самое большое стадо тюленя северо-восточной Атлантики не случайно называют беломорским. Здесь родина животных. В Белое море они приплывают с севера, чтоб по весне дать новое потомство. Ведь это ледовые типы тюленей, льдина — их дом. Льды

(Окончание на стр. 24.)

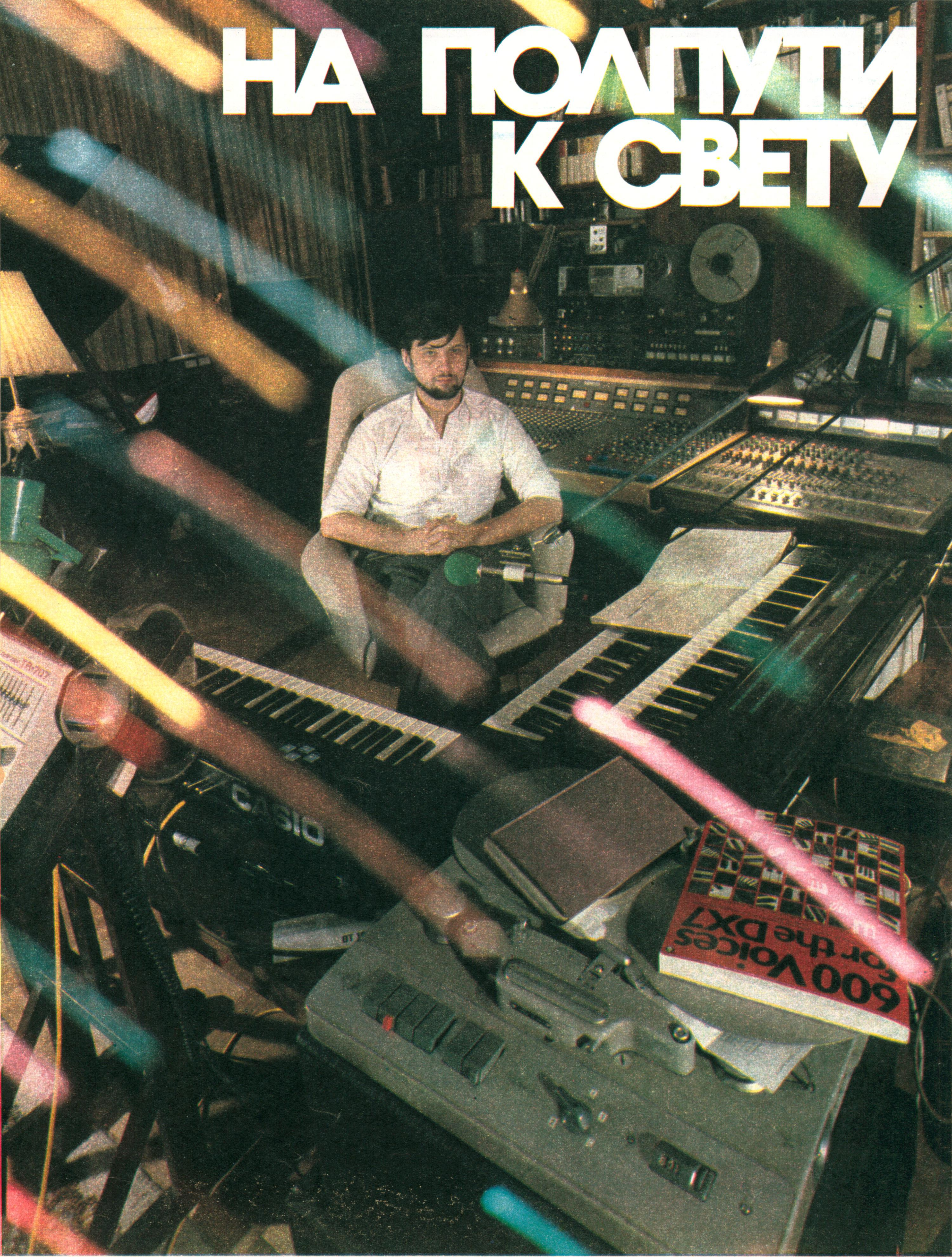
● ТЮЛЕНИ ПОЛЕТЕЛИ...

● ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — НА ВОЛОКУШЕ.

● ПЛЯЖ НА ЛЬДИНЕ.

● ВОЛЬЕРЫ С МОРСКИМИ ЖИВОТНЫМИ ОКОЛО ПОСЕЛКА КОЙДА НА БЕРЕГУ МЕЗЕНСКОГО ЗАЛИВА БЕЛОГО МОРЯ.

НА ПОЛПУТИ К СВЕТУ



Анатолий ГОЛОВКОВ.
Фото
Игоря ГАВРИЛОВА

РАМПА

МУЗЫКА И СУДЬБА АЛЕКСЕЯ РЫБНИКОВА

Впервые мне довелось увидеть его по телевизору; был такой крохотный сюжет, кажется, в «Кинопанораме», где он говорил о музыке к фильму, щурясь от ярких ламп. Тогда он не сказал ни слова о состоянии своем, ни о том, что начал делать наброски к новой опере. А теперь, когда мы встретились, город восемьдесят седьмого года светился за окнами его квартиры, минуло время, и многое переменилось.

Алексей Рыбников — с сорок пятого, родом из послевоенной Москвы, из тесных двориков и подворотен, из коммуналок, вмещавших родню трех поколений. Отец, скрипач из джаза Цфасмана, вечно пропадал на гастролях; бабушка, мать и сам Алеша были обитателями простора в десять квадратных метров. Там же вопреки законам физики вмещалось пианино, взятое напрокат.

На уроках пения он вместе с другими выводил нестойким дискантом: «На стене в огромном зале я увидел ваш портрет»... Искренне переживал, когда Москву одели в траур — не стало «вождя и учителя». В тот день он кинулся к пианино, хотелось выразить свои чувства, но мать, Александра Алексеевна, сполна познавшая как радости, так и печали своего времени, остановила его: «Не надо, сынок, играть сегодня, могут не так понять...» Многое пройдено, пережито, переоценено.

Худенький мальчик с Маяковки, в вельветовой курточке, с абсолютным музыкальным слухом; восьми лет от роду — уже автор нескольких фортепианных пьес, музыкальной версии к фильму «Багдадский вор». Вот он сидит за пультом, придя из времени, когда даже не было телевизоров, в окружении электронных чудес и диковин, показывает черновую запись фрагментов новой оперы. Зазвучала музыка — и будто бы расширилось пространство, стены раздвинулись, исчезая; явилась иная, созданная его воображением реальность. О чем это? Наверное, и о нем самом... Мы не были знакомы. Но отчего-то теперь навязчиво казалось, будто и я сидел с ним рядышком, слушая, как он гоняет гаммы или этюды Черни; пробовал сам — не получалось, не слушались чертовы пальцы, а он сочувствовал, снисходительно наблюдая...

Одаренные мальчики пятидесятых с нотными папками под мышкой, скрипочками в дерматиновых футлярах дружной гурьбой поднимались к дому на улице Герцена под задумчивым взглядом бронзового Чайковского. Гибкими и уверенными становились пальцы: любые ноты — с листа, любую партитуру — хоть сразу на пульт... Сочинялось легко, неистово, как только в юности бывает. Рыбников еще в 11 лет написал балет «Кот в сапогах» — понравилось Хачатуряну; Арам Ильич одним из первых угадал в нем истинный дар композитора. Когда стал первокурсником консерватории, увидело свет первое его произведение — фортепианная соната «Хороводы».

Альма-матер отнимала световой день, репетиции — вечера. А вокруг шла жизнь. Кое-кто сходил с дистанции, надеясь наверстать — тщетно. Рыбников не то чтоб резко выделялся среди однокашников, но слыл странным — «не от мира сего». Уборщица давно гремит ведрами по коридору консерватории, а он еще в классе, у рояля... Средь шумного спора мог впасть в задумчивость, не слыша уже ничего, кроме голосов, бог весть что ему нашептывающих или напевающих... Женился в восемнадцать. Теперь уж многие поразвелись давно, только не Рыбников: прошел все бытовые невзгоды со своей Танею, перебираясь с квартиры на квартиру.

Жили не сказать что впроголодь, но скромнее скромного. Годы ученичества заставили Рыбникова познать горечь зависимости от порочного круга, откуда удается вырваться немногим: чтобы творить свободно, нужно на что-то жить, а деньги зарабатываются совсем не так, как хотелось бы. Будь ты хоть трижды талантлив — ни в «Олимпии», ни в Большом зале не готовы исполнять твою музыку, и, видно, еще не посажены розы, которые бросали бы к твоим ногам... Будущий создатель «Юноны» и «Авось» аккомпанировал в детском саду, подрабатывал концертмейстером в ГИТИСе, давал частные уроки и с удовольствием жевал между лекциями пирожки, которые продавали возле кинотеатра «Повторный».

Из дома на улице Герцена мальчики вышли профессионалами. Рыбников многое уже умел и многое пробовал. На Таганке ставили «Жизнь Галилея»; молодой композитор мог стать зав. музыкальной частью, приглашали, но сказалось воспитание на традициях консерватории («Я был чудовищно академичен»). Его приводила в ужас мысль, что придется «писать мелодии к песням». В общем, он метался и комплексовал. Не осознанное еще желание соединить свою музыку со зрительным рядом, с драматургией приведет его на киностудию имени Горького, и (не странно ли?) именно песни из фильмов впервые прорвут «плотину» между ним и, так сказать, широкой публикой; его станут заваливать письмами; жизнь покажется увлекательной: сегодня ты сочиняешь — завтра дирижер раздает ноты оркестру, и вот твоя музыка уже звучит с экрана.

Время перевело стрелки, и страна покатила в семидесятые годы. Ощущение духоты, ватного, вязкого безразличия ко всему живому одних бывших консерваторских школяров приводило в отчаяние, других заставило «благоразумно» спуститься на грешную землю, словно политую патокой взаимного утешения — подошв не оторвать. Какие там цвели сады, какая музыка звучала? Кто ударился в сочинительство «по случаю» — композитору, как и парикмахеру, если ремесло иметь в виду в самом узком его понимании, что «оттепель», что «застой», что перестройка, работы хватит. Главное, чтоб не посягнули на «площадку безопасности», не дергали, не трогали, не обвиняли. Других, и Рыбникова в том числе, это незабвенное «ощущение стены»: кричи — не услышат, стучи — не достучишься — заставляло писать музыку дерзкую, атональную, разрушительную.

Я думал о рыбниковском симфоническом каприччио «Скоморох», его концертах — для струнного квартета с оркестром, для фортепиано, для скрипки, о вещах, которые дали ему имя в плеяде «разрушителей», некоторую известность за рубежом и звание лауреата на Всесоюзном конкурсе молодых композиторов. Мне вспомнилось это в гостях у Сергея Павленко, который дал послушать свой концерт для гобоя с оркестром... Я пытался понять, почему Алексей вдруг резко свернул с этого пути: ведь многие продолжают сочинять в авангардистском духе, даже невзирая на отсутствие признания. Харьковский композитор Валентин Бибик преподает в консерватории и сочиняет вещи, выражающие трагизм по поводу распада собственной же музыки... Их никто не вправе осуждать. Но Рыбникова этот путь едва не привел к душевному разладу.

Он почувствовал, что такими средствами выражать себя больше не может. Мозг еще продолжал работать, как мотор на холостом ходу. Днями он бродил мрачнее тучи и смотрел на рояль с ненавистью. Спустя годы, когда мы встретились в его «электронном царстве», Рыбников пытался объяснить:

— Есть один важный принцип. Если ты хочешь делать настоящие вещи, нельзя лгать самому себе. Иногда несколько тактов, написанных сердцем, перевешивают многостраничный клавир.

Вот и ответ на вопрос: «Почему кино?» Обошел экраны «Остров сокровищ» — в титрах имя Рыбникова. Уже знакомое, запомнившееся по «Трем дням Виктора Чернышова». Прокрутили на радио песни «Аннушка» и «Светает» на стихи П. Вегина, «Мост Мирабо» Апполинера, вышли пластинки. А там телевидение показало «Приключения Буратино» с его песнями на стихи Булата Окуджавы. Помимо его воли закреплялась за Рыбниковым репутация «композитора-песенника», приносила популярность. И злила одновременно.

Но без кино не было бы встречи с Марком Захаровым, главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола, не попало бы на стол к Рыбникову либретто Павла Грушко по мотивам произведения Пабло Неруды «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Захаров, тяготевший к музыкальным постановкам, уже создал «Тиля» с Геннадием Гладковым, искал единомышленников. Рыбников взялся за работу.

Получилась рок-опера, хотя Захаров рассчитывал на спектакль музыкально-драматический. Рыбников репетировал с молодыми актерами, заставив их петь, и ансамблем «Аракс». Главный режиссер сидел на прогонах в полутемном зале, пребывая в глубокой задумчивости... О том, как ставили «Звезду и смерть...», к которой управление культуры Моссовета отнеслось как к «идеологической диверсии», можно было бы написать отдельно. Постановка побила все рекорды — ее сдавали одиннадцать (!) раз. Но премьера состоялась.

Посыпались заказы: считалось, что Рыбникову «официально разрешили писать рок». Но из Минкультуры республики, Союза композиторов следовали «дружеские» советы от людей «опытных и искушенных»: «Вы, Алексей Львович, еще молоды, начали неплохо... Теперь надо закрепить успех. Ну, что вам стоит, к примеру, написать оперу о БАМе?» Ему подсовывали самые невероятные либретто. Однажды предложили написать музыку к фильмам об Л. И. Брежневе... Рыбников отказался.

Тем, кто готов продавать себя в угоду, всегда жилось легче в стае. Замечено: бездарностям свойственна консолидация, так безопаснее. Происходило какое-то всеобщее затмение, когда истинные ценности переворачивали с ног на голову, а мнимое выдавали за истинное. Привыкали. И находились те, кому уже не казалось странным, что откровенно неудачную оперу «Живи и помни» превозносили в прессе до небес... Что бывшая сокурсница Рыбникова, тоже композитор, получила премию Ленинского комсомола за симфонию, над которой, как рассказывал мне знакомый дирижер, уже после первой части откровенно смеялись музыканты на премьере. Кто-то же конкретно писал сценарий к великому празднеству по поводу визита Брежнева в Баку, кто-то пел и отплясывал перед телекамерами, а москвичи помнят гастроль Казахского цирка, показавшего некое шоу по мотивам книги «Целина».

Наивно было бы считать, что угодничество и делячество в искусстве безвозвратно канули в Лету вместе с «застойным периодом», иначе, наверное, не потребовала бы перестройки сфера культуры. И не потому ли нам стало легче поминать лихом противоречивые тридцатые годы, чем размышлять и извлекать уроки из недавно прожитых семидесятых,— не по той ли причине, что живут и здравствуют «действующие лица и исполнители»?

Сегодня они раздражены сверх всякой меры, но, подстраиваясь под новые условия, заметно сменили аргументацию. Политические обвинения сменились беспокойством по поводу «угрозы нации» со стороны «сионистов и масонов», ностальгически-фальшивой тоской по «затравленной русской культуре» и маниакальной ненавистью к именам людей, которые через самые тяжкие годы пронесли и сохранили честные голоса.

Во все времена перед художником стоял нравственный выбор. Всегда были те, кто отказывался торговать совестью и талантом, заплатив за честное искусство дорогой ценой.

Алексей Рыбников — один из тех, кто сполна испытал на себе так называемый «застойный период» и смог по мере сил противостоять ему в жизни и творчестве как личность. В числе немногих он брел по туннелю и верил, что рано или поздно за каким-то поворотом забрезжит свет... Он умел, подняв голову, ощутить мир во всем его многообразии, увидеть отблески надежды...

Однажды сама собой написалась музыка, хоралы в духе старинных русских песнопений. Показал наброски Захарову. Рождалось что-то новое, совсем не похожее на то, что приходилось сочинять прежде. Знакомство с Андреем Вознесенским и его поэмой «Авось» окончательно укрепило Рыбникова в осуществлении замысла — он начал работать над новой оперой. Уже через два года черновая запись легла на пленку. Близилось время репетиций в Театре имени Ленинского комсомола. Но там будто бы забыли про «Юнону». Марк Захаров репетировал к новому сезону совсем другие спектакли...

Рыбников почти смирился с тем, что оперу придется положить на полку. Но как-то дал прослушать кассету редактору фирмы «Мелодия» Лозинской. Мелькнула новая надежда. Записывать «Юнону» как оперу никто бы не согласился. Вот поэма А. Вознесенского «Авось» — другое дело: книгу «Витражных дел мастер» удостоили Государственной премии СССР. Так опера попала в план литературной редакции. Студийного времени хватало лишь на то, чтобы «легально» записать оркестр, хор, солистов. А по ночам, тайком, как-то уговорив охрану, чтоб остаться попозже, спорили, прослушивали куски, монтировали. И так еще два года...

Я смотрю теперь на зеленый конверт альбома с пластинками оперы, которая безо всякого преувеличения стала солидным вкладом в национальную культуру, со смешанным чувством гордости и горечи... Пошли на переплав целые тонны дисков, выпущенных в годы, когда судьба произведений искусства решалась одним росчерком пера, звонком, окриком, волевым нажимом, и «Мелодия» стремится идти в ногу со временем перестройки. А на обложке альбома как упрек трусливому консерватизму набрано имя скромного и отважного человека, Евгении Тимофеевны Лозинской, для которой помощь Рыбникову и запись «Юноны» стоили места работы: ее-таки вынудили уйти «по собственному желанию».

Впервые «Юнона» и «Авось» прозвучала на вечере художников-реставраторов в филиале Музея имени Андрея Рублева (бывший храм Покрова в Филях). Для Рыбникова этот день оказался счастливейшим в жизни. Маленький зал, забитый до отказа, рукоплескал ему, люди не скрывали слез. Остался любительский снимок: Алексей — на фоне рублевских икон, перед вставшими с мест людьми, растерянный, удивленный...

Тогда же, в конце семьдесят девятого, после прослушиваний «Юноны» на «Мелодии» и в Союзе композиторов, Рыбникова, недолго думая, зачислили в «диссиденты». На нем все-таки отыгрались, как и было обещано после «Звезды и смерти...». Формально Рыбникову «не могли простить» вполне нормального с точки зрения сегодняшней политики гласности обстоятельства: на вечере в Филях оказались корреспонденты иностранных газет. Ему практически перестали давать заказы. Его музыка стала исчезать из эфира и телепрограмм. Молчал телефон — кое-кто предпочитал выждать, чем кончится дело.

К тому же он тяжко и надолго заболел... К весне, когда Рыбников медленно выздоравливал, о нем вспомнили в театре. Пришел в больницу Марк Захаров. В мае, когда композитор еще «ходил по стеночке», актеры уже знали текст. Показали спектакль худсовету. И тут произошло то, чего меньше всего ожидали. «Полупроходимая опера» была принята с одобрением. После премьеры билеты были распроданы на 2—3 месяца вперед. «Юнона» шла с неслыханным для подмостков Москвы тех лет успехом.

А у композитора снова начались невзгоды. На сей раз масла в притухший было огонь подлили западные газеты. «Мюзикл, сочетающий западный рок, огненные танцы, русские православные песнопения и русско-американскую любовную историю,— писала «Нью-Йорк таймс» 11 июля 1981 года,— сделан, похоже, по заказу для того, чтобы получить решительное «нет» от людей, стоящих на страже советской культуры».

Насчет «решительного «нет» в «Нью-Йорк таймс» явно погорячились. Но вот что касается закрепления за композитором авторских прав, тут Министерство культуры РСФСР действительно призадумалось. Напрасно Рыбников обивал пороги уютных кабинетов, взывая к справедливости. «Если «Юнона» — опера,— рассуждали влиятельные чины,— то почему она идет не в Большом или на худой конец не в Театре Станиславского? А если драматический спектакль на вашу музыку, то при чем тут претензии?» Сбитый с толку, окончательно запутавшийся в этой бухгалтерской «логике», Рыбников вынужден был просить защиты у ВААПа. И только на шестом по счету судебном заседании было вынесено решение запретить театрам показывать «Юнону», пока Минкультуры не приобретет произведение... С судом не спорят. Коммерческие интересы возобладали над бюрократическим страхом: приобрели.

Наверное, после этого об Алексее Рыбникове стали распускать слухи как о «скандалисте», «борце за денежные знаки»... А когда нарезвились вдосталь, вокруг композитора возникло нечто вроде завесы молчания. В какой-то степени она не рассеяна до сих пор. Несколько раз телевидение собиралось делать передачи о творчестве Рыбникова, но всякий раз находились причины, по которым съемки откладывались... Несмотря на сенсационность и волнующую музыку «Юноны», пресса упорно представляла оперу как «успех драматического театра»... Студенты многих консерваторий страны написали дипломные работы по произведениям Рыбникова, но пока не появилось ни одной музыковедческой статьи с профессиональным разбором и анализом его творчества.

И когда мы уже научимся, заботясь о культуре прошлого, заботиться о культуре настоящего и будущего? Ведь не только наследство классиков, но и новые таланты должны охраняться государством. Должны...

Почему же вместо терпеливой, тактичной, я бы сказал, компетентной работы с талантами, вместо строгой доброжелательности — подчас неприязненный страх, зависть, какое-то злобное стремление смикшировать, снивелировать, упрятать подальше то, что, возможно, спустя время станет классикой и войдет в школьные программы?

Что и говорить, талантливый человек, как правило, неординарен, сложен, даже противоречив. Мы же вместо покровительства — ярлык ему: «отщепенец». Нам будто бы непременно нужно дождаться, пока певца, композитора, писателя не выведут, а, простите, вынесут из больницы, и уж тогда — извольте: и пластинки, и полное собрание, и почести посмертно...

На гребне успеха «Юноны» М. Захаров, А. Рыбников, ведущие актеры, занятые в спектакле, были выдвинуты на соискание Государственной премии СССР (А. Вознесенский стал лауреатом раньше). И вот недавно стало известно, что премии этой удостоился только главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола. Поздравляем Марка Захарова! Он действительно много поработал, чтобы «Юнона» воспринималась на сцене такой, какой мы ее полюбили. А актеры? А Алексей Рыбников, у которого работа над оперой заняла четыре (и каких!) года жизни?.. Они, видать, просто не выдержали последней дистанции — от выдвижения до присуждения, дистанции, которая вопреки гласности прочно скрыта от нас звуконепроницаемыми стенами и дверьми. Может быть, наконец пора доверить народу обсуждение соискателей, названных руководителями учреждений культуры?

Сегодня к композитору не так глухи, как прежде. Но хочется, чтобы он был не только услышан, но и понят. Он создает «симфонический театр» на базе бывшего Государственного эстрадного оркестра, который некогда был основан Леонидом Утесовым как «Теа-джаз». Сейчас «безхозный оркестр», который передавали из рук в руки, превратился в третьеразрядный коллектив какого-нибудь районного Дома культуры: сказалось долгое бездействие, застой, безначалие... Еще никому после Леонида Осиповича не удалось сломить царящий среди оркестрантов дух стяжательства и склоки. И вот Рыбникова утверждают художественным руководителем, будто решив испытать: ну, а он-то сумеет?

Есть у театра и дирижер, Сергей Госачинский, оставивший ради работы с Рыбниковым хорошо оплачиваемую должность в Киеве. Они ищут единомышленников. Думаю, тут Рыбников не отступит, и это будет театр с симфоническим оркестром, хором, электронными инструментами, группой драматических актеров. Сбывается его мечта о наиболее полном слиянии музыки и драматургии, мечта не только исполнять, но и с т а в и т ь произведения русской классики: Рахманинова, Скрябина, Стравинского, Мусоргского. Если еще, конечно, выделят помещение...

Целый год длится переписка с отделом нежилых помещений Моссовета. Сначала для театра Рыбникова предложили, будто в издевку, часть Дома музыки, строительство которого закончится, по-видимому, к началу следующего века. На очередной запрос Союза композиторов № 2302/20 от 8 августа 1987 года за авторитетной подписью Т. Н. Хренникова нет ответа и по сей день... По-прежнему косо смотрят на музу в бюрократических коридорах!

А может, в этом театре он поставит и свою новую оперу? Рыбников начал ее в том самом восемьдесят третьем, когда о нем замолчали. Либретто — на стихи Мандельштама, Ахматовой, Ремизова, Хлебникова, Бёме, Блейка, Белого, Экхарта... Его новый герой — собирательный образ Поэта. Он дерзнул показать внутренний мир творца, непобедимого, потому что у художника можно отнять все, кроме одного — гордого пламени творческого духа.

— Самое страшное — это тюрьма обыденного сознания,— говорил мне он.— Тот, кто пытается выйти из нее, платит иногда дорогой ценой. Но и в жизни, и в творчестве меня интересовало, когда человек все-таки предпринимал этот шаг... И новая моя опера — об этом. Только в момент прорыва, за которым рай или ад, открывается новое зрение. Иначе творчество становится занятием унылым и формальным...

Музыка Алексея Рыбникова милосердна, она помогает людям почувствовать себя жителями вселенной, переноситься в иные эпохи, воскрешать угасшие голоса. Она отстаивает достоинство и бесценность человеческой личности, открывает окно надежды... Когда нравственная слепота не застилает взгляд для всего светлого и живого, когда душа свободна от рабства и помыслы чисты, мы открываем с удивлением слова и звуки, идущие из глубин сердца.

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

Чем порадуют нас в скором времени наши ведущие режиссеры? Ведь вся затеянная в кинематографе перестройка — ради того, чтобы наши зрители смогли увидеть новые острые, интересные фильмы, чтобы покончить наконец с серятиной в киноискусстве.

Итак, Г. Панфилов.

Много трудностей на пути к экрану претерпели его работы. Какие же планы у Панфилова?

— Поступило предложение от американской компании, чтобы Панфилов снял «Гамлета» на основе той концепции, которую он осуществил в спектакле Театра имени Ленинского комсомола. Панфилов дал согласие. Эта работа предполагается с участием больших западных актеров шекспировского плана, — рассказывает председатель «Совинфильма» А. К. Суриков.

Прекрасно! Правда, этот фильм будет снят для американцев. И далеко не ясно, сумеем ли мы с вами познакомиться с концепцией, равно как и с «большими западными актерами шекспировского плана».

Следующий — Н. Михалков.

Чем порадует он после многих замечательных фильмов теперь, когда открылось столько возможностей? Недавно, как известно, снял Чехова для Италии... Говорят, мы даже купили эту картину. Что же делает Михалков сейчас?

— Сейчас Михалков ставит в Италии в театре «Неоконченную пьесу для механического пианино», а параллельно делает сценарий. Условное название — «Проект 3». Условное потому, что планы Михалкова часто меняются. Одно желание постоянно — участие в съемках американской «звезды» Мерил Стрип. Она, зная творчество Михалкова, согласилась сняться в одном из его фильмов. Начались поиски темы. Вначале предполагалась экранизация рассказа Чехова «Тина», потом — «Анна Каренина», потом вариант, связанный с сюжетом романа Толстого, потом— «Царь-рыба» по Астафьеву. Сейчас есть новая идея. Михалков и Р. Ибрагимбеков пишут сценарий по мотивам рассказов Короленко и романов Обручева. Съемки частично, видимо, будут у нас, частично — за рубежом. Съемочная группа уже выезжала в район Байкала.

Очень интересно, что и говорить. Только и этот фильм будет для американцев. И совсем необязательно увидим его мы. Ладно, конечно, на Байкал мы и сами можем съездить, гораздо хуже — со «звездой». Говорят, замечательная актриса. Да и сам режиссер Михалков имеет поклонников и в нашей стране...

А что поделывает А. Кончаловский? Теперь-то у него есть возможность сделать что-то для своей страны...

— У него давняя идея — снять фильм о Рахманинове. Есть сценарий, который написал Ю. Нагибин.

Ах, «Рахманинов»! Но и этот фильм стоит пока в графе «валютные заказы». Мы здесь, видимо, будем просто «оказывать услуги». А попросту говоря, продадим за океан сценарий...

Экспортируем мы также и всеми любимых Г. Данелию и Р. Габриадзе. Их комедия «Стоп»—про двух уехавших из Советского Союза людей, которые попадают в Австрию, Израиль и другие страны,— опять для американской компании. Ох, как, наверное, будут смеяться американцы... А вот будем ли смеяться мы — пока вопрос.

Фильм «Деревня в Африке» по французскому сценарию снимает О. Иоселиани. В Африке. Мы эту

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

картину, возможно, увидим — в том случае, если сможем подобрать какую-нибудь свою — на обмен.

Конечно, нам не хватает валюты. Но еще больше нам не хватает хороших фильмов. И перемены в нашем кинематографе, думается, планировались для того, чтобы и зрители пожинали плоды, а не только Министерство финансов...

Так каковы же наши с вами перспективы?

Продолжает свой рассказ А. К. Суриков:

— Право проката на Советский Союз — вопрос коммерческий. Мы предлагаем определенные условия за то, что мы даем, и от того, как мы договоримся с партнером, зависит, удастся нам взять право проката или нет. Партнер, оплатив все наши услуги, становится стопроцентным владельцем фильма.

Стараемся, конечно, чтобы все фильмы, снятые нашими творческими работниками, были в прокате у нас. И если нам сразу не удается договориться, мы картину покупаем.

Итак, теперь мы их покупаем. Обмениваем. Фильмы, созданные людьми, чей талант, дарование принадлежат нам. Нашей стране, ее народу. Хочется верить, что каждый из них мы увидим. Уже купили — правда, с некоторым опозданием — фильмы Тарковского, обменяли фильм Иоселиани...

А вот что нам уж точно достанется, так это тринадцатисерийный телефильм «Тихий Дон», который собирается снимать Сергей Бондарчук. Правда, мы уже имеем знаменитый фильм Сергея Герасимова, давно ставший классикой... Почему же Бондарчук вновь решил обратиться к этой теме?

— Это — желание Шолохова,— рассказывает Сергей Федорович.— Еще при жизни он хотел увидеть свое произведение в более объемном плане. И еще при его жизни решался вопрос — делать это или не делать. Многие были «за», а многие сопротивлялись. Я сам сомневался, из этических соображений. Герасимов — мой учитель. Но когда самому Сергею Аполлинариевичу предложили сделать телевизионный вариант, он отказался, не хотел снова возвращаться к этой теме. Шолохов доверил это мне, исходя из того, что я сделал ранее «Судьбу человека», «Они сражались за Родину».

На вопрос, чем же будет отличаться его версия, Бондарчук ответил:

— Она именно в подробности. В тех эпизодах, которые в силу метража выпали из герасимовской картины. Оказывается, многие не прочитали роман, а надо его прочитать. И слухи пошли — Бондарчук обнаружил там англичанина. А там действительно есть очень яркий эпизод с англичанином. Там даже есть и китаец! Есть французы, австрийцы. И мы хотим пригласить иностранных артистов.

— Но в чем все же ваше прочтение?

— Я вижу это так, как Шолохов написал. И по-другому я не вижу.

— Кому вы собираетесь поручить главные роли?

— Хорошим актерам. У нас их много, хороших актеров. Сплетни пошли, что мы будем снимать американцев. И вместо Дона будем снимать на Миссисипи. Это вранье, которое мешает нашей работе.

Да, хороших актеров, как правильно сказал Бондарчук, у нас много. Кого же из них он прочит на роли наших национальных героев? Ни за что не догадаетесь!

— Бондарчук предполагал поискать Аксинью где-то «там», хотел в Югославии присмотреть Григория. Целесообразность этого вызывает сомнения,— рассказывает директор телевизионного объединения «Мосфильм» К. Т. Асатурян.— Но если мы действительно будем делать совместную постановку, то, конечно, возьмем зарубежных актеров на главные роли. Дело в том, что зарубежные партнеры всегда хотят иметь знаменитых актеров в главных ролях, с тем чтобы фильм имел коммерческий успех. Имя Бондарчука — уже заявка на успех, а если там будет пара зарубежных «звезд», то двойной.

Вот это, что и говорить, уж действительно новое прочтение!

А вот натуру Сергей Федорович подбирает... нет, не пугайтесь, все-таки не на Миссисипи. То, чему положено происходить на Дону, будет происходить на Дону. Зато уж то, что за рубежом,— строго за рубежом. Есть в романе эвакуация из Крыма, в Польше повоевал Григорий. Короче, Бондарчук хочет отправиться в экспедиции в Югославию, на Балканы и так далее.

Конечно, такое стремление к достоверности весьма почетно. Правда, дороговато. Да и разве мало места в нашей «одной шестой», мало в ней своих «лесов, полей и рек», чтобы брать их еще напрокат в зарубежье?

...Так какой же национальности все-таки будет Аксинья?

Пока вопрос о совместном производстве остается открытым, рассказал К. Т. Асатурян. Директору объединения «Экран», в частности, направлено письмо о том, что итальянский продюсер Роберто Куомо (фирма «Иммобилкаре миланезе Карлеро») предлагает совместное осуществление съемок «Тихого Дона» и долевое распределение расходов. Телевидение же считает, что картина должна быть чисто советская. В связи с тем, что это все-таки наша классика. Поэтому же вызывает сомнение приглашение на роли зарубежных «звезд». А Бондарчук полагает, что картину сделать силами советского кино невозможно — в связи с отсутствием хорошей пленки, хорошей аппаратуры.

Все зависит от того, какова будет смета. Сами мы, говорит Асатурян, можем потянуть миллионов семь. А картина предполагается глобальная. Картина века. Масса лошадей, батальных сцен. Придется строить для этих лошадей конюшни, гостиницу — людей расселить: поедут-то на год. Придется строить город — и хутора, и село, а потом из него предполагается сделать музей казачьего быта. Все это обойдется в немалую сумму.

«Мы хотим внести свою лепту в этнографический музей шолоховского заповедника»,— сказал Бондарчук. Вот уж поистине «бесценная» лепта! Как, впрочем, видимо, и сама картина...

«В таких глобальных картинах,— сказал К. Т. Асатурян,— серия выходит тысяч по восемьсот. Смета «Тихого Дона», вероятно, идет к десяти миллионам».

Так что, по всей видимости, совместности не миновать...

Нет, мы совсем не против сотрудничества. Это форма очень даже прогрессивная, принятая во многих странах. И мы рады, что и у нас совместное производство всячески расширяется. Как рассказали в «Совинфильме», если раньше таких фильмов было в год два, три, четыре, то сегодня — практически каждый второй. Только на будущий год тридцать шесть проектов. «Совместность» дает нам очень важное — контакты, валюту, возможность широко рекламировать и прокатывать фильмы за рубежом. Творческим работникам совместная картина создает более удобные условия производства, возможность работать на хорошей аппаратуре, хорошей пленке.

Привлечение зарубежных партнеров удобно и студии. Например, один пошив костюмов для «Тихого Дона» — одеть-то надо целую армию — выведет костюмерный цех из строя на год. А ведь есть и другие картины, помимо этой. И, конечно, отдать шить на сторону было бы выходом. На «Мосфильме» считают, чтобы по-настоящему разгрузить студию, надо и проявлять «там» пленку, и павильоны строить, и озвучивать... Тогда «совместность» была бы совсем хороша...

Есть в совместном производстве, говорят, и опасный момент. Практически ни один совместный фильм нельзя признать по-настоящему хорошим. Потому как с первого шага начинается впрягание в одну телегу «коня и трепетной лани». Нам в сценарии нужны одни акценты, им — другие. Начинаются препирательства, компромиссы. Мне весьма красочно рассказали, как в сценарии фильма о Ломоносове немцам не понравились нехорошие поступки их соотечественников по отношению к главному герою. И ведь вычеркнули! Вычеркнули «плохих» немцев из «Ломоносова»!

Так что с совместностью пока не все просто.

...А вот еще одна совместная работа.

«Запрещенные люди» — так называется фильм Панфилова по роману «Мать» и другим произведениям Горького, который он вскоре начинает снимать совместно с итальянцами.

— Почему совместно?—спрашиваю у Сурикова.

— Это будет четырехчасовой фильм. Картина дорогостоящая. Начало века, надо строить большие декорации, ведь ничего этого уже не осталось. Наши фильмы часто критикуют за недостаточно высокий уровень изобразительного материала — реквизит, костюмы, транспорт и прочее. И здесь нам партнеры помогают. Это помощь не только производственная, но и творческая. Будут участвовать европейские актеры. С их участием у нас появляется больше шансов на то, что фильм широко пойдет по экранам мира.

Что же, пока на родном «Мосфильме» слабо с мощностями, пока нет у нас хорошей, без брака пленки, качественной аппаратуры, мы даже «Мать» Горького самостоятельно не следует снять не сможем, вынуждены будем обращаться за помощью к иностранцам?..

И уже ходят легенды о потрясающем иконостасе в доме Ниловны, которая, как известно, берегла одну иконку. Об орангутангах, которых, говорят, собираются одеть в царские одежды... Надо же удивить заграницу...

Так что если Гостелерадио не раскошелится и не купит Бондарчуку пленку и аппаратуру, то придется нам получать Аксинью «оттуда». Точно так же, как мы уже получили в панфиловском фильме на роль отца Павла известного актера Волонте.

Впрочем, сейчас время удивительных открытий. И, вполне возможно, что Волонте сыграет эту роль даже лучше, чем... Нет, не стану обижать никого из наших актеров. Они и так в связи с «совместностью» оказались в непростом положении...

Обидно только, что в этих валютно-совместных производствах мы в основном участвуем в роли поставщиков «интеллектуального сырья», получая в обмен за наших прекрасных мастеров культуры блестящие стекляшки и разноцветные лоскутки.

Юлия ДРУНИНА

* * *

В краю угрюмом, гиблом, льдистом,
Лишен семьи, свободы, прав,
Он оставался коммунистом,
Насилье высотой поправ.
Да, высотой души и чести —
Пожалуй, «планки» выше нет.
Не думал о себе, о мести:
Лишь о стране в оковах бед.
Шел сорок первый — лихолетье.
О, как в штрафной просился он!
Не соизволили ответить,
Начальник просто выгнал вон.
И хмыкнул: «Во, дает очкарик!
Но только нас не проведешь!»
И тот ушел, в момент состарясь:
Еще бы — в сердце всажен нож.
В бараке пал ничком на нары,
Убит, казалось, наповал...
Но разве даром, разве даром
Он власть Советов защищал?
И зря ли по нему разруха,
Как по окопу танк, прошла?
Сказал себе: «Не падать духом!
Нельзя с е г о д н я помнить зла!
Обязан я забыть, что ранен,
Вперед обязан сделать шаг!»
Он на партийное собранье
Созвал таких же бедолаг.
Таких, как сам,— без партбилета,
Подпольным, тайным был их сход
(Как жаль, что протокола нету!)
Взял слово: «Наступил черед
Нам позабыть обиды, беды,
А помнить общую беду
И думать только про победу,
Как в восемнадцатом году.
Судить ли тех, что сникли, сдали?..
Но, братья, родина в огне!
И в шахте, на лесоповале
Мы тоже нынче на войне.
Нам тяжелей, чем там, в траншее...
Но, верю, час придет, поймут,
Что даже и с петлей на шее
Партийцами мы были тут.
Конечно, нет на свете горше,
Чем слыть «врагами» в этот час...»
А утром на плацу промерзшем
Не опускали зеки глаз.
И удивлялся их конвойный,
На пальцы мерзлые дыша,
Чем были, лес валя, довольны
Те, в ком лишь теплилась душа.
И почему, в полусознанье,
На землю падая без сил,
Все про какое-то собранье
Очкарик чахлый говорил...

* * *

Ни от чего не отрекусь
И молодых приму упреки.
Как страшно падали мы, Русь,
Прямолинейны и жестоки!
Ведь свято верили мальцы
В страде тридцать седьмого года,
Что ночью взятые отцы —
Враги страны, враги народа...

Я ни за что не отрекусь
От боевой жестокой славы.
Как мы с тобой взмывали, Русь,
В одном полете величавом!
Шли добровольцами юнцы
В ад, где вручала Смерть медали.
Тогда казненные отцы
На подвиг нас благословляли...

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Двое рядом притихли в ночи,
Друг от друга бессонницу пряча.
Одиночество молча кричит,
Мир дрожит от безмолвного плача.
Мир дрожит от невидимых слез —
Эту горькую соль не осушишь.
Слышу «SOS», исступленное «SOS» —
Одинокие мечутся души.
И чем дольше на свете живем,
Тем мы к истине ближе жестокой:
Одиночество страшно вдвоем —
Легче попросту быть одинокой...

МЕТЕЛЬ

Я зиму нашу нравную люблю,
Метель, что закружилась во хмелю,
Люблю крутой мороз огневещий.
Не здесь ли русского характера
истоки? —
И щедрость, и беспечность, и пороки
Метель, как ты кружишься во хмелю!

ЛЮДИ И ТЕНИ

(ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ)

Расул ГАМЗАТОВ

...
О времени жестокая нелепость!
Ворот железный раздается стон.
Попал ли не в Хунзахскую я крепость,
Чей против белых дрался гарнизон?

Бойцы здесь не стояли на коленях
И просыпались с возгласом:
«В ружье!»
Но почему сегодня на каменьях
Дымится кровь защитников ее?

Сжимает зубы партизан Атаев.
Не грешен он пред партией ничуть,
Но голова седая, не оттаяв,
Вдруг виновато падает на грудь.

Какая радость для капиталистов:
— Будь год тридцать седьмой благословен! —
Сажают коммунисты коммунистов,
И потирает руки Чемберлен.

Меня окутал полумрак подземный,
Вступаю на цементные полы,
Похоже, привезли меня в тюремный
Отверженный подвал Махачкалы.

А может быть, поэт земли аварской
Доставлен на Лубянку я,
а тут
Те, что молчали пред охранкой царской,
Любые обвиненья признают.

Клевещут на себя они, на друга
И не щадят возлюбленной жены.
Страна моя, то не твоя заслуга,
Достойная проигранной войны.

Еще года расплаты будут долги
И обернутся множеством невежд.
И горьким отступлением до Волги.
И отдаленьем брезжущих надежд.

Горит душа — открывшаяся рана,
И запеклись в устах моих слова.
Один меня — он в чине капитана —
Бьет, засучив по локоть рукава.

Я говорю ему, что невиновен,
Что я еще подследственный пока.
Но он, меня с окном поставив вровень,
Хихикает: — Валяешь дурака!

Вон, видишь, из метро выходят люди,
Вон, видишь, прут через Охотный ряд,
Подследственные все они по сути,
А ты посажен — значит, виноват!

Мне виден он насквозь, как на рентгене,
Самодоволен и от власти пьян,
Не человек, а только отпрыск тени,
Трусливого десятка капитан.

(А где теперь он?
Слышал я: в отставке,
На пенсии, в покое, при деньгах.
Охранные в кармане носит справки
И о былых мечтает временах.)

Мой капитан работает без брака,
А ремесло заплечное старо...
— Ты враг народа!
Подпиши, собака! —
И мне сует невечное перо.

И я сдаюсь:
подписана бумага.
Чернеет подпись будто бы тавро.
Я для себя не кто-нибудь, а Яго,
Будь проклято невечное перо!

Поставил подпись времени в угоду,
Но невиновен и душою чист,
Не верьте мне, что изменял народу,
Как буржуазный националист.

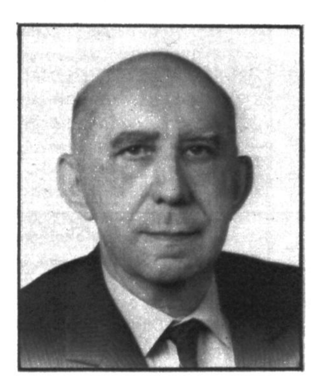
Признался я, но даже и придуркам
Покажется не стоящим чернил
О том мое признание,
что туркам
Я горы дагестанские сулил.

И хоть признался, верить мне не надо,
Что за какой-то мимолетный рай
Скуластому японскому микадо
Я продал наш Дальневосточный край.

Но есть и пострашнее погрешенья,
Терпи, терпи, бумаги белый лист:
Я на вождя готовил покушенье.
Как правый и как левый уклонист.

Был немцами расстрелян я, но силы
Еще нашел и в ледяной мороз,
Как привиденье, вылез из могилы
И до окопов родины дополз.

О, лучше мне остаться б в той могиле
И не глядеть на белый свет очам!



Анатолий КОВАЛЕВ

Поэт А. Ковалев, член Союза писателей СССР, автор двух стихотворных книжек. Песни на его слова звучат по радио и телевидению. Но не все знают, что Анатолий Гаврилович Ковалев является первым заместителем министра иностранных дел СССР, ведет огромную государственную политическую работу. Нам показались интересными его новые стихи, которые мы предлагаем читателю.

* * *

Мы лет застойных выходцы,
Хотя не в нас тех лет начало,
И если кто не выдохся,
То, видимо, нечаянно.
Застывшая история,
Без личностей, без фактов,
Запойные застолия,
Фантазии нехватка.
И было так заметно
Нам и тогда, пожалуй,
Забытое заветное,
Замены залежалые.
Заглавия повторные,
Излишества зазорные.
В знамениях затмения,
Предвзятые забвения,
Заманчиво несмелые
Прозренья перезрелые.
Межа, межа меж делом
И явью лишь призывной,
Закат замшелый,
Казалось, неизбывный.
Задачек ракурс средненький,
Разгадки, что просты.
Тех лет наследники
Мы, их полутворцы.
...Теперь уже не спутаем
Посредственное с пагубным,
Сметенное и смутное —
В послеапрельском паводке.

ОТНЫНЕ

Реляции победные
На первой полосе,
И зоны заповедные
Во всей красе.
На удивленье смертным
(Откуда что берется),
Рекордом непомерным
Сияет график броско,
И хочешь иль не хочешь,
Но ахнешь или охнешь,
Такие показатели,
Что может показаться
Самоупрек резонным,
Мол, к новшествам не чуток.
А в заповедных зонах —
Вот там творится чудо,
Там делом настоящим
Все заняты без сна...
В почтовых ящиках
Чирикает весна;
Поломанная молния
Застеклена уютно,
А плутовствам плутония
Ведется счет компьютерный.
Взгляну, и взгляд отпрянет —
Там жребия жрецы,
Инопланетяне
Тех зон жильцы,
Провидцы неизвестности
(Не райских кущ),
Синдром секретности
Как встарь присущ.
Живуче кредо:
Где я обойден?
За вывеской «секретно»
Угодников угодья.
Там, в заповедных зонах,
Прилавком правит кто-то,
Там моды по сезону,
Кроссовки и колготки.
Давая шанс, мы доверяем —
Живи по совести.
За плотными дверями
Вся своенравность подписи.
...Но вспыхнут звезды молодые
Дождливым днем,
И через проходные
Без пропусков пойдем.
В запретное, закрытое
Лучи ворвутся властно,
А что бывало шито-крыто,
Отныне будь — всегласно.

* * *

Да, ночь складировала мрак:
Чуть вспыхнет звездочка — в овраг,
Сплошная темень.
А я всегда был вместе с теми,
Кто знал об истине простой —
Что оживет трава забвенья,
Когда свершится омовенье
Рассветною росой.

Дополз живым. В измене обвинили
И на допрос таскали по ночам.

Во всем признался, только вы проверьте
Мой каждый шаг до малодушных фраз,
Во всем признался, только вы не верьте
Моей вине, я заклинаю вас.

Взяв протокол допроса из архива,
Не верьте мне, не верьте и суду,
Что я служил разведке Тель-Авива
В сорок девятом вирусном году.

Мечтаю, как о милости, о смерти,
Глядит с портрета Берия хитро.
Вы моему признанию не верьте,
Будь проклято невечное перо!

* * *

То явь иль сон: мне разобраться трудно,
У конвоиров выучка строга.
За проволокой лагерною тундра
Или стеною ставшая тайга?

Что знаешь ты, страна, о нашем горе?
Быль не дойдет ни в песне, ни в письме.
Нас тысячи невинных — на Печоре,
На Енисее и на Колыме.

На рубку леса ходим под конвоем,
Едим баланду. Каторжный режим.
И в мерзлоте могилы сами роем
И сами в них, погибшие, лежим.

С лица земли нас, лихолетьем стертых,
Немало в человеческой семье.
А мародеры обокрали мертвых
И славу их присвоили себе.

Порой труднее превозмочь обиду,
Чем пытки, голод и невольный труд.
Фашисты продвигаются к Мадриду,
А нас сюда везут все и везут.

Везут сюда и молодых, и старых
С партийным стажем до октябрьских лет.
И, просыпаясь на барачных нарах,
Они встречают затемно рассвет.

Ты в здравом ли уме, усатый повар,
Любитель острых и кровавых блюд,
Антанта снова совершает сговор,
А нас сюда везут все и везут.

* * *

— Скажи, земляк, в чем кроется причина
Того, что в Магадан твой путь пролег?
— Родился сын, и в честь рожденья сына
Послал я, горец, пулю в потолок.

Но пуля, подчиняясь рикошету,
Иного направленья не найдя,
Пробила,
отлетевшая к портрету,
Навылет грудь великого вождя.

И вот я здесь под властью конвоиров,
Как тот рабочий, чья душа чиста,
Которого пред всем заводом Киров
За трудолюбье целовал в уста.

Скажи, чекист, не потерявший совесть,
Зачем забрел в печальный этот лес?
Оставь пилу и прыгни в скорый поезд,
Сейчас ты людям нужен позарез.

Антонову-Овсеенко и с громом,
И с музыкою рано умирать.
Он зарубежным будущим ревкомам
Еще обязан опыт передать.

Лес пожелтел, и небо в звуках трубных,
И в первый класс направился школяр,
Зачем вы здесь, зачем, товарищ Бубнов,
Вас ждут дела, народный комиссар!

Вдали от лагерей,
у молодежи
Широк и дерзок комсомольский шаг,
Но вас, товарищ Косарев, ей все же
Так не хватает, пламенный вожак!

Придется многим отдохнуть сначала,
Чтоб вновь нести забот державный груз,
Пускай взойдет Крыленко, как бывало,
С Беталом Калмыковым на Эльбрус.

И, облака вдыхая полной грудью,
Глоток целебный цедят за глотком,
Чтоб одному вернуться к правосудью,
Другому — в обезглавленный обком.

Борис Корнилов, друг ты мой опальный,
Читай стихи и не забудь одно,
Что на странице книжной и журнальной
Их ждут твои поклонники давно.

Бойцам запаса посланы повестки,
Пехота немцев лезет напролом,
Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстать войскам в обличье боевом.

Пусть гений ваш опять блеснет в приказе
И удивит ошеломленный мир.
Федько пусть шлет к вам офицеров связи,
И о делах радирует Якир.

Но их, приговоренных к высшей мере,
Не воскресить и богу,
а пока
В боях невозместимые потери
Несут осиротелые войска.

И повеленьем грозного владыки,
Как под метелку до одной души,
Чеченцы выселяются, калмыки,
Балкарцы, карачаи, ингуши.

Бросают на тюремные полати
Мужей ученых,
к торжеству ослов,
Вавилов умирает в каземате.
И Туполев сидит, и Королев.

Везут, везут,
хоть произвол неистов,
А страх людские затыкает рты,
Советский строй мой, невиновен ты,
И в нас не уничтожить коммунистов,
Призвания высокого черты.

За проволокой лагерная зона,
Прожекторов насторожился свет.
Пускай товарищ Постышев законно
Здесь соберет Центральный Комитет.

И наши руки,
обернувшись бором,
Взлетят до неба огражденных мест.
Все по уставу. Полномочный кворум,
И впереди еще Двадцатый съезд!

1960—1962 гг.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Я И СЕМЬЯ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

Новелла ИВАНОВА, Геннадий КОПОСОВ (фото)

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

«Мое письмо к вам — крик отчаяния измученной мамы. Мне 23 года, и у меня растут две дочки — Олесе 2,5 года, а Катеньке три месяца. Так случилось, что Олеся выросла на искусственном вскармливании, и та же история повторилась с Катенькой, причем мои дети почему-то не приняли продукцию детской молочной кухни. Пришлось перейти на сухие молочные смеси, но... все дело в том, что в нашем городе Бийске их нет в продаже. Никаких! (За исключением манной каши, которую надо давать с шести месяцев.) Вы спросите: что же, Катенька голодает? Нет, она сыта, но только

ПРОБЛЕМА СОСКИ, БУТЫЛ

потому, что у меня верные институтские друзья, которые шлют эти смеси из Барнаула, Новосибирска, Кемерова... Надеюсь, что «Огонек» поможет разобраться, что происходит с детским питанием» (Русанова С.). «Слежу за серией «Один год из жизни Сережи Фокина», где вы рассказываете о проблемах молодой семьи. И хотя я не молодая мама — у меня трое детей, хочу поделиться своими обидами. Во-первых, куда подевались соски и бутылочки? Я не могу купить их для своей пятимесячной дочки, хоть плачь! А во-вторых, мы с мужем безрезультатно бегаем в поисках «Малютки», «Малыша», любого детского питания и не можем его достать. Кто разрешит мою проблему? Мне она не под силу» (Егорова Л. Ртищево, Саратовская область). «Знаете ли вы, что для родителей малышей проблема номер один — пустышка?! Родные, знакомые — все искали их у нас в городе Иванове и в Нерехте, Костроме. И всюду ответ один: пустышек нет! Покупать из-за пустышек «Аптечку матери и ребенка» нет смысла, она стоит 5 рублей, и я купила их две четыре года назад, когда родила первенца. Выходит, за четыре года дефицит пустышек так и не решен!» (Ивентичева С.). «В нашем городе Лугины, на Украине, трудно купить молочные смеси, а уж мясные детские консервы — никакой возможности. Но в городе Пинске, где живут мои родители, их продают... участникам войны. «Огонек», прошу тебя, узнай, почему бы по такому же принципу не продавать их нам по рецептам детской поликлиники?» (Войтович Н.).

Вот такие тревожные письма пришли в редакцию. Их собралась целая стопка, и в иных сквозило: мол, там у вас, в столице, нет проблем ни с сосками, ни с детским питанием, и потому семье Фокиных, о которых вы рассказываете, наших забот не понять. Увы! Не так давно в редакцию позвонил Сережин дедушка и рассказал, что тщетно пытался купить внуку детские консервы. В очереди с ним стояли пенсионеры, и они вмиг раскупили их. Я решила больше не откладывать визита в Минздрав и отправилась с письмами и... огрызком соски для бутылочки: ее мне дал коллега, деликатно попросив разузнать, где можно раздобыть для сынишки хотя бы одну соску.

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИНЗДРАВА СССР

Главный специалист Главного управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям Галина Владимировна Тарасова ничуть не удивилась ни огрызку соски, с которым я появилась, ни вопросам, заданным в письмах. Мать двоих дочерей, в прошлом участковый педиатр (ее книжкой «Ребенок от года до трех» зачитываются мамы), Тарасова горячо принимает к сердцу все те беды, в которых нас просили разобраться читатели. Ведь это она, Тарасова, от имени Минздрава дает промышленности точные расчеты, сколько и какого детского питания потребуется именно в этом году, а также сколько следует сделать сосок и бутылочек, чтобы всем малышам их досталось вдоволь. Тогда откуда же сбои? Почему не хватает ни питания, ни сосок, ни бутылок? Может быть, ошибка в расчетах?— спросила я Галину Владимировну.

— Исключено! Мы делаем их исходя из физиологических потребностей ребенка до трех лет с учетом общего числа детишек этого возраста! Но проблема в том, что промышленность наши заказы выполняет, руководствуясь не нашими расчетами, а возможностями своих производственных мощностей. Например, жидкие и пастообразные молочные продукты должны в детском меню до года составлять не менее 70 процентов. А промышленность сегодня дает только десятую часть того, что нужно! Пока что есть единственное предприятие, оснащенное высокопроизводительным оборудованием,— Лианозовский экспериментальный завод в Москве. Пять лет назад на всю страну было всего пять цехов детского питания, а нынче их сорок четыре. А сколько должно быть, чтобы обеспечить всех сполна? Триста! Вот и получается, что, как и много лет назад, детишек кормит «палочка-выручалочка» — детская молочная кухня Минздрава. Их три тысячи в городах и две тысячи в селах. Но эти кухни маломощны, не оснащены современным оборудованием. Вот и таскают нянечки и сестры 20-литровые бидоны, разливая их вручную по бутылочкам, а родители выстаивают очереди.

И все-таки спасибо кухням — они выручают детишек, особенно сельских, которые, по признанию Г. В. Тарасовой, обездолены, потому что, кроме продукции кухни, им достаются лишь сухие молочные смеси. Впрочем, достаются ли? В минувшем году, по расчетам Минздрава, их следовало произвести 78 тысяч тонн, но, согласно данным ЦСУ, предприятия Госагропрома дали в соответствии со своим планом 41,7 тысячи тонн. А детские консервы — мясные, фруктовые, овощные — мог получить в меню лишь каждый третий малыш.

Увидев на столе Тарасовой ярко оформленную баночку детских рыбных консервов, сделанных в Японии, я заинтересовалась, есть ли такой продукт у нас. Оказывается, первую пробную партию летом привезли с Калининградского рыбокомбината для утверждения Минздравом, который «выколачивал» эти консервы... два десятилетия. Что же мешало рыбникам поскорее дать их детям? «Увы, по их мнению, детская продукция нерентабельна. Порция будет продаваться по 30 копеек, а комбинату она обходится по полтора рубля — вот они и не торопились!»— объяснила главный специалист.

Дети и нерентабельность! Кто и когда осмелился поставить их рядом, поди теперь докопайся, но какую же ощутимую брешь в защите детства пробил, прикрываясь щитом нерентабельности, пресловутый «вал», если главный медицинский штаб страны проигрывал промышленности сражения за здоровье детей. А ведь в помощь ему были приданы солидные силы. При Минздраве много лет назад была создана межведомственная комиссия с участием Минсельхоза, Минторга, Госкомитета по науке и

технике, ВАСХНИЛ, различных институтов. Сорок человек, представляющих ДЕСЯТЬ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ на уровне от заместителя министра до директоров институтов, дважды в год собирались на заседания. Вопросы обсуждались разные: чем кормить коров, молоко которых идет на изготовление продуктов для детей? Как следует удобрять поля, где пасутся эти коровы? Почему нет герметичной крышечки для бутылочек с детским питанием? Почти две пятилетки комиссия разбиралась с проблемой нехватки стеклянной тары для детских пищевых продуктов. Г. В. Тарасова показала мне папки с протоколами заседаний. Ну, а результаты? Увы, большая часть острых вопросов не решена по сей день. Получалось совсем как в поговорке: «У семи нянек дитя без глазу». И хотя «нянь» было куда больше и все они ратовали за то, чтобы «больные детские вопросы» были решены, спросить за то, что их не решили, сегодня не с кого. И на очередном заседании комиссии прозвучала привычная реплика: «Когда же Минздрав наладит выпуск стеклотары для детского питания?»

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИРЕКТОРА СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА

В январе прошлого года генеральный директор ВПО «Союзмедполимерстекло», а ныне директор Солнечногорского стекольного завода Алексей Григорьевич Мелихов подписал письмо в Минздрав, в котором просил разрешить промышленный выпуск нового набора бутылочки с соской. Он, как и положено, послал с письмом образец новой продукции. Главный специалист Тарасова отклонила новинку по той простой причине, что пустая она весила... более двухсот граммов. Но ведь двухмесячному малышу придется поддерживать бутылочку уже наполненной! Посоветовав привести вес бутылочки в соответствие с возможностями ребенка, Г. В. Тарасова дала заводу год на доработку. Срок минова́л давно, а от завода ни слуху ни духу.

Я решила позвонить в Солнечногорск и поинтересоваться судьбой бутылочки. Директор Мелихов взял трубку.

— Да, мы рассмотрели этот вопрос. Медики просили, чтобы был уменьшен вес бутылочки, но она весит столько, сколько должна весить. А это могут сказать не врачи, а специалисты-стекольщики! Вы можете записать, что ни в одной стране мира не производят таких бутылочек, ведь мы делаем их из стекла особого, которое идет на изготовление тары для консервации крови. В нашей бутылочке кровь может сохраняться пять лет. Представляете?!

Признаться, я не поняла, зачем ребенку бутылочка, в которой можно хранить молоко до той поры, пока он не отправится в школу?

— И еще запишите: в нашей бутылочке ребенок никогда не получит яда!

— Яда?

— Вот именно! Передо мной трясли разными импортными бутылочками, мол, вон они какие легкие. Верно, легкие, но сделаны они из простого стекла, а вы налейте в них водичку и с недельку подержите, и увидите, какой осадок выпадет.

Предложенный эксперимент не вызвал у меня энтузиазма, и я спросила о том, что меня интересовало: может ли завод сделать бутылочку более легкой?

— Не может! Зато может отказаться от производства бутылочек из особого стекла. И это пойдет во вред детям. Так и запишите!

Стало ясно — завод твердо намерен бороться за «качество» своей продукции. Ну, а как дело обстоит с ее количеством?

— Мы развернули большую работу и в первом полугодии перевыполнили план на 400 тысяч изделий...

— А во втором?

— К сожалению, пришлось сбавить темпы. Кто виноват? Во-первых, министерство, головное в распределении фондов, затягивает решение этого вопроса со смежниками. А еще нас подводит главный поставщик сосок — киевский завод «Красный резинщик». Я даже посылал своих «ходоков» в Киев узнать: отчего сосок мало, а брака много? Они вернулись и доложили, что иного и ждать нечего: завод старый и оснащен допотопным оборудованием.

— А если бы вам в достатке выделили фонды и дали сосок вдоволь, то...

— То мы бы всех завалили своими бутылочками! Мы производим сейчас 4 миллиона 800 тысяч штук, а на следующий год дадим 6 миллионов.

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛАВНОГО ДЕТСКОГО СТОМАТОЛОГА СТРАНЫ

Директор стекольного завода ждет, словно манну небесную, сосок «Красного резинщика», а главный детский стоматолог Минздрава СССР, заведующая кафедрой стоматологии детского возраста ЦОЛИУВ профессор Тамара Федоровна Виноградова готова стеной встать на пути продукции киевлян. Профессор отнюдь не против сосок. Более того, она убеждена, что современным мамам, которые оказались не в состоянии вскормить ребенка грудным молоком, без сосок просто невозможно обойтись. Может быть, не все мамы знают, что при кормлении малыша в первые десять минут он должен насытиться, а в последующие десять минут должен быть удовлетворен сосательный рефлекс, и вот, чтобы он не угас, на какое-то время ребенку нужна соска. Но вот вопрос: какая соска?

Профессор меня озадачила. Да вот же у нее на столе лежат в вазочке соски-пустышки, которые нынче угодили в число дефицита! Кстати, они выглядят наряднее прежнего — обычное пластмассовое колечко приняло форму бабочки, цветка.

— Мне только вчера звонили с завода «Красный резинщик» по поводу этих новых сосок и допытывались, примем ли мы их. Я ответила: нет. Эстетическая сторона улучшена, но нет главного, что мы требуем уже не один год,— форма баллончика соски осталась прежней, круглой.

Меня так и подмывало прервать рассказ профессора: да что тут спорить с резинщиками, ведь дети плачут, сосок нет! Но Тамара Федоровна назвала такую цифру, что стало ясно: уж лучше не торопиться! Оказывается, из-за круглой формы баллончика нашей пустышки почти у ШЕСТИДЕСЯТИ ПРОЦЕНТОВ ДЕТЕЙ ГРУДНИЧКОВОГО ВОЗРАСТА ДЕФОРМИРУЕТСЯ ЧЕЛЮСТЬ, ПОЯВЛЯЕТСЯ НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРИКУС. А это не только плохие зубы, но шепелявая речь, неряшливость в еде!

Мне показали целую груду слепков детских прикусов: беззубую челюсть четырехмесячного малыша, где уже видна щель, образовавшаяся от такой соски. А на прикусе двухлетнего ребенка и вовсе зубки торчали в разные стороны! И еще мне показали пустышку, за которую давно ратует главный детский стоматолог страны. Она была в коробочке с рисунком, как правильно соска должна лежать во рту малыша. Прочитав инструкцию, написанную по-польски (соска родом оттуда), я мысленно вернулась в Польшу, увиденную пять лет назад, когда страна только поднималась после жесточайшего политического и экономического кризиса, и с болью подумала: почему же там сумели сделать самое необходимое для малышей, а у нас нет?

У профессора Виноградовой есть ответ на этот вопрос.

— «Красный резинщик» заявляет, что никогда не сумеет сделать нужную нам форму баллончика! Почему? Да потому, что они озабочены лишь одним — поскорее закрыть дефицит и отчитаться по «валу». А то, что этот «вал» пойдет во вред миллионам детей, их не заботит! И самое печальное, что не только завод, но и Научно-исследовательский институт резиновых и латексных изделий, который мы просили сделать новую пустышку, не спешит на помощь детям!

Узнав, что министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов должен побывать в институте, Тамара Федоровна обратилась к нему с письмом. Строки из него мы приводим с ее разрешения. «Нам стало известно, что Вы намереваетесь посетить Научно-исследовательский институт резиновых и латексных изделий. В связи с этим просим обратить внимание на то, что институт тормозит выпуск пустышек нужного образца. Кафедра стоматологии детского возраста специальными научными исследованиями установила, что выпускаемые заводом «Красный резинщик» соски-пустышки из-за неправильной формы резинового баллончика, неправильной формы и размера фланца, неправильного крепления обусловливают формирование зубочелюстных аномалий у детей... Однако изменить форму резинового баллончика завод и институт, ссылаясь на сложность технологии, не может. Без изменения формы пустышка не будет решать свою физическую роль».

Что же на это ответит министр?

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНСТИТУТА ПИТАНИЯ АМН СССР

Из пяти миллионов малышей, которые в нашей стране ежегодно рождаются, 800 тысяч с первых дней становятся «искусственниками» и 1 миллион 200 тысяч растут на смешанном вскармливании. Чем же накормить эти два миллиона? Об этом обязана заботиться лаборатория по изучению питания детей раннего возраста, которую возглавляет профессор Елена Марковна Фатеева. Стены ее кабинета заставлены бесчисленными коробочками, баночками с надписями на английском, немецком, итальянском, французском, финском, польском языках. Тут собрана детская кухня почти со всего мира, и выставлены образцы вовсе не ради дизайна. Это рабочий материал. Лаборатория создала в 70-е годы «Малыша», «Малютку», позднее доработала «Детолакт», участвовала в разработке «Ладушки», и, наконец, новинка — «Новолакт», которая должна скоро поступить в продажу. И все это создано коллективом в шестнадцать человек, которые ютятся в нескольких комнатушках старого, еще петровских времен здания. Диву даешься, как эта группа учёных-энтузиастов, не имея своей клинической базы и новейшего оборудования, сумела все это сделать! Разрабатывая новую рецептуру детского питания, тут не только перенимают передовой зарубежный опыт, но имеют свое оригинальное направление. Здесь создаются заменители грудного молока для новорожденных, обогащенные защитными факторами. Эта работа уже доведена до опытных образцов, но... «Пройдет не меньше пяти лет, пока наша работа попадет на промышленный конвейер»,— с горечью говорит Елена Марковна Фатеева. Увы, так было до сих пор со всеми новинками лаборатории. А кто же тормозит такое важное дело?

— Все наши темы идут по Госкомитету по науке и технике, а уж потом вторая ступенька — Госагропром, который дает задание промышленности.

Получалось совсем как в детской пирамидке: колесико на колесико, сверху колпачок, а снимешь его, и пирамидка рассыплется. Вряд ли названным солидным организациям неизвестны цифры, которые назвала читателям «Огонька» профессор Фатеева. Ныне у нас в стране (исключая республики Средней Азии) 30 процентов матерей не кормят детей грудью! 60 процентов едва дотягивают до трех месяцев. Подавляющее большинство детей-искусственников у горожанок. Институт педиатрии недавно провел социологическое исследование в Москве, и выяснилось, что в столице едва насчитывается 10 процентов женщин, которые кормят грудью малыша до десяти месяцев!

Как же повезло герою наших репортажей Сереже Фокину, который вот уже десять месяцев «купается» в мамином молоке! Его так много у Ирины, что теперь, когда Сережа с удовольствием уплетает и мясо, и супы, она выливает по нескольку стаканов в раковину. Узнав об этом, я так и вскинулась: да разве можно — ведь сколько детей вокруг лишено этого богатства! И тут же позвонила своей приятельнице. Ее двухмесячный Володька остался без грудного молока. Молодая, образованная мама даже не стала записывать адрес Фокиных, хотя жила неподалеку. «Знаешь, уж лучше я, как все, буду кормить его смесями!» И послала мужа на поиски финской «Тутели». Рассказав эту историю Е. М. Фатеевой, я невольно задела ее больную тему. Два десятилетия профессор занимается изучением проблем грудного вскармливания и твердо убеждена, что в растущем числе детей-искусственников повинны не только экологические изменения и стрессы, но прежде всего... сами мамы! Вследствие эмансипации женщина терпит гормонально-биологические утраты, и материнский инстинкт оказался заторможенным. Вот почему, по ее мнению, сегодня нет важней задачи у нашего общества, и в первую очередь у всех медицинских учреждений, связанных с рождением человека, как вернуть ребенка к груди матери. Для этого нужна широкая пропаганда материнства, нужно каждой женщине дать знания о том, какой урон здоровью

ОЧКИ И ДЕТСКОГО МЕНЮ...

наносит искусственное вскармливание.

— Беда в том, что подавляющее большинство женщин считают, что искусственное вскармливание даже полезно, так как дети ведут себя спокойнее. Опасная ошибка! Кто из матерей знает, что отнятие от груди — медико-биологический стресс, который непременно скажется на здоровье человека? Американские ученые утверждают, например, что индекс интеллекта студента и преступные наклонности подростка в некоторой степени связаны с тем, был ли этот студент или подросток вскормлен матерью...

В Институте питания, где создаются заменители грудного молока, хорошо осведомлены о том, что материнское молоко незаменимо, и потому воодушевленно работают над новым белково-витаминным препаратом, который должен повысить лактацию матери, или, как говорят в народе, ее «молочность». Увы, теперь, когда известно, как долог путь новинки из этой лаборатории до прилавка магазина, рука не подымается написать: дорогие женщины, скоро вы получите помощь!

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОСАГРОПРОМА

Валерий Николаевич Сергеев, заместитель начальника отдела по производству и переработке продукции животноводства Госагропрома СССР, прекрасно осведомлен обо всех дефектах в «пирамидке» детского питания и сразу же назвал «болевые точки»: отсутствие пропаганды материнства и работы с матерью. Длинная ведомственная цепочка, в которой разработкой и производством детского питания занимаются многие разрозненные группы. А главное — нехватка мощностей для промышленного производства этих продуктов. За последние пятнадцать лет создана специальная подотрасль молочной промышленности. Построено пока пять специализированных предприятий по производству сухих молочных продуктов в Истре, Хороле, Волковыске, Балте, Сибае. Но этого недостаточно.

— Факт, что мы не выполнили плана по сухим смесям, но не в таких масштабах, чтобы сегодня говорить о серьезных проблемах дефицита! Перебои возникают по вине торговли. Она работает вслепую, не изучает спроса на продукты детского питания и часто шлет его наобум!

В подтверждение своих слов В. Н. Сергеев показал мне пачку телеграмм, полученных директорами заводов в Волковыске и Хороле. «Просим «Малютку» не отгружать» (г. Одесса), «Малютке» прием отказываем» (г. Навои), «Малютку» наш адрес не грузите. Оплачивать не будем» (Молдавмясомолторг).

— Деловая переписка наших заводов с торгами свидетельствует о том, что некоторые города и республики оказались завалены молочными сухими смесями, а в другие их не завезли вовсе!

Да, вина торговли очевидна. О ней говорили ученые из лаборатории Фатеевой. На карте в ее кабинете флажками отмечены главные районы бедствия с детским питанием — Дальний Восток, Крайний Север, особенно Якутия и Эвенкия. Данные эти выверены во время командировок сотрудников лаборатории, которые на месте убедились, что сюда, где каждая капля высококачественного детского питания на вес золота, торговля шлет продукты долгим путем — пароходами, и они еще в пути теряют свой срок хранения. Как назвать такое — бесхозяйственностью или все-таки преступление? Где найти тут границу? Но беда в том, что ее никто не ищет. А найти бы стоило! Найти, чтобы всенародно наказать виновных. Как следовало бы всенародно наказать тех, по чьей вине не выполнено постановление о создании еще к 1985 году технической базы для перевода производств жидких и пастообразных детских продуктов на промышленную основу.

— Да, постановление не выполнено. Подвели машиностроители,— сказал В. Н. Сергеев.— Разработка необходимого отечественного оборудования была поручена Минлегпищемашу, в ведении которого находится ВНИЭКИпродмаш. Этот институт чуть не две пятилетки создавал опытный образец комплекса оборудования на молкомбинате в Ростове-на-Дону, а когда создал, оказалось столько неполадок, что под сомнением возможность серийного выпуска комплекса в ближайшие годы.

Прощаясь, В. Н. Сергеев заверил: к 1995 году проблемы с детским питанием будут сняты. Порука — недавно подготовленный Госпланом СССР, Госагропромом СССР и Минздравом СССР с участием заинтересованных министерств и ведомств проект постановления «О дополнительных мерах по полному обеспечению потребности детей раннего возраста в специальных продуктах питания». Постановление предусматривает строительство новых заводов, оснащение их отечественным оборудованием.

ОТ РЕДАКЦИИ

До 1995 года целых семь лет! Согласно демографическим прогнозам, за это время должны появиться по крайней мере тридцать пять миллионов малышей. И что же, ждать, пока промышленность перестроится лицом к детству? Время, в которое мы живем, требует не выжидания, а действий. Действий по-хозяйски. А это значит, что в условиях, когда дефицит на продукты детского питания какое-то время будет существовать, важно так наладить контроль над его распределением и потреблением, чтобы ни один грамм не пропал зря. Очевидно, следует не откладывая перенести в торговлю продуктами детского питания опыт работы молочных кухонь Минздрава СССР, где питание отпускается строго по рецептам врача в соответствии с потребностями и здоровьем ребенка. В этом случае будут достигнуты сразу две важные цели. Первая: потребление этих продуктов будет поставлено под строгий медицинский контроль. Не секрет, что родители покупают все, что на глаза попадается, и проводят без врачебного контроля на детях «эксперимент». Ведь далеко не каждому показаны одни и те же смеси или консервы! Второе: промышленность получит в этом случае задание по выпуску необходимого ассортимента детских продуктов, рассчитанных не на «усредненного» ребенка, как сегодня, а на конкретного Петю, Олю, Сережу, согласно рекомендации его врача и «подсказке» мамы. Продажа строго по рецептам закроет доступ к детскому питанию взрослого населения. Такого рода перестройка потребует повышения роли и ответственности торговли во всех ее звеньях — от министра до продавца, который сегодня торгует детским питанием, имея о нем самое приблизительное представление. В этом случае Минторг СССР уже не отмахнется от предложения Минздрава СССР организовать изучение спроса на продукты для детей раннего возраста, как это случилось недавно, когда медики получили ответ за подписью замминистра Ф. Л. Марчука о возможности завершения такового лишь... к 1996 году!

Расследуя проблемы детского питания, сосок и бутылочек, мы убедились в том, что полумеры тут не дадут ощутимых результатов. Нужен поиск нового, конструктивного подхода к их решению. Может быть, стоит приглядеться к опыту западных фирм, таких, как финское объединение «Ялостая», в котором вместе сотрудничают врачи, экономисты, дизайнеры, торговля.

Мы предлагаем читателям «Огонька» высказать об этом свое мнение. А чтобы разговор был конкретным, просим родителей малышей до года также ответить на такие вопросы: какие продукты детского питания в меню вашего малыша! Как работает ваша молочная кухня! Как помогает вам врач, участковая сестра растить здорового ребенка?

Ждем ваших ответов!

СПЕЦРЕЙС К ТЮЛЕНЯМ

(Начало на вкладке 1.)

постоянно дрейфуют даже в сильные морозы, приливно-отливные течения, которые здесь сопряжены с большим перепадом воды, ломают лед, так что чистая вода всегда есть. Вот около этих разводий на льдине в снегу и располагается самка-утельга с детенышем, спрятав его от ветра. Здесь же образуются новые брачные пары. Для тюленей это юг и безопасное место, сюда не заходит их главный враг — белый медведь.

Так и лежат они целыми днями, греются в лучах по-весеннему яркого солнца. Нырнут мамаши, поохотятся и снова на льдину. А их с детенышами тем временем относит все дальше из Белого моря в Печорское и дальше в Баренцево море, к его полярной кромке, в район Новой Земли, Земли Франца-Иосифа.

Удобно — не своим ходом на север, а на попутных.

В деревнях Зимняя Золотница, Койда не раз доводилось мне беседовать с потомственными поморами, бывалыми охотниками. Море испокон веков кормило их. Рассказывали, что с приближением весны снаряжали карбасы «семирики» или «пятирики» — в зависимости от числа гребцов, брали с собой дрова, керосин. Шутка ли, на два-три месяца уходили во льды на промысел тюленя. Где вода — плыли, где лед — тащили лодки волоком. Вот так и добирались до стада-юрова. Спали тоже в лодках. Мокли в ледяных рассолах. И прибавлялось по весне крестов на поморском берегу, огромных, черных. Море кормило, море и отбирало кормильцев...

— Как идет промысел? — спрашиваю я у Тимошенко.

— Тюленя в этом регионе добываем мы и норвежцы. Мы в «восточных льдах» — Белом, Баренцевом морях, освоили также район у побережья острова Ян-Майен. Норвежцы ведут промысел в «западных льдах» у Шпицбергена и в Баренцевом море. Здесь обитают четыре вида тюленей. Самый крупный — морской заяц, а самый мелкий — нерпа. Еще хохлачи, названные так за характерный кожаный мешок на носу самцов, а также гренландские тюлени.

Ледовые тюлени в отличие от других сородичей гаремов не образуют, держатся непродолжительное время парами. Так что назвать этот союз семьей нельзя. Самый заботливый отец, вернее сказать, отчим, это хохлач. Отвоевав у менее сильного собрата утельгу, причем уже ялую с прошлой весны, он охраняет ее, ждет появления детеныша. А собственное потомство ему так и не удается вырастить.

За свою красоту, гладкий серебристый мех тюлень поплатился. Промысел его стал настолько интенсивным, что популяция беломорского стада оказалась на грани полного уничтожения. Чтоб предотвратить это, наша страна пошла на крайнюю меру — полный запрет государственного промысла тюленей сроком на пятнадцать лет.

— Было это в 1965 году. Право добычи в этот период оставалось только у местных жителей. Но и поморам установили определенные ограничения по объемам, срокам добычи. Не разрешался промысел малочисленного в этих местах вида морского зайца. Особенно важная мера — полный запрет охоты на самок. Норвежская сторона частично поддержала принятые нами меры, у них также ввели запрет на промысел самок...

Я знала, что, несмотря на значительные материальные потери, не 15, а почти 17 лет не велся в СССР государственный промысел тюленей. Ученые Полярного института предупреждали: рано, рано возобновлять его. И вот численность беломорского стада, которому грозило исчезновение, начала восстанавливаться.

— Юрий Константинович, а как часто сотрудники ПИНРО участвуют в аэрофотосъемках?

— Раз в три года. Сейчас у нас просто разведывательный полет. Аэрофотосъемку ведем мы в Белом, Печорском и Баренцевом морях, да еще канадцы, но уже в другой части Атлантики, в северо-западной. На сегодняшний день это самый эффективный способ изучения морских животных. Сообразуясь с биологией определенных видов тюленей, мы заранее намечаем маршрут. Ведь каждый из них обитает на определенных видах льда. Гренландский тюлень — на дрейфующих, а кольчатая нерпа и детей растит, и обитает на припаях у кромки материка.

Сложно изучать тюленей — очень подвижные, далеко мигрируют, глубоко ныряют. Наши коллеги из Мурманска разработали метод дистанционного зондирования. Он осуществляется фотокамерами нового типа, работающими в разных областях спектра. В инфракрасных лучах хорошо фиксируются тюлени даже на значительной глубине.

По нашим наблюдениям, после того, как был введен 15-летний запрет и другие эффективные меры охраны зверя, ежегодный прирост молодняка стал составлять пять процентов. Хороший показатель. Казалось бы, надо радоваться, да не тут-то было,— развел руками Юрий Константинович.

— А что произошло?

— К счастью, пока ничего не произошло, но целая кампания была начата в норвежской печати. Ведущий журнал департамента рыболовства «Фискентск Ганг» и газеты доказывали, будто тюленей стало так много, что они истребили треску, рвут сети. Против тюленей была поднята целая кампания. Жалобы шли даже в стортинг — норвежский парламент.

— Действительно ли тюленей стало так много и они во всем этом виноваты?

— По нашим оценкам, беломорское стадо насчитывает сейчас 800 тысяч голов. А в 30-е годы ластоногих этого региона было около 3 миллионов, и никто не жаловался, не обвинял их в излишнем аппетите.

— Может быть, у них аппетит разыгрался или изменился вкус и теперь они едят предпочтительно рыбу? — спросила я.— Кстати, чем питается тюлень?

— До конца этот вопрос не изучен. Мы, да и во многих странах ученые занимаются этой проблемой. Но точного ответа пока нет. Установлено, правда, что в разные периоды жизни вкусы, как вы выразились, у тюленей разные. Едят морских ежей, ракообразных, мелкую рыбу, при случае треской не побрезгуют. А что некоторые специалисты делают? Пять килограммов — столько, считается, может съесть за день тюлень — умножают на 365 дней и еще раз на численность стада. Так получается астрономическая цифра! Но нельзя же оперировать цифрами, не зная достаточно хорошо биологии. Конечно, с мнением норвежских рыбаков нельзя не считаться. Но вот вопрос: какие тюлени рвут их сети в фиордах? Почему вину сваливают на наше беломорское стадо и на этом основании требуют увеличивать квоту на их добычу? Этот вид мигрирует со льдами, а из-за теплых зим уже примерно с 1968 года льды не доходят до их берегов. Я бывал в Норвегии и видел «возмутителей спокойствия», так они и чисто внешне не похожи на беломорских. Да и вообще тюлень и рыба успешно сосуществовали века, пока не вмешался излишне активно человек. Так и надо с себя спрашивать! — уже волновался Юрий Константинович.

И как не волноваться! Сколько труда было положено, обосновывая необходимость введения долгосрочного 15-летнего запрета на лов, сколько убеждать поморов, пока они не начали соблюдать правила охоты. Да и выработать эти самые правила, а потом каждую весну приезжать в поселки Зимняя Золотица, Койда, со зверобоями высаживаться с вертолетов на льдины, чтоб контролировать! И вот тюлени спасены. Казалось бы, можно успокоиться, так нет, новая забота. Теперь норвежцев надо увещевать.

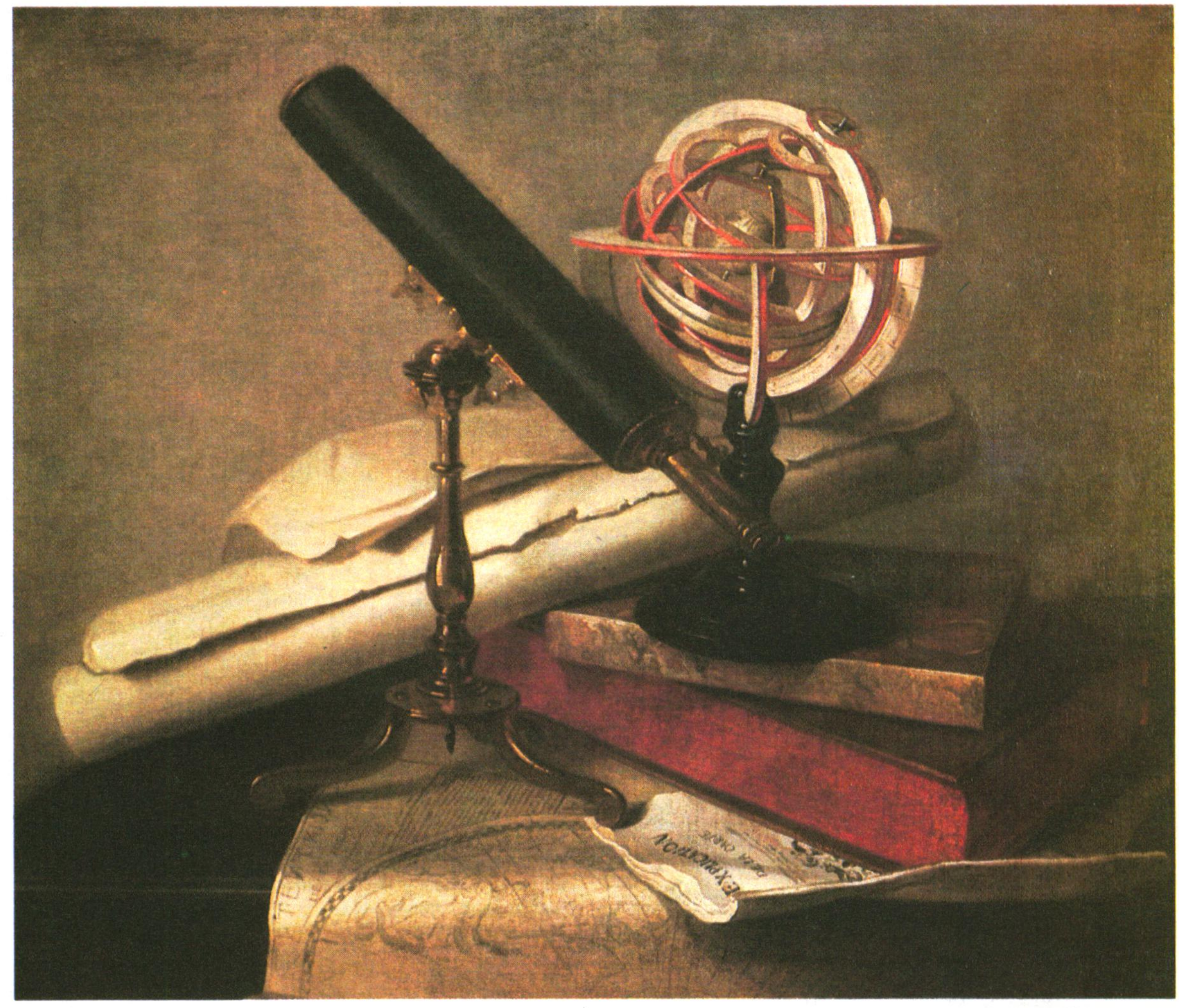
— А вопрос рассматривался официально?

— Да, в ходе сессии смешанной советско-норвежской комиссии по рыболовству в 1984 и 1985 годах. Сотрудники ПИНРО представили тогда научно обоснованные допустимые объемы добычи. Они были приняты сессией, а требование горячих голов значительно увеличить охоту не прошло. По совету наших ученых был выбран другой путь — установлены самые низкие за историю промысла квоты на добычу трески. Сейчас мы готовим материал к новой сессии. Надеемся, что свое слово скажут и норвежские ученые.

Когда репортаж уже печатался в «Огоньке», в Москву пришла тревожная весть о том, что в этом году наблюдается резкое сокращение численности белька — молоди тюленей, стареет стадо. Симптомы опасные. Чем они вызваны, что случилось, и можно ли было такое предвидеть заранее? В Министерстве рыбного хозяйства СССР нам ответили:

— Тревожные данные. Мы вынуждены раньше срока прекратить промысел. И в ходе советско-норвежской комиссии, которая только что, 21 ноября, завершила работу, на 1988 год установлена минимальная за последнее время квота в советской зоне, в «восточных льдах» для нашего и норвежского промысла, а в «западных» — увеличена. Полагаем, мера своевременная.

В КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕЕ



ФИЛИПП ДЕ ЛА ГИР. 1640—1718
(французская школа).
НАТЮРМОРТ.
АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ.

ПЕНРИ ВИЛЬЯМС. 1798—1885
(английская школа).
ОХОТНИКИ ИЗ ТЕРРАЧИНЫ. 1839.

ГОЛЛАНДСКИЙ МАСТЕР XVII в. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ.

В КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ.
Фото автора

СПУТНИКИ СЛАВЫ ВОИНСКОЙ

Обратите внимание, как выглядел солдат во времена Павла I, императора «застойной», как мы теперь говорим, эпохи.— Геннадий Николаевич Нестеров-Комаров, работник Министерства обороны СССР, сопровождающий меня по залам этого необычного музея, останавливается перед одной из витрин и продолжает рассказ: — Одевался он по прусскому образцу. Солдатские волосы обильно поливались квасом, а потом посыпались мукой. От уха до уха цеплялся металлический полуобруч, к которому по бокам лепились букли из пакли, а сзади восьмивершковая коса с лентой. Все на шнурочках, на завязочках. Бедному солдату было не вздохнуть. Новобранца, поступавшего на службу, сначала держали в колодках, приучая и превращая в манекен. И каждый свой день Павел начинал с проведения смотра на плацу у Зимнего дворца. Отсюда нередко полки за нарушение шагистики уходили по этапу в Сибирь...

История военного костюма, отраженная в витринах экспозиции, очень интересна. Но не менее интересна и история самой коллекции, берущей свое начало век с лишним назад. Созданный в 1868 году в Петербурге Интендантский музей объединил экспонаты полковых музеев, неплохо отражавших и солдатский быт, и самое историю славных полков Российской державы. А поскольку военные музеи — причем открытые для широкого обозрения — существовали в большинстве стран, то с ними можно было вести обмен, пополняя коллекцию и за счет образцов одежды, оружия и наград иноземельных. Просуществовал музей до самой революции, до 1917 года. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба экспозиции в эти бурные годы, если бы известный декрет, подписанный Лениным, не предотвратил разбазаривания нашего культурного и исторического наследия. А пока экспозицию свернули, сапоги и мундиры упаковали в ящики и снесли в темные казематы Петропавловки. Вспомнили о сокровищах нескоро — уже в тридцатые годы. Вскрыли ящики, перетрясли подтлевающие костюмы и распорядились: эти пойдут в музеи, те в театры попадут, а иные — на киностудии. Основная часть фондов попала в Артиллерийский исторический музей Ленинграда.

А тут опять суровое время надвинулось — война. И вот уже после войны снова добрались до экспонатов. Но поскольку для размещения их места не находилось, Артиллерийский музей упросил армейское начальство забрать лишние фонды... И покатили в Москву три вагона из Ленинграда. Часть имущества — десять ящиков в основном царских мемориальных вещей — удалось пристроить в Москве, в Государственном Историческом музее. А остальное снова пошло с молотка — что другим музеям, что театрам, что киностудиям. Говорят, в Большом театре, в Малом или во МХАТе и сегодня еще можно найти подлинные старинные костюмы, которые сами уже не «играют» на сцене, но служат почтенными образцами для театральных художников, швейников. Но была еще одна графа в той давней распределительной ведомости. Звучала она сурово и просто: «На уничтожение». Так бы и порешили — «ненужный хлам», да, по счастью, нашлись в руководстве страны дальновидные люди, приостановили гибель коллекции...

Так коллекция и закрепилась за Министерством обороны, превратилась со временем вновь в музей.

...И вот мы идем по пустынным залам. Щелкаем выключателями у витрин, словно лучики света бросаем в колодец истории. Зарябила в этом луче вязаная чешуя кольчуги. Давно утрачен ее металлический блеск, ржа столетий изъела, видно, и ее защитную силу. Но так ли это? Не воин ли Дмитрия Донского обагрял кольчугу своей кровью, не к нам ли — далеким своим потомкам — обращал он предсмертный свой стон?!. А если это так — не утратила кольчужка своей силы!

Еще щелчок выключателя — новая картина. Всмотрись, всмотрись и увидишь под этими киверами лица воинов Бородина, быть может, разглядишь Дениса Давыдова и кавалерист-девицу Дурову! А не такой ли мундир украшал грудь юного Лермонтова?..

«Кафтан», «доломан», «ментик» — забытые слова. Но... когда появилась первая военная форма на Руси? Считается, что впервые она была введена у стрельцов Ивана Грозного, во времена осады Казани. Кафтаны эти опередили на ряд десятилетий форму многих западных стран. Каждый стрелецкий полк имел кафтан своей расцветки, так что сразу можно было видеть принадлежность воина, говоря нынешним языком, к определенному подразделению... Но регулярной армии еще не было. Селились стрельцы по слободам. Не было военных действий — занимались торговлей, ремеслами. Ведь и форму, и коня стрельцы должны были справлять себе сами! Петр I к 1700 году уже имел 33 полка регулярной армии. Полки лейб-гвардии Преображенский и Семеновский носили кафтан, камзол, панталоны до колена, чулки, башмаки, а кавалеристы — ботфорты. Волосы солдатам не завивали и не «квасили». Петр не отягощал солдата формой. Парики только на парадах и для офицеров. Зато после него — пошло-поехало, словно солдат для того только и нужен, чтобы шагать да наряжаться. Противились этому Суворов, Румянцев да и сам сиятельный князь Потемкин. «Солдат как встал, так и готов»,— хотел того князь. Солдат получил сапоги, свободную куртку и брюки, понизу отороченные кожей. Любопытно, что сапоги шились без различия правой и левой ноги. Опять же не по недомыслию, а из резона: солдату некогда думать, куда ногу совать. Как вышло, так и ладно, в поход ли, в бой — с ходу... Так сапоги шились до восьмидесятых годов прошлого века.

Ну, а когда на смену треуголкам, гренадеркам, киверам стал приходить наираспространеннейший по нынешним временам головной убор — фуражка? Да и слово такое откуда вынырнуло?

Кивер — цилиндр из кожи, несколько расширяющийся кверху, снабженный козырьком и украшенный султаном из конского волоса,— вошел в обиход в 1807 году. А в 1811 году, в канун Отечественной, фуражирам — лицам, заготавливающим корм для лошадей,— создали головной убор несколько подешевле и попроще кивера, не из кожи уже, но тоже с козырьком. Офицерам разрешалось сие изделие носить только вне строя. Головной убор прижился, появилось и название — фуражка (вот она, «лошадиная фамилия»), а когда в 1844 году на убор стали крепить кокарду, термин уже официально вошел в обиход.

А гимнастерка? Столько лет верой и правдой служила она солдату! Имеет ли это название что-то общее с гимнастикой? Имеет. И самое прямое. В 1862 году Александром II для занятия гимнастикой высочайше была утверждена белая полотняная рубаха и такие же штаны — шаровары. Шагистика стала заменяться физической подготовкой. Спустя несколько лет в Туркестане, где новая легкая рубаха пришлась как нельзя более кстати, на нее впервые прикрепили знаки различия — погоны. И отсюда гимнастерка — кстати, такового названия еще не имеющая, а зовущаяся просто рубахой,— распространилась по всей армии. А название гимнастерки закрепилось уже в наше время — в 1935 году в Красной Армии...

Начальник Центрального вещевого управления Министерства обороны СССР генерал-лейтенант Петров помогает вспомнить некоторые страницы не столь уж отдаленной истории, участником которой был и сам Федор Павлович.

...Окончилась Великая Отечественная война. Чеканным шагом готовились пройти победители по брусчатке Красной площади на Параде Победы. Встал вопрос: как же должны выглядеть мундиры высших воинских чинов, офицеров? Я держу в руках уникальный документ. Под докладной на имя Сталина («В соответствии с Вашими указаниями представляем предложения по парадной форме...») стоят подписи выдающихся полководцев, военачальников Отечественной: Жукова, Толбухина, Малиновского, Конева, Говорова, Мерецкова, Василевского, Рокоссовского и других... Чего стоило собрать эти подписи на одном листе, говорит одно то, что некоторые из них появились уже после самого Парада Победы, хотя содержание документа согласовано с каждым было, разумеется, до этого...

— Для генералов и маршалов,— рассказывает Федор Павлович,— решено было сшить мундиры из сукна цвета морской волны. Сукно такое было на вооружении еще в русской армии. Но прошли годы, утерянными оказались рецепты, подзабыты технологические режимы. А сукно надлежало изготовить в кратчайший срок... Стали искать мастеров. И они отыскались. Но не у нас, а в Польше. Я в то время работал на должности военпреда Управления вещевого снабжения, находился в звании инженер-капитана. А ткани — мой профиль, моя специализация инженера-технолога. В Лодзи работал один из умельцев, я до сих пор хорошо помню его фамилию — Петриковский, окончил в свое время русскую гимназию, прекрасно говорил по-русски и был хорошим специалистом по тканям. Да и сам до революции делал такое сукно. В Лодзи стали готовить пряжу, а отделку проводили в Томашуве-Мазовецком, там очень хорошая, мягкая вода. Привез я три с половиной тысячи метров ткани — как раз на ту тысячу костюмов, которые надо было сшить. Мундиры украшались шитьем: для маршалов — дубовые листья, для генералов — лавровые. Были предложены и эполеты, но это предложение вскоре отпало. И вот в таком виде,— генерал расправляет рукой разворот книги, на котором помещены снимки участников Парада Победы,— весь мир и запомнил наших солдат и полководцев — победителей.

...Многое еще можно было бы рассказать из истории русского обмундирования. Трагическое здесь подчас соседствует с курьезным. Та самая белая гимнастическая рубаха, славно прижившаяся в армии, сослужила свою недобрую службу в Маньчжурской кампании: белое пятно было заметно издали и плохо скрывало солдат. Были даже указания: рубахи пореже стирать, дабы, потерявшие белизну, они лучше сливались с окружающей местностью. Не сразу пришла мысль красить ткань в защитный цвет. А теперь разработаны и применяются уже красители, которые маскируют воина даже от всевидящих инфракрасных приборов... Полковник Михаил Александрович Теровкин, председатель научно-технического комитета, в центре внимания которого вопросы совершенствования сегодняшней воинской формы, говорит:

— Все наши разработки базируются на изучении образцов русской и советской формы, ее традиций. Отошла в прошлое гимнастерка, ее сменил китель. В условиях боя легче сорвать загоревшийся китель с плеч, чем тянуть через голову плотную рубаху. Учитывая опыт Великой Отечественной войны, разработана негорючая одежда для танкистов на основе фенилонового волокна, стойкая форма ракетчиков... Полевая форма делается унифицированной, одинаковой всем — от солдата до маршала. Время диктует свои требования...

Мы заканчиваем наше путешествие по залам. Щелкнет последний выключатель, и снова в полумрак отодвинутся прошедшие годы. Но они останутся все равно рядом. Стоит протянуть руку, и они ответят на твое внимание. Подскажут, помогут, поддержат...

ПРИУСАДЕБНЫЙ УЧАСТОК ТАЙНОГО СОВЕТНИКА

КОГДА ЕХАЛИ В ВЕЙМАР, Я, ЕСТЕСТВЕННО, НЕ ЗНАЛ, О ЧЕМ БУДУ ПИСАТЬ, О ЧЕМ НЕ БУДУ — ВОТ ТУТ СОМНЕНИЙ НЕ БЫЛО: О ДОМЕ-МУЗЕЕ ГЕТЕ. ПОЧЕМУ? ДА ПОТОМУ, ЧТО КРУПНЫЙ, ЗНАМЕНИТЫЙ, ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННЫЙ МУЗЕЙ САМ ПО СЕБЕ ЕСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. ПОЖАЛУЙ, ДАЖЕ БОЛЬШЕ ЛИТЕРАТУРЫ, ИБО СОЗДАТЕЛИ ЕГО, КАК АВТОРЫ РОМАНА ИЛИ ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫВАЮТ О ГЕРОЕ ТО, ЧТО ХОТЯТ РАССКАЗАТЬ, СКЛАДЫВАЮТ ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ, СРЕДЫ И ЭПОХИ, ОТСЕКАЯ ЛИШНЕЕ, НЕ УКЛАДЫВАЮЩЕЕСЯ В ЗАМЫСЕЛ. МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ СТАНОВЯТСЯ ДЕТАЛЯМИ ПОВЕСТВОВАНИЯ. А МЕЖДУ БЫЛОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ТВОИМ ГЛАЗОМ СЛОВНО БЫ РАСПОЛАГАЕТСЯ СЛОЙ ЛАКА: ВИДНО ВСЕ, НО НИ ВКУСА, НИ ЗАПАХА...

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Именно сквозь такой лак я и смотрел на среду обитания величайшего поэта Германии. Вот передняя. Вот желтый зал. Внутренний двор. Малая кухня. Комната лакея. Коллекция бюстов. Коллекция камней. Парадный мундир — Гете был не только поэтом, но и тайным советником, более того, министром, тут уж без мундира никак. За этой конторкой классик писал. В этом кресле умер. В этой карете выезжал...

Как раз с кареты и началось.

Карета удобная, с хорошими рессорами, с крупными прочными колесами, с окном впереди — небольшие квадратные стекла в решетчатой раме. И одно стекло — с трещиной.

Я спросил:

— А трещина, она подлинная?

Переводчик перевел. Гид не понял.

— Трещина,— пояснил я,— вот эта. Она была при Гете? Или появилась потом?

На меня посмотрели с недоумением. Знаменитый дом, знаменитый музей, в одной библиотеке гения шесть с половиной тысяч названий, в одних коллекциях пятьдесят тысяч единиц хранения, а мне нужна трещина в стекле!

— А зачем это надо? — неодобрительно поинтересовался переводчик.

— Мне интересно.

Переводчик перевел, покраснев: ему было за меня стыдно.

Гид пожал плечами — видимо, на его памяти я был первым посетителем, у которого столь ничтожная деталь вызвала столь настырный интерес. Но вежливо посоветовал прийти завтра с утра — будут научные сотрудники, возможно, кто-то из них окажется в курсе.

Ну что ж, завтра так завтра. Я сказал, что приду. Переводчик помрачнел и надулся — видимо, в ярких красках представил себе завтрашний симпозиум об изъяне в стекле. Раза два глянул на меня подозрительно: может, валяю дурака?

Но я не валял дурака, меня действительно притянуло стеклышко с трещиной: ведь это была трещина в лаке.

Я подумал: ну, выскочил камешек из-под колеса обгонявшей кареты, вполне могло случиться. Гете был уже стар, вряд ли ездил быстро, наверняка молодые щеголи его обгоняли. Тут все ясно. Но почему трещина осталась? Почему сразу не сменили стекло? Или тогдашний каретный сервис был не лучше нынешнего автомобильного? И достать запасное стекло было проблемой даже для тайного советника? А может, Олимпиец, понимавший все живое и неживое, такие частности бытия просто не замечал? Или замечал, но демонстративно не придавал им значения? Как говорится, мог себе позволить? И люди умилялись этой трещинке в стекле, как позже мужицкой рубахе нашего Толстого?

Я еще не знал ответа на свои вопросы, но нечто существенное со мной уже произошло: поэт перестал быть основным экспонатом прославленного музея, перед глазами возник очень занятый, очень знаменитый и очень пожилой человек.

На следующий день в доме на Фрауэнплане был выходной. Тем не менее доктор Йоханн Клаус, заместитель директора национального музея Гете, любезно принял меня в своем рабочем кабинете, и я получил исчерпывающий ответ на волновавшую меня проблему. Доктор Клаус звонил по телефону, доставал и развязывал специальные папки, и в результате этой деятельности неопровержимо выяснилось, что в трещину я уткнулся зря. За полтора века простоя карета классика катастрофически обветшала, не так давно ее подвергали реставрации, и в новом варианте исторического экипажа стеклышки были одно к одному. Что, кстати, подтверждалось сделанной тогда же и предъявленной мне фотографией. Таким образом, к заинтересовавшей меня трещине приложили руку не отдаленные предки, а наши славные современники.

После столь явного афронта мне бы уняться. Но что делать — меня терзал еще один вопрос: какова площадь садика при доме?

Вновь недоуменно шевелились плечи и краснел переводчик. Доктор Клаус улыбнулся и сказал, что, кажется, триста квадратных метров. Я, видевший садик лишь мельком из окна, тем не менее возразил, что этого быть не может, садик больше, примерно полторы тысячи метров. Доктор Клаус, молодой, доброжелательный, подтянутый, вновь взялся за телефон. Неведомый эксперт на том конце провода выдал уточненную цифру — четыреста. Но и четыре сотки меня не устроили, я каменно стоял на своих пятнадцати.

— Они же здесь работают, им лучше знать,— шепотом урезонивал переводчик.

Тем не менее мы решили вопрос по-научному: спустились в сад и перемерили его шагами. Получилось при допустимых малых погрешностях как раз пятнадцать соток, к большому удивлению моих оппонентов.

Должен признаться, что, вступая в геодезический спор, я рисковал не многим: для приблизительной оценки зеленого пространства при доме беглого взгляда в окно было вполне достаточно. Ибо для меня единицей площади служили не квадратные метры и даже не сотки: спорный кусок земли на глазок включал в себя либо два с половиной наших отечественных садовых участка, либо две трети приусадебного. Если честно, меня как раз и интересовало, какого размера приусадебные участки нарезали министрам в Германии в конце восемнадцатого века. Строго говоря, пятнадцать соток — размер оптимальный: для двух-трех аллеек, газона и цветника в самый раз. Для продолжительных прогулок вполне подходил размещавшийся неподалеку просторный холмистый парк. А использовать землю при доме под огород великому поэту не приходилось даже в военные годы: тогдашние войны не перемалывали в крошку быт целых народов.

С доктором Клаусом мы говорили довольно долго. Я не спрашивал, как отразилась жизнь Веймара на творчестве гения, меня интересовало иное: как отразилось творчество гения на жизни Веймара. Домовладение (то есть владение домом) Гете оказало, на мой взгляд, уникальное влияние на судьбу города. Двухэтажное представительное здание на Фрауэнплане лишний раз напоминает, как огромна роль личности в истории.

Талант Гете непомерно велик, но на книжной полке поэт не одинок. Гомер, Данте, Сервантес, Шекспир, Бальзак, Пушкин, Толстой — в этом ряду великанов немецкий классик равный среди равных. Но вот жизненный путь Гете сопоставить не с чем — в истории литературы не было столь всесторонне благополучной судьбы.

Непомерный, как уже сказано, талант. Крепкое здоровье. Долголетие. Прекрасное образование. Прижизненная слава, пожалуй, не уступавшая посмертной. Любовь женщин. Признание коллег. Надежный достаток, которому ничто не угрожало. Прекрасные отношения с власть имущими: правитель страны был не просто его другом, но — младшим другом. Кому еще выпадало такое?

Даже в смерти, согласно стойкой веймарской легенде, Гете редкостно повезло. В 1831 году он закончил «Фауста». Дело жизни было завершено, творческая вершина взята, дальше можно было только с горы. Но мучений, связанных с потерей высоты, поэт не испытал — через год он умер. И как! Простуженный, сидел в кресле, попросил воды с вином и закрыл глаза. Утверждают, что последние его слова были — «Больше света!». И это желание осуществилось — шторы раздвинули. Никаких следов борьбы со смертью: Гете ушел из жизни естественно и спокойно, словно вышел в соседнюю комнату. Правда, биографы утверждают, что короткая болезнь была тяжелой, однако легенда держится за свое...

Творческие люди не часто бывают удачливыми — возможно, потому, что сами напрашиваются на беду. Вот великие имена, первыми приходящие на ум. Гомер был слеп, Овидий умер в ссылке, Сервантес хорошо знал вкус тюремной похлебки, Шекспир писал пьесы, когда писание пьес считалось занятием достаточно низменным, Байрон умер от лихорадки молодым, Шелли утонул молодым, Пушкина убили, Лермонтова убили, Лорку убили, Бальзак не вылезал из долгов, Достоевский не вылезал из долгов, Мопассана терзало безумие, Герцен умер в эмиграции, Чехова сожгла чахотка, Горького сожгла чахотка, Маяковский, Есенин, Цветаева покончили с собой.. Толстой? Да, у него было многое — и непомерный талант, и здоровье, и долголетие, и достаток, и громадная прижизненная слава. Но вот с власть имущими не ладил никогда. И смерть зимой в Астапове не была ни легкой, ни быстрой.

Похоже, что всю удачу, недоданную пишущим людям всех времен и народов, фортуна щедро выписала одному Гете, как бухгалтерия, торопящаяся к концу года израсходовать командировочный фонд...

Поэту повезло и с домом.

В 1774 году Гете, уже опубликовавший «Вертера», познакомился с веймарским герцогом Карлом-Августом. Литератору было двадцать пять лет, венценосцу восемнадцать. Карл-Август находился в том романтическом возрасте, когда даже неограниченные монархи хотят родине добра. Он пригласил уже вошедшего в славу поэта разделить с ним заботу о маленьком симпатичном государстве.

Гете переехал в Веймар.

Поэт не был беден, но не был и богат. Жить на гонорары, особенно молодому литератору, в те годы было так же трудно, как и сейчас. Приходилось подрабатывать. Впрочем, Гете хорошо трудоустроили — Карл-Август назначил гостя первым министром. Однако эта должность не была синекурой: поэт всамделишно отвечал сразу за несколько отраслей. А конкретно — за финансы, за горные работы, за благоустройство улиц, за всю культуру, включая театр, а время от времени и за внутренние дела. Любопытно, что крупнейший лирик Германии работал не только старательно, но и достаточно успешно. Мне сказали, что именно с Гете началась в мире разрядка: пользуясь финансовым рычагом, он добился сокращения вооруженных сил герцогства вдвое, с шестисот до трехсот человек.

Важному государственному лицу приходилось и представительствовать. Собственно, ради этой потребы Гете и пришлось в 1782 году снять квартиру в центре города, как раз в том доме, где теперь целый штат историков и литературоведов изучает его творчество и жизнь. Это была именно квартира — не дом, а полдома. В принципе первый министр мог бы обосноваться и пороскошней, но все свои деньги, и малые, и большие,

Гете зарабатывал честно, и тратиться на показуху было не в его обычае.

Тем не менее десять лет спустя поэт, уже работавший над «Фаустом», получил дом в полное свое распоряжение: герцогское казначейство откупило его у владельца и предоставило Гете в качестве служебной квартиры. А еще через два года сам Карл-Август преподнес красивый и престижный дом на Фрауэнплане в подарок советнику и другу.

Видимо, столь дорогой презент вызвал среди веймарской общественности разнообразные нежелательные толки, и семь лет спустя по настоянию классика Карл-Август вынужден был написать объяснительную записку для современников и потомков. Документ этот назывался указом и был призван «раз и навсегда разъяснить обстоятельства дела». Во имя истины и просто для удовольствия привожу из него обширную цитату:

«Вышеупомянутому тайному советнику фон Гете в свое время была предоставлена мною свободная квартира в егерском доме, в коей квартире у советника была большая нужда, поскольку я сам нередко его навещаю. Когда же я со временем решил сдать эту квартиру семейству Горэ, тайный советник фон Гете охотно пошел мне в этом навстречу, отчего я, со своей стороны, чувствовал себя обязанным подыскать ему другую приличествующую квартиру... Когда было объявлено о продаже дома Хельмерсхаузена, того, что у внутренних ворот на Фрауэнплане, я — за отсутствием других возможностей — дал казначейству распоряжение сей дом купить и предоставил его тайному советнику фон Гете на свободное проживание. Позже названный советник по моему желанию и из одной только истинной личной ко мне привязанности согласился сопровождать меня в военном походе во Францию, где переносил тяготы и лишения кампании с риском для жизни и ущербом для здоровья, что не входит в его служебные обязанности, доказав тем самым большое ко мне расположение. Испытывая за это особую признательность к советнику, а также принимая во внимание его прочие многолетние передо мной заслуги, я решил отблагодарить его за старания и по собственному свободному побуждению пожаловал ему упомянутый хельмерсхаузенский дом в вечную собственность, о чем 17 июня 1794 года была составлена дарственная грамота и вручена господину советнику. Поскольку же дом нуждался в перестройке и иных хозяйственных усовершенствованиях, я назначил на них сумму в 1500 рейхсталеров, выплату которых с соответствии с процентным обложением я гарантировал и взял на себя из расчета в четыре процента».

Этот документ необычайно нравится мне своей ясностью и прямотой. Распорядитель благ точно указывает основное и решающее достоинство награждаемого писателя: большое расположение к распорядителю благ. К прочим заслугам относилась, видимо, государственная деятельность, а также, возможно, лирика, проза и драматургия.

Было бы несправедливо осуждать веймарского правителя за столь рискованные формулировки: герцог говорил языком, понятным его кругу и его эпохе. Бог с ним, с обоснованием поступка, важен сам поступок: Карл-Август подарил поэту красивый, добротный и даже для герцога не дешевый дом...

Теперь, когда основная из бытовых проблем, жилищная, была прочно, на всю жизнь решена, стоило подумать, на что расходовать уже немалые, возрастающие вместе со славой доходы. Гете, и до того увлекавшийся коллекционированием, сделал из дома — еще при жизни — что-то вроде музея. Но тогда музей имел совершенно иной профиль.

Гете собирал камни и растения, книги и рукописи, монеты и медали, картины и скульптуры, керамику и фарфор. Сегодня все эти редкие и не слишком редкие вещи вызывают у людей огромный интерес, как коллекция гения. При жизни Гете они вызывали огромный интерес просто как коллекция. Ведь это был не музей, а своеобразный университет наук и искусств. Мне лично в этом богатейшем собрании больше всего согрели душу не драгоценные подлинники, а копии. Да, копии, гипсовые слепки со знаменитых скульптур. Есть вещи, в своем роде просто ошеломляющие,— скажем, гипсовый слепок с римской копии греческой скульптуры. Седьмая вода на киселе! Зачем она понадобилась господину тайному советнику?

А вот понадобилась. И как же прекрасно, что понадобилась! Рыночной ценности эта копия в третьем поколении практически не имела. Зато художественную имела почти такую же, как и подлинник. Еще выше ее ценность для понимания великого поэта.

Правители, как и поэты, тщеславны — им хочется остаться в веках. Ну что ж, извинительная слабость людей, чья жизнь всегда на публике. Так вот Карл-Август, третьестепенный германский герцог, воздвиг себе пирамиду выше Хеопсовой и, что собственно ценно, выстроил ее не на костях. Обогнав эпоху, он первым понял, что самое обещающее — вкладывать деньги не в торговые ряды и не в кожевенные фабрики, а в Гете. И как же блестяще оправдался его расчет!

Думается, подобный принцип не устарел и ныне. Правда, есть техническая сложность: каким конкретно способом из толпы честолюбивых и одаренных молодых людей выделить того, который через пятнадцать лет приступит к «Фаусту»...

Веймар — город Гете. Здесь не только все напоминает о нем — здесь все живет им. И мне даже неловко перед доктором Клаусом за последний обращенный к нему вопрос, автоматически вырвавшийся, стереотипный и как бы заранее рассчитанный на столь же стереотипный ответ:

— Кто ваш любимый немецкий поэт?

Заместитель директора национального музея Гете думает секунд пять, после чего произносит:

— Клейст.

Это уже интересно. По инерции спрашиваю:

— А еще кто?

Опять короткое размышление:

— Гельдерлин.

Тут уж приходится впрямую:

— А Гете?

Доктор Клаус упрямо мотает головой:

— Нет. Поэт не должен идти на компромисс. Он должен жить, как Клейст, как Гельдерлин, как Шиллер...

А ведь в чем-то очень существенном он прав. Прав он! Из тысяч и тысяч пишущих судьба Гете выпадает одному. Да что там — пожалуй, за всю историю одному и выпала. Так что парню, молодыми зубами покусывающему авторучку, про веймарского старца лучше забыть. Лучше держать в голове иное: безвестность вначале, голод, тупые насмешки, оскорбительную жалость, малые гонорары, большие долги, безвестность в конце и кладбище для бедных в финале...

Прощаемся. С удовольствием пожимаю крепкую руку доктора Клауса. Громадному и сложному наследию гения нужны честные, свободно мыслящие исследователи, а не ученые-рабы.

Не так ли?

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

НА ПРЕДЕЛЕ УСИЛИЙ

Одной из примечательных особенностей нынешнего единоборства «двух великих К» стала заранее обусловленная испанскими организаторами ежевечерняя телевизионная отчетность соперников перед любителями шахмат. Их интервью (обычно Г. Каспаров — сразу по окончании партии, а А. Карпов — на следующий день) определяют ту живую атмосферу «гласности», которая позволяет проникнуть в мир напряженного, не утихающего с годами и на редкость интригующего соперничества, приобщиться к тайной сфере творчества, психологии ярких и столь непримиримо самобытных личностей. Их записанные на пленку высказывания, в меру откровенные, в меру сдержанные, зачастую полемичные, но всегда точные в оценках шахматных проблем, стали своеобразным и увлекательным «севильским дневником», где прихотливо переплетается объективное с субъективным.

Ретроспективно можно порой удивляться прозорливости суждений соперников. Даже по ходу нынешнего, ни в чем не похожего по сюжетности на предыдущие единоборства они поразительно предугадывали события.

Вспомним, как после роковой 11-й партии А. Карпов говорил: «Выйти на одно очко вперед еще не так много и не гарантирует сопернику спокойной жизни». А Г. Каспаров откровенно признавал: «Карпова нельзя уложить одним ударом и просто выиграть матч».

Ждать подтверждений их правоты пришлось недолго. Уже шестнадцатый поединок определил новый поворот событий, и значение этой встречи как в спортивном аспекте, так и в психологическом было особым. Известно, что именно 16-е партии во всех трех предыдущих матчах удавались Каспарову на славу. Он играл их с необыкновенным подъемом, творческой фантазией, высочайшим мастерством, словно одаренный в те дни Каиссой особым благоволением. И нет сомнения в том, что и на этот раз, как впечатлительный художник, чемпион мира уповал на счастливое предзнаменование. К тому же он играл белыми, и выпадал удобный шанс решить все проблемы разом. В такие моменты забываются и собственные сомнения, и предостерегающие советы коллег. И Каспарову, конечно же, было не до слов гроссмейстера Л. Любоевича, предупреждавшего накануне в своем интервью: «Шанс А. Карпова в том, что Г. Каспаров уже считает, что все кончено, а нужно бороться с определенным напряжением и неусыпной бдительностью до конца».

Югославский гроссмейстер как в воду глядел. Каспаров не совладал в тот день с эмоциями, он играл словно с подсознательной убежденностью в том, что в «его» 16-й партии все должно непременно получиться лучшим образом. И это лишило чемпиона мира и объективности, и необходимого в острой борьбе чувства опасности. Возмездие было неотвратимым и суровым. Карпов без особого труда, но с особой точностью опроверг азартную тактику соперника и добился важной и такой долгожданной победы. Счет лишь сравнялся, но чаша по-аптекарски чутких весов психологического состояния партнеров стала клониться на сторону экс-чемпиона...

Г. Каспаров занервничал. В его выступлениях открыто зазвучали нотки беспокойства. «Мне страшно было подумать, что мы чего-то недосмотрели»,— признавался он перед доигрыванием 17-й партии. «Я опять понервничал»,— скажет он после 19-го поединка. Но неожиданный казус (и вновь психологического свойства!) помог в этот момент чемпиону мира вернуть твердость духа. Это произошло даже не в ходе шахматного сражения, а... после него.

Когда была отложена семнадцатая партия, никто не сомневался в том, что доигрывать вообще не имеет смысла. Ресурсы, казалось, были исчерпаны до конца. Да и по возобновлении игры партнеры сделали всего по четыре ничем не примечательных хода. Ничья. Но тут-то и начались неожиданности. Выполнив формальности, партнеры не разошлись, как обычно, сразу же по своим гостиницам, а (впервые за три года!) у доски с фигурами стали быстро их передвигать, оживленно обмениваясь репликами. И в процессе этого блиц-анализа видно было, как настроение Каспарова все улучшалось, а Карпов с каждой минутой мрачнел... Что же произошло? Слово чемпиону мира:

«Когда партия откладывалась, я удивлялся, почему Карпов не предлагает ничью сразу. Эта оценка не изменилась и после. И вдруг перед отъездом на доигрывание в 3 часа 15 минут (точно засек время!) обнаружился маневр, который может применить соперник и очень опасный для меня. Искали выход в дикой спешке и нашли этюдное спасение, но полной убежденности все же не было... Скольких это стоило переживаний!» Но, как выяснилось, А. Карпов вообще прошел мимо этой возможности (секунданты, а где вы?), и потому доигрывание было кратким. Естественно, что импульсивный чемпион мира не мог совладать с чувствами. «Я не удержался и спросил соперника, почему он не играл вот так... Думаю, моя реакция вполне объяснима. Эмоции я в этот момент не контролировал...»

Но Карпову пришлось испытать и разочарование, и досаду...

Не потому ли на следующий день он взял тайм-аут? В борьбе равных, где исход зависит прежде всего от внутреннего состояния, такая передышка могла быть просто необходима.

И вновь наступило временное затишье — три ничьи подряд, причем все три в русле спокойной маневренной игры. Что теперь?

А. Карпов: «Хотя Каспаров и сохраняет равенство в счете, конечный ничейный итог вряд ли может его устроить. Не подходит этот «вариант» и для меня. Вполне вероятно, что судьба матча, его победитель определятся в последней партии».

Г. Каспаров: «Нынешний наш график наконец сравнялся с матчем-реваншем. И стало спокойнее оттого, что пришел к финишу с приличным багажом. А ведь по такой моей игре, как в этом матче, могло быть и хуже...»

И как резюме: думаю, что теперь напряженными будут все партии. Что ж, последняя партия, так последняя...

Севилья — Москва.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

КЛЮЧИ

В тот вечер, когда Александр Кузьмичев, второй муж Татьяны Никитиной, уехал в Харьков, в их квартире был убит ее бывший муж Никитин. Подозрение падает на Кузьмичева, но, оказывается, на него тоже было совершено нападение в поезде. Юнцы блокировали двери в тамбур, а «Тренер» ударил Александра финкой. Двое спрыгнули с поезда, а третьего задержал Кузьмичев. Когда раненого Александра увезли в Туле на «Скорой помощи», проводница не выбросила билет. По нему и узнали, что носильщик купил в кассе сразу четыре билета, и все — для «Тренера», которого он опознал по фотографии. Расследование не сдвинулось с места и после поездки следователя Степанова в Таллин. Валютчик, продававший Никитину золотые монеты, не сказал ничего нового. И тогда решают заняться поддельными пакетами с надписью «Мальборо». Их принес Татьяне ее бывший муж. В Баку, куда часто ездил покойный, отправляется следователь Барышев.

Разница во времени между Баку и Москвой час, в Баку солнце встает раньше, однако Барышев прилетел задолго до начала рабочего дня. Найдя в зале розетку, он побрился электрической бритвой и на автобусе приехал в город.

Он ходил по улицам, и ему было очень интересно, потому что он никогда раньше в Баку не бывал.

Неожиданно набрел на рынок и обрадовался: работа, ради которой он сюда прилетел, в числе прочего включала осмотр рынков.

Погода стояла ненамного теплее московской, но солнце жгло непривычно для него.

Народу на рынке было полно, и продавцов не меньше, чем покупателей. Торговали всяческой зеленью, орехами грецкими и фундуком, кореньями и сушеньями и неведомыми Барышеву пряностями. Он прошелся по фруктовому ряду, прицелился к грушам и отошел, ошеломленный, сопровождаемый насмешливым взглядом черноусого продавца, у которого на голове громоздилась папаха из рыжего каракуля.

Всем чем угодно торговали на рынке, только не тем, что искал Барышев. Пакетов «Мальборо» не было видно.

Выйдя с рынка, он повстречал милиционера и спросил, как добраться до городской прокуратуры.

Заместитель прокурора, к которому нужно было Барышеву попасть и которому, он знал, вчера звонили из Москвы, принял его немедля.

Барышев нашел полное понимание и готовность к сотрудничеству; по телефону был легко улажен квартирный вопрос, и он, вдохновленный хорошим началом, отправился в гостиницу «Азербайджан».

Ему предложили такой номер, что подотчетных квартирных хватило бы от силы дней на пять, а у него командировка на две недели. Барышев, к удивлению администратора, робко попросил что-нибудь подешевле и получил номер, показавшийся ему прекрасным. Барышев впервые был в такой дальней командировке и впервые поселялся в гостинице, поэтому даже процедура оформления, не говоря уж об осмотре номера, сделалась для него целым событием.

Однако, пробуя, исправно ли действуют краны в ванной, он представил себе, с какой бы изощренностью поиздевались старые волки с Петровки и Новокузнецкой над его безумными восторгами, если бы наблюдали за ним, и устыдился. У него же есть занятие посерьезнее — необходимо решить проблему галстука.

Барышев помнил только, да и то смутно, как повязывается лишь один галстук — пионерский. Никаких иных он по сию пору не носил. Минут сорок, а может, и весь час терзал он перед зеркалом себя и галстук, три пота сошло, но каждый раз получалось как пионерский — концы в разные стороны. Чувствуя, что вот-вот озвереет или сделает петлю из этого проклятого галстука и повесится, Барышев бросил полосатого змея в корзину для бумаг, стоявшую у стола, разделся до пояса, помылся и надел свежую рубаху. Потом посидел в мягком кресле, отдохнул, потому что испытывал усталость хуже, чем после самолета.

Плохо, конечно, Степанов бы, наверное, сделал ему замечание, но, во-первых, он уже представлялся без галстука заместителю прокурора, и ничего, землетрясения не произошло, а уж с ребятами из милиции чем проще, тем лучше. Ему не посетителей принимать, а исполнять черную работу сыщика...

Рассудив так и успокоившись, Барышев взял из чемодана пакет «Мальборо», положил во внутренний карман пиджака и отправился в городское управление внутренних дел.

Начальник УБХСС, выслушав его, поговорил с кем-то по телефону. Явился молодой парень, на вид лет двадцати (после выяснилось, они с Барышевым ровесники). Познакомились. Инспектор пригласил к себе и по дороге попросил называть его просто по имени — Балабек.

В кабинете Барышев расстелил на столе пакет и изложил задачу, не вдаваясь в детали дела, которых он и сам не знал, и спросил, не приходилось ли Балабеку видеть в городе такие мешочки.

— Я не курю, дорогой, но такие красивые сигареты видел. А мешки не видел.— Балабек говорил с легким акцентом, и это выходило симпатично.

Барышев сначала подумал, что вряд ли местом производства пакетов может быть Баку, коли в городе трудно их встретить. Но потом ему пришла мысль, что, может быть, как раз и наоборот: сбывать подпольно произведенную продукцию безопаснее где-нибудь в другом месте, по принципу «где живешь — не воруй». К тому же у Балабека не только и забот, чтоб глядеть на пакеты.

Договорились так: будут ходить по городу, предпочтительно по самым людным улицам, обойдут рынки, универмаги, вокзалы. Если посчастливится встретить продавца пакетов, Барышев сделает покупку, а Балабек постарается после определить, где продавец живет. Если же им попадется обыкновенный прохожий с пакетом, Барышев поинтересуется, где можно обзавестись таким великолепным сувениром. Решили начать тут же.

Вышли на улицу.

Балабек спросил:

— Ты завтракал?

— Нет.

— Идем, дорогой, я тоже кушать захотел.

Балабек привел его в крошечный ресторанчик, расположенный на первом этаже старого дома, и Барышев поел очень вкусно — мясо под соусом, и много зелени, и горячий лаваш с хрустящей корочкой, а на запивку душистый чай, который наливали в маленькие стаканчики с тонко перехваченной талией.

...Три дня путешествовали они по городу и не увидели ни одного пакета. Для Барышева это было небесполезно и, более того, увлекательно и познавательно — он изучил Баку гораздо лучше, чем сумел бы это сделать, путешествуя в группе организованных туристов в сопровождении экскурсовода. У него экскурсовод был персональный. А Балабек заскучал.

И вот на четвертый день утром, проходя по набережной вдоль моря, возле гостиницы «Интурист» они встретили девушку с новеньким пакетом фирмы «Мальборо».

Барышев остановил ее словами:

— Простите, пожалуйста, за дурацкий вопрос. Где вы купили этот мешочек? Меня просили достать...

Девушка повернулась в ту сторону, откуда шла, и сказала:

— А вон там, у киоска, бабушка продает. В серой беретке.

— Спасибо.

Бабушка в серой беретке и длинном темно-синем платье с длинными рукавами, с большой черной хозяйственной сумкой в одной руке и с дымящейся папиросой в другой скромно стояла в тени большого, неизвестного Барышеву по названию цветущего куста на краю приморского бульвара.

Они издали стали наблюдать за нею.

Бабушка действовала с разбором. Ее система была основана на элементарном знании психологии, необходимом каждому торговцу, особенно торгующему незаконно. Мужчинам она свой товар не предлагала, солидным женщинам — не всем, и девушкам тоже. Она высовывала из черной сумки красный уголок глянцево блестевшего пакета только тогда, когда мимо проходила девушка или женщина с фирменным, но уже поношенным пакетом иностранного происхождения или от «Березки».

Система срабатывала безотказно: все, кому показывался пакет, покупали его.

Барышев подошел к бабушке в тот момент, когда она, бросив окурок, отсчитывала сдачу с десятки высокой девушке в соломенной шляпе, а девушка перекладывала какие-то баночки и коробочки из старого пакета в новый.

Девушка удалилась, а Барышев спросил у бабушки:

— Сколько стоит?

— Три, уважаемый. Импортная вещь.

Барышев посмотрел на нее, как бы раздумывая. Выцветшие голубые глаза глядели на него выжидательно. Лицо у бабушки было русское, но лиц такого цвета ему не приходилось видеть в Москве. Даже глубокие морщины на щеках, у глаз и на лбу были темно-коричневыми до самого дна: наверно, оттого, что по роду занятий бабушка вынуждена проводить под открытым небом намного больше времени, чем другие граждане Баку.

Речь ее отдавала некоей изысканностью, что показалось Барышеву неожиданным у человека, посвятившего себя занятиям такого рода, но он счел это местной экзотикой.

Барышев достал бумажник, вынул трешку. Бабушка вытянула из черной сумки пакет, и он успел заметить, что у нее там еще много, может, штук пятьдесят, аккуратно сложенных вдвое. А может, и меньше — на глаз не определишь.

Барышев ушел, а Балабек остался.

У себя в номере Барышев сравнил привезенный пакет с купленным. Получилось, что называется, один к одному. Зная особенность пакетов, он потер сухим пальцем новоприобретенный — на пальце осталась краска.

Поздно вечером Балабек привез бабушку в милицию и поднялся вместе с нею в свой кабинет, где их ждал Барышев. Темно-коричневое лицо бабушки при электрическом свете казалось черно-серым. Держалась она спокойно.

Сев на стул, попросила разрешения курить. У некурящего Балабека не было пепельницы, он дал ей лист бумаги. Она свернула кулечек.

Барышев, сидевший за столом, спросил у бабушки, как ее зовут.

— Екатерина Петровна, с вашего разрешения,— взглянув на него и явно узнав в нем утреннего покупателя, ответила она.

— Вы занимаетесь незаконным промыслом, уважаемая Екатерина Петровна.

— Позвольте, какой же это промысел? Получаю сто пятьдесят пакетов в месяц, да и то не всегда. Я продаю за три рубля, но два с половиной отдаю. Пенсии мне не положено. Сочтите, сколько получается. И потом, это унижает мое достоинство. Я не торговка.— Она совсем не заботилась о том, что другие могут усмотреть в ее словах вопиющее противоречие.

— Где вы их берете? — усмехнувшись, спросил Барышев.

Екатерина Петровна гордо вскинула голову и сказала с волнением:

— Я не должна этого говорить.

— Будьте справедливы, Екатерина Петровна, мы ведь имели право задержать вас, но не задержали. И сейчас я вас не допрашиваю, а надеюсь на ваше благоразумие и помощь.

— Он ужасный человек. От него можно ждать чего угодно.

— Кто бы он ни был, вам нечего бояться. Он не узнает, что вы были здесь. Если, конечно, вы сами ему не скажете.

— Что вы, господь с вами! — Она взмахнула руками так, что пепел из кулечка обсыпал ей колени.

— Так кто же он?

Продолжение. См. №№ 47—49.

Екатерина Петровна оглянулась на сидевшего у нее за спиной Балабека.

— Ничего, тут все свои люди,— сказал он и улыбнулся.

— Роберт Ситпаев,— сказала она.

— Кто он такой? — спросил Барышев.— Чем занимается?

Екатерина Петровна закашлялась. Бросив докуренную папиросу в кулечек и придавив ее, она неопределенно пошевелила в воздухе пальцами.

— Как-то я случайно видела — он выходил из автомобиля возле министерства. У него свой автомобиль.

— Возле какого министерства?

— Простите, не помню. Помню, что там была красивая черная доска с золотыми буквами, а какое — мне как-то не пришло в голову читать.

— Екатерина Петровна, вы давно живете в Баку? — задал вопрос Балабек.

Она обернулась к нему и воскликнула с пафосом:

— Всю жизнь! — И добавила в пояснение: — Родители переехали сюда из Петрограда в шестнадцатом году, мне было тогда семь.

— Неужели вы так плохо изучили город, что не знаете, где какое министерство? — удивился Балабек.

— Милый мой, я всю жизнь прожила за спиной у мужа и никогда не интересовалась министерствами.

— Сколько лет этому Роберту Ситпаеву? — спросил Барышев.

— Думаю, лет тридцать пять, но он очень толстый.

Барышев достал из кармана блокнот.

— Екатерина Петровна, вы у него дома бывали?

— Только один раз, еще при первом знакомстве. Товар я получаю у него на даче. Роскошная дача!

— Вы одна на него работаете или есть и другие?

— Я знаю еще одного продавца, тоже старушка. Но у нее другая метода. Она не стоит с этими пакетами в определенном месте, она предпочитает ходить по всему городу.

— Где живет Ситпаев?

— Улица Аганий Матула.

— Я знаю эту улицу,—сказал Балабек.

Барышев записал номер дома и квартиры и спросил:

— А отчество?

— Рзаевич.

— Каким образом вы познакомились?

— По чистой случайности. Прошлым летом я сдавала в комиссионном китайскую вазу. Не то чтобы старинная, но чудесная ваза. Было неважно с деньгами. Ну, он подошел и сказал, что готов купить ее прямо без комиссии. Он показался мне вполне приличным человеком и заплатил довольно большую сумму. Он даже довез меня до дома. А потом заехал как-то и предложил помочь, а еще потом привез эти самые пакеты и объяснил, как надо их продавать. Я почему-то согласилась.

— Спасибо, Екатерина Петровна,— вставая, сказал Барышев.— Надеюсь, вы никому о нашем разговоре рассказывать не станете. Особенно Роберту Рзаевичу.

Она опять замахала руками.

— Помилуйте! Я же не враг себе.

— Благодарим вас, всего доброго.

— Так меня не заберут? — В голосе ее слышалось некоторое разочарование.

— Ну зачем же.

Екатерина Петровна тоже встала.

— Конечно, слишком много чести.— Она вздохнула и, секунду подумав, сказала: — Я глупая старуха, но у меня достаточно ума понять... Мой бизнес потерпел крах?

Барышев развел руками.

— Увы, Екатерина Петровна, это, к сожалению, противозаконно.

Она неожиданно рассмеялась, от души, беззвучно, как порою человек, будучи один, смеется сам над собой, припомнив какой-нибудь нелепый свой поступок. Даже слезы на глазах выступили.

Смахнув их выдернутым из узкого рукава кружевным маленьким платочком, она сказала:

— Из меня получился бы недурной американский гангстер или итальянский мафиози, не правда ли?

— Вы, кажется, неплохо подкованы в этой области,— с улыбкой заметил Барышев.

— Я же читаю все газеты. На стендах.

Посмотрев на ее разбитые, давно облупившиеся лаковые туфли, Барышев нечаянно для себя спросил:

— Простите, Екатерина Петровна, а на что же вы живете? Только на эти пакеты?

Она опять вздохнула.

— У меня есть сын и дочь. Ему уже пятьдесят семь, а ей годом меньше. Они в Москве. Присылают кое-что, правда, нерегулярно. Но жить, знаете ли, можно. Я не унываю, жизнь прекрасна. У меня уже и внуки давно взрослые, вот такие, как вы, а может быть, и старше.

Наступило какое-то неловкое молчание, которое прервала Екатерина Петровна.

— Ну, спасибо вам, юноши, я пойду. Боюсь, соседка будет недовольна, она рано ложится, ей на работу к восьми.

— Вас отвезут,— сказал Балабек почти с нежностью.

К двенадцати часам следующего дня о Роберте Рзаевиче Ситпаеве было известно все, что можно почерпнуть из анкеты и собственноручно писанной автобиографии, хранящихся в отделе кадров, а также кое-что о его сегодняшнем положении — то, что можно выяснить деликатным путем, не бросая на человека ни малейшей тени.

Сорок один год. Беспартийный. Образование — незаконченное среднее. За двадцать лет сменил девять мест работы. Сейчас в системе бытового обслуживания.

Женат, имеет двоих детей — сына десяти лет и дочь восьми лет. Жена — домохозяйка.

Судимостей не имел.

Таковы анкетные данные. А вот неанкетные.

В этом году очередной отпуск по графику положен Ситпаеву в сентябре. (Это Барышеву немаловажно знать: вдруг Ситпаев на днях уедет в отпуск.)

В командировки ездить Ситпаеву по роду службы не приходится.

Оклад — сто тридцать рублей.

Круг знакомых невелик (в основном сослуживцы).

Имеет машину — «Волгу» последней модели. Владеет загородным каменным домом (полезная площадь — 120 квадратных метров).

Портрет, конечно, незаконченный, но если прибавить к этому рассказ Екатерины Петровны, общее представление о личности Ситпаева складывалось вполне определенное и не в его пользу.

Барышев сочинил довольно пространную телеграмму, в которой изложил данные о Ситпаеве и его отношении к продаже пакетов. Немного поколебавшись, он все-таки подавил в себе соображения служебной субординации и в

конце телеграммы высказал свое личное мнение: «Считаю правомерным обыск дачи Ситпаева».

Начальник Балабека быстро урегулировал вопрос о передаче телеграммы в Москву, и Балабек отнес ее на телетайп.

11

На вопросы, поставленные Степановым, эксперты ответили:

1) пленка, из которой изготовлены пакеты, и краска отечественного производства (указывались предприятия — производители того и другого);

2) изготовление пакетов кустарным способом невозможно, так как для штамповки и для нанесения рисунка необходимо специальное оборудование, которое для частных лиц не предназначено.

Когда пришла от Барышева телеграмма из Баку, было возбуждено уголовное дело о незаконном производстве и продаже пакетов. Степанов получил санкцию на обыск квартиры и дачи Ситпаева. Еще раз обговорили варианты возможных действий.

Взяв пяток фотокарточек, среди которых были портреты Никитина и «Тренера», Басков 25 апреля вечером поехал в Домодедово.

Барышев и Балабек встретили его в аэропорту и отвезли на машине в гостиницу «Азербайджан», где ему дали номер рядом с Барышевым.

Они тут же провели маленькое совещание. Балабек обрисовал Баскову распорядок дня Ситпаева.

Рано утром Ситпаев привозит свою семью из загородного дома в город — детей в школу, жену на базар (после уроков жена забирает детей и возвращается на такси). С девяти утра Роберт Рзаевич на работе. Так как семья его на даче, обедает он в ресторане гостиницы «Интурист», что на набережной. Это происходит от часу до двух. У Ситпаева в ресторане постоянный столик, и он — по крайней мере в последние два дня — бывает там с молодой особой яркой внешности, которую привозит в автомобиле,— вероятно, сослуживица. После обеда Ситпаев отвозит девушку к зданию, где расположена его контора, а сам едет к себе домой, на улицу Аганий Матула. Выходит из дому в пять.

Что может делать человек три часа в пустой квартире после вкусного, плотного обеда? Спит, наверное, и правильно делает, ибо послеобеденный отдых полезен, иначе зачем бы в санаториях и детских садах делать обязательным тихий час...

Отдохнув, Роберт Рзаевич садится в машину и едет к своей конторе, но паркуется не перед центральным входом, а на параллельной улице. Без четверти шесть появляется девушка, и они снова отправляются на набережную, но останавливаются не возле «Интуриста», а возле старого крепкого жилого дома. Войдя в подъезд вместе с девушкой около шести часов вечера, Ситпаев выходит один в семь часов.

С набережной он едет на дачу, куда прибывает через сорок минут, безмерно радуя своим появлением детей и жену.

Можно понять, что Роберт Рзаевич любит порядок и размеренность жизни, и это делает ему честь...

Все выглядело в изложении Балабека столь изящно, что Басков сказал:

— Не хочется мешать человеку. Такую жизнь построил. Так у него шикарно налажено.

Балабек сощурил свои карие глаза.

— Я слышал, Алексей Николаевич, у вас такая поговорка есть... Как это?.. Хватит коту масло кушать.

Басков улыбнулся.

— Правильно, Балабек! Не все коту масленица. Значит, дадим ему часок поспать, а в полчетвертого разбудим. Кстати, у вас во дворах трибуналы заседают?

— Какие трибуналы? — не понял Балабек.

— Ну, старушки на лавочках. В Москве их так называют.

— Не везде, но заседают.

— Я насчет понятых. Но пригласим не с его двора, а по соседству. Так сказать, с нейтральной территории. А с трибуналами, между прочим, феерические случаи бывают. Хотите байку из жизни?

И Басков поведал в качестве примера полезной деятельности «трибуналов» об одной трагикомической истории, происшедшей не так давно в Москве...

Во дворе большого дома сидели на скамейке три бабушки. Внучата копались в песке и качались на качелях, а они мирно разговаривали. День стоял ясный, солнышко грело ласково. И вот видят бабушки: появляются во дворе два патлатых молодых человека, лет по двадцать пять от роду, направляются ко второму подъезду. Что-то в их облике и походке не понравилось бабушкам, и одна из них громко спрашивает: «Вы к кому, касатики? Может, их дома нет». «К Димке,— отвечают.— Димка ждет». И скрылись в подъезде.

Говорят, в тысячеквартирных новых домах соседи о соседях ничего-то не знают. Что до людей работающих, то это, может быть, и верно, но к «трибуналам» это не относится, «трибуналы» знают все.

Бабушки переглянулись многозначительно: никакого Димки во втором подъезде нет. «Кажись, нечисто дело»,— сказала первая бабушка. «У этого, у рыжеватенького-то, рожа-то разбойничья»,— сказала вторая. Третья, вероятно, еще лучше усвоила отеческие наставления их участкового инспектора, который не ленился проводить со своими подопечными гражданами профилактические беседы. Она сказала решительно: «Вот что, бабы. Вы тут присмотрите, а я ноль-два позвоню». И пошла на улицу, где телефоны-автоматы. «Ты, Михайловна, поищи какой-никакой дрючок, а я буду сторожить»,— сказала первая бабушка второй. Она открыла дверь подъезда и стала на пороге, а Михайловна отправилась в обход по двору в поисках палки, жердины или иного прочего дрючка — мысль подруги была ей понятна. В дальнем углу, под кустом, она нашла то, что нужно, даже лучше: это был железный прут толщиной в палец, согнутый в виде шпильки для волос. Михайловна поспешила к подъезду, и как раз вовремя: подруга, торопя ее, крутила в воздухе ладошкой.

Спустился лифт, из него вышли касатики — у каждого по два чемодана. Бабушки действовали проворно. Захлопнув дверь подъезда, они просунули тяжелую железную шпильку в ручку одним концом, а другой — чтобы не выскочила, когда начнут трясти дверь — взяли в руки. Тут и третья бабушка подоспела, объявив: «Мигом будут».

Дверь задергалась. «Что такое?» — услышали бабушки ошалелый голос одного касатика. «Чего чикаешься? Пошли!» — занервничал другой. «Не открывается!» Бабушки, довольные, хитро перемигнулись. «Не спешите, родимые,— сладко проворковала Михайловна.— На машине отвезут, уже едут, потерпите малость».

Что тут началось! Касатики дергали дверь, пока ручка с их стороны не оторвалась. Тогда они стали пинать дверь и кидаться на нее с разбегу всем телом. Но она держалась прочно.

Они матерились и грозились, они обещали нащепать из бабушек лучины. Слушая их звериное рычание и крики, бабушки улыбались блаженно, как будто это была райская музыка. Потом за дверью наступила тишина, потом в тишине послышался скрип зубов, и кто-то из касатиков проговорил утробным голосом: «Откройте, мамаши, сто рублей дадим». «Ишь, сердешный, помягчал»,— с сочувствием сказала Михайловна.

Касатики с озверелыми воплями снова кинулись на приступ двери, но тут приехала милиция на двух автомобилях. Воры вышли из подъезда красные, потные, патлы дыбом. Вид у них был, как у оплеванных. Они глядели стыдливо в землю, поэтому не видели, какими приветливыми улыбками встречали их милиционеры и бабушки.

Касатиков вместе с чемоданами погрузили в «козлик», а бабушек пригласили в легковушку, но они с великим сожалением вынуждены были отказаться: нельзя бросить внучат во дворе одних. Так что после пришлось следователю допрашивать их на дому. А в день суда, чтобы освободить бабушек ради общего дела, одна из мамаш взяла на работе отпуск без сохранения содержания и побыла с детишками.

Оказалось, бабушки изловили опасных преступников, оба уже отбывали наказание, их разыскивала милиция, на их счету было несколько квартирных краж.

...Понятых — двух старушек — они взяли, как и намечал Басков, во дворе по соседству с домом, где жил Ситпаев. В половине четвертого на лестничной площадке перед его квартирой стояло шесть человек. Балабек нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывалась. Потом послышались щелканья и скрипы запоров на двух дверях — внутренней и внешней,— и перед ними предстал хозяин, кругленький человек в шелковом адидасовском спортивном костюме и в шлепанцах на босу ногу. Вид у него был заспанный.

Басков представился, предъявил документы и объяснил цель визита.

Ситпаев пригласил войти и попросил разрешения умыться. С минуту, пока он умывался, все молча стояли в обширной гостиной, увешанной коврами по трем стенам.

Когда Ситпаев явился перед ними, Басков посмотрел ему в лицо и испытал какое-то непонятное чувство. Странное это было лицо. Сдобное, румянец во всю щеку — из-за этого Роберт Рзаевич походил на раскормленного отрока, тем более что роста он был маленького. Но едва Басков взглянул в матово-черные, как вороненая сталь, глаза, смотревшие на него в упор, он мгновенно забыл и про румянец, и про малый рост. Такие глаза должны бы принадлежать совсем другому лицу — лицу человека, обладающего звериным чутьем и силой, прошедшего огонь и воду, видящего других людей насквозь.

Но это длилось всего мгновение, Ситпаев словно погасил огни в своих глазах и спросил неожиданно низким голосом, никак не подходившим его комплекции:

— Что будем делать?

— Мы с вами присядем пока, а молодые люди немного оглядятся,— сказал Басков.— Не беспокойтесь, мы без вас ничего не тронем.

Они сели к журнальному столику в углу, а Барышев и Балабек, пригласив с собой понятых, начали осматривать квартиру — это был беглый, предварительный осмотр.

— Что вы у меня ищете? — спросил Ситпаев.

Басков, решив начать обыск с квартиры, не рассчитывал обнаружить пакеты: судя по показаниям розничного торговца Екатерины Петровны, Роберт Рзаевич держал свою оптовую базу на даче. Тут витал некий психологический мотив, и его не грех было употребить на пользу делу — хотя бы для облегчения работы.

— Надеюсь, Роберт Рзаевич, вы оцените мою откровенность. Мы ищем пакеты «Мальборо».

Ситпаев не шелохнулся, но Басков уловил скрытое движение в его черных глазах — как прилив и отлив.

— Тогда не здесь надо искать,— сказал Роберт Рзаевич.

— А где?

— Едем на дачу. Я быстро оденусь.— Он решительно встал, и Басков понял, что никаких пакетов Ситпаев не боится, а значит, искать следует что-то другое.

— Подождите, Роберт Рзаевич, нам надо еще один вопрос выяснить.

Ситпаев неохотно сел.

Басков положил на колени свой чемоданчик, открыл его и достал пачку пронумерованных фотографий, привезенных из Москвы.

Ситпаев настороженно следил за этими манипуляциями, и его лицо постепенно принимало недовольное выражение. А может быть, его раздражало то, что приходилось прислушиваться к шорохам и тихим звукам шагов, доносившихся из глубины квартиры, где Барышев и Балабек вели предварительный осмотр.

Басков разложил карточки на столике перед Ситпаевым в ряд по порядку номеров: Никитин значился под номером вторым, «Тренер» — под четвертым.

— Роберт Рзаевич, вот тут пять портретов пяти разных мужчин. Не знаком ли вам кто-нибудь из них?

Ситпаев, нахмуря брови, посмотрел и выдвинул пальцем из ряда портрет Никитина.

— Этого знаю.

— Вы не ошибаетесь?

— Знаю. Виктор зовут.

Басков крикнул:

— Барышев, Балабек! Идите сюда с понятыми.

Все четверо вернулись в гостиную.

Басков повторил с Ситпаевым всю процедуру, перевернул карточку Никитина и обратился к понятым:

— Прошу засвидетельствовать. Номер два.

Составить протокол опознания было делом нескольких минут. Басков убрал карточки в чемоданчик.

Барышев, Балабек и понятые ушли, чтобы продолжить осмотр, а Басков перечитывал протокол.

Скоро в гостиную заглянул Барышев.

— Алексей Николаевич, можно вас на минутку?

Басков пригласил с собою и хозяина квартиры. Из гостиной Барышев повел их в спальню, где господствовали две широченные кровати, сдвинутые вместе. Во всю противоположную стену тянулись платяные шкафы красного дерева с позолоченной инкрустацией.

— Интересная вещь, Алексей Николаевич,— сказал встретивший их Балабек и подошел к прикроватной тумбочке справа от сдвоенного необъ-

ятного супружеского ложа, на котором можно было бы играть в бадминтон.— Замечаете?

Тумбочка действительно была интересная. Во-первых, поражали размеры: шириной и длиной со стандартный канцелярский стол, только без ножек. Во-вторых, бросалось в глаза несоответствие: другая тумбочка, слева, была нормальной величины. В квартире, дышащей симметрией и строго выверенным местоположением каждого предмета, это выглядело нелепо.

Балабек, держа руку на полированной поверхности оригинальной тумбочки, пояснил:

— Это не от гарнитура. По заказу делали. Вот попробуйте подвиньте.

Басков попробовал, но подвинуть тумбочку удалось лишь со второй попытки, и у него осталось ощущение, что двигал он груженый самосвал.

— Прошу вас, нам надо посмотреть устройство этого шкафчика,— сказал Басков хозяину.

— Сейчас.

Роберт Рзаевич, увидев, что его нежданные гости интересуются тумбочкой, не потерял, как можно было ожидать, румянца. Он только стал прятать глаза.

В сопровождении Балабека он пошел в кабинет и быстро вернулся. В руке у него была связка ключей. Позвенев ими, он открыл инкрустированные дверцы тумбочки. В левой половине на полках стояли нераспечатанные флаконы духов и одеколона. Правая половина была заперта дверцей из полированного дерева.

— Откройте, пожалуйста,— попросил Басков.

Ключом, похожим на ключ от сейфа, Ситпаев отпер дверцу. Это и был сейф.

Басков выложил из него на тумбочку несколько разноцветных коробочек, пачку облигаций трехпроцентного займа и банку из-под растворимого кофе, очень тяжелую.

Барышев попросил понятых подойти поближе, достал из чемоданчика бланки и сел на стул к подоконнику. Басков перебирал и пересчитывал содержимое сейфа, а Барышев записывал.

В коробочках лежали серьги, перстни, браслеты, кулоны — все с бриллиантами разных размеров.

В кофейной банке — золотые монеты различных стран и всевозможного достоинства. Их оказалось 29 штук.

Облигаций в пачке было на три тысячи рублей.

Сказать по правде, Басков удивился беспечности владельца столь больших богатств, который держал их почти на виду. Это можно было объяснить или чрезмерной самоуверенностью, или полным отсутствием чувства опасности.

Легкомыслие Басков решительно исключал, ибо Ситпаев производил впечатление какого угодно человека, но только не легкомысленного.

Когда было покончено с формальностями, Басков сказал:

— Придется, Роберт Рзаевич, все эти ценности перевезти в другое место. Заедем в милицию, а потом отправимся к вам на дачу.

— Я сюда уже не вернусь? — тихо спросил Ситпаев.

— Посмотрим, как пойдут дела.

Балабек вызвал «рафик», и они поехали в городское управление внутренних дел. Ценности — все, что было обнаружено в прикроватной тумбочке,— Басков оставил под расписку. И сказал Ситпаеву:

— Теперь, Роберт Рзаевич, везите нас на дачу.

...Жену Роберта Рзаевича Басков почему-то представлял себе женщиной под стать мужу — дородной, холеной, с ямочками на румяных щеках, в атласном халате до пят, и обязательно жующей какие-нибудь восточные сласти, вроде рахат-лукума, например.

Чтобы нарушить начинавшее тяготить молчание, Басков задал несущественный для дела вопрос:

— Роберт Рзаевич, у вас жена кто по образованию?

— Учительница. Азербайджанский и русский язык.

— Почему ж не работает?

— Дети,— кратко объяснил Ситпаев.

На пороге огромной каменной дачи их встретила женщина лет тридцати, высокая, худая, с бледным тонким лицом. Темные глаза смотрели устало и печально. Ничто не походило на тот образ, который заочно создал себе Басков. И одета она была не в халат, а в узкую серую юбку и синюю кофту с короткими рукавами.

Она ни о чем никого не спросила, глядела молча.

— Детей к дяде Мусé отведи,— приказал Ситпаев.

— Они у соседей,— тихим голосом ответила она.

— Ступай к ним.

Она вздохнула, покорно сошла с крыльца и зашагала по улице.

Ситпаев поднялся по ступеням первым. Из дома короткий коридор вел в стоящий стенка в стенку гараж. Ситпаев направился прямо туда.

В углу стоял железный сундук, запертый на висячий замок. Включив свет, Ситпаев пошарил на полочке, прибитой над сундуком, нашел ключ. Открыв замок, откинул со звоном крышку и извлек со дна плотно скатанный красный тюк — пакеты «Мальборо».

— Пятьдесят штук,— сказал он, протягивая их Баскову.— Больше нет.

— А сколько было?

— Много было.

— Имею в виду последнюю порцию,— уточнил Басков.

— Полторы тысячи.

Составили протокол, дали подписать старушкам-понятым.

— Идемте в комнаты,— сказал Басков.

У Роберта Рзаевича и на даче (если можно столь унизительно называть этот дом-крепость) тоже имелся кабинет. Туда он и привел всю группу.

Басков сказал Барышеву и Балабеку:

— Вы там посмотрите, а мы немного побеседуем.

Ситпаев заметил мрачно, но без раздражения:

— Здесь ничего нет. Зачем искать?

— Не помешает,—возразил Басков.—Присядем.

Когда они остались в кабинете одни, Басков спросил:

— Скажите, Роберт Рзаевич, где вы берете пакеты?

— Виктор возил,— спокойно отвечал Ситпаев.

— Из Москвы?

— В Москве живет.

— Та-ак...— Басков старался показать, что обдумывает следующий вопрос, а на самом деле ему нужно было скрыть от проницательных глаз хозяина кабинета свою мгновенную досаду и даже легкое замешательство.

Они со Степановым строили свои действия на предположении, что Виктор, то есть Анатолий Никитин, возил в Москву пакеты из Баку, был, так сказать, получателем в этом прекрасном южном городе. Оказывается, все наоборот. Кто теперь может поручиться, что все прочие их предположения — относительно Кузьмичева, Татьяны Никитиной и других действующих лиц этой истории — более правдоподобны и справедливы? Было отчего испытывать неуверенность. Но Басков быстро овладел собой.

— Та-ак,— повторил он.— И когда же это началось?

Подумав, Ситпаев ответил четко:

— Год и восемь месяцев.

Басков прикинул — получалось в сентябре позапрошлого года.

— Где и как вы познакомились с Виктором?

— Я в Москву ездил. В ГУМе он ко мне подошел, спрашивает: где сумку купил? У меня пакет был «Уинстон». В Баку, говорю. Сколько давал? Пять рублей. Он говорит: хочешь по полтора иметь? Хочу, говорю. Адрес взял, скоро пакеты привез.

— А вы не знали, что пакеты поддельные?

— Догадывался.

— Сбывали почем?

— Два с половиной.

— У вас много розничных продавцов? Вроде Екатерины Петровны...

— Четыре.

Басков вынул из пачки сигарету, поискал глазами пепельницу на письменном столе. Заметив это, Ситпаев сказал:

— Я не курю. Могу принести блюдце.

— Спасибо, обойдемся.

Басков вырвал из блокнота листок, свернул кулечек, как Екатерина Петровна, и закурил.

— Давайте уточним, Роберт Рзаевич. Вот вы произнесли такие слова, когда я спросил, откуда пакеты: «Виктор возил». Значит, раньше возил, а сейчас не возит?

— Другой возит. Женя зовут.

— А фамилию вы не знаете?

— Человек не говорит — я не спрашиваю.

— Когда Виктора заменил Женя?

— Последний раз Виктор приезжал в прошлом году, в октябре. Женя приехал в ноябре.

— Часто вы пакеты получаете?

— Зимой редко. Дорога плохая зимой.

— А в другие сезоны?

— Раз в месяц. Иногда — два.

— Когда теперь Женю ждете?

— Трудно сказать. Может, в мае.

— Монеты он тоже возит?

— Нет.

— Он вам случайно адрес свой московский не оставил? Или телефон?

— Извините, это я тоже не спрашивал.

Похоже было, что Ситпаев говорил правду. И насчет того, что на даче у него ничего не спрятано, тоже, кажется, не врал. Хотя это еще нуждалось в более тщательной проверке.

12

Обстоятельство, выяснившееся из показаний Ситпаева,— что пакеты шли не из Баку в Москву, а в обратном направлении,— было неожиданным для Степанова и Баскова и кое в чем поколебало их, но основного плана действий не изменило.

Попав в беду, Ситпаев сделался более разумным человеком, чем был раньше. Он правильно рассудил, что в его положении лучше быть откровенным. Он выложил все: сколько пакетов прошло через его руки, сколько монет купил у «Виктора» и почем, какие еще нетрудовые доходы у него есть и как трудно было сооружать и обставлять загородный дом. Последний из перечисленных пунктов можно отнести к чистой лирике, зато вот что получил Басков в виде компенсации.

В один из своих приездов «Виктор» завел речь о расширении «торговой сети». Он доходчиво объяснил, почему это необходимо. Во-первых, в ближайшее время ожидается увеличение производства пакетов. Второе следовало из первого: надо будет продавать в каждой точке гораздо больше товара, а это небезопасно, если помнить о существовании БХСС. И к тому же можно затоварить рынок.

Научно обрисовав ситуацию, «Виктор» мягко поинтересовался, нет ли среди знакомых Роберта Рзаевича надежных деловых людей, живущих в других городах.

Такие люди нашлись: один — в Махачкале, другой — в Кировабаде. Роберт Рзаевич связал с ними «Виктора». С тех пор «Виктор» курсировал по маршруту, включающему три города. Роберт Рзаевич не мог утверждать, что были у «Виктора» и другие точки, но за Махачкалу и Кировабад отвечал головой, поскольку поддерживал с жившими там деловыми людьми тесные отношения и получал сведения о визитах «Виктора» и о состоянии торговли.

Басков задал вопрос:

— Послушайте, а вы никогда не спрашивали, откуда «Виктор» и Женя берут пакеты?

— «Виктор» такой парень...— Роберт Рзаевич пошевелил в воздухе толстыми пальцами.— Не пьет, не курит... Такой ничего не скажет...

— Ну, а Женя?

— Новый бурдюк вино любит.

— Что же он вам рассказывал?

— Сам мало знает.

— А все-таки?

— Только с одним человеком контакт у него. Деньги ему отдает. Кто такой — не сказал, боится. Товар берет на складе.

— А где склад?

— Честное слово,— взмолился Роберт Рзаевич,— не мог я про склад расспрашивать.

И верно, это уж было бы чересчур...

Мерой пресечения определили Роберту Рзаевичу подписку о невыезде и отпустили его домой.

Оставалось ждать приезда Жени. «Принимайте, как обычно»,— сказал Ситпаеву на прощание Басков.

Остекленная с трех сторон широкая, просторная веранда, куда вел только один вход — из недр дома, поражала всякого, кто впервые бывал желанным гостем на даче Роберта Рзаевича Ситпаева. Светло-синие и зеленые стекла, набранные в причудливый орнамент со свинцовыми прожилками, являли собою великолепный витраж, навевавший какие-то смутные воспоминания, может быть, о Шехерезаде. Тяжкий стол из натурального неполированного дуба на толстых львиных лапах, ничем не покрытый, во всю свою неправдоподобную длину был плотно заставлен кувшинами и хрустальными разноцветными графинами, блюдами, плошками, вазами и вазочками, салатницами и соусницами. Тут было все и на любой вкус, но, конечно, с бакинским оттенком. Стол, как верные вассалы, окружали неподъемные стулья. Вероятно, дубы, из которых их вырезали мастера-краснодеревщики, были вассалами дуба, породившего этот царственный стол,— там, в далекой горной дубраве...

Продолжение следует.

Ты снова держишь в руках журнальный разворот, в котором мы честно стараемся тебя развлечь. В какой мере это нам удастся — зависит от твоего настроения и темперамента. И напоминаем: ломай голову вместе с нами, как обозвать наш юмористический раздел. А вдруг удачно найденное название хоть на неделю увековечит твое имя в истории юмористики! Желаем удачи!

ОТ ИМЕНИ «МЫ» ВЫСТУПАЛ ИГОРЬ ДВИНСКИЙ, РИСОВАЛ ВИКТОР КОВАЛЬ.

Саша ЧЕРНЫЙ

**Я похож на родильницу,
Я готов скрежетать...
Проклинаю чернильницу
И чернильницы мать!**

**Патлы дико взлохмачены,
Отупел как овца —
Ах, все рифмы истрачены
До конца, до конца!..**

**Мне, правда, нечего сказать сегодня, как всегда,
Но этим не был я смущен, поверьте, никогда —
Рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал,
И в жизнерадостных стихах, как жеребенок, ржал.**

**Паралич спинного мозга!
Врешь, не сдамся! Пень—мигрень,
Бебель — стебель, мозга — розга,
Юбка — губка, тень — тюлень.**

**Рифму, рифму! Иссякаю —
К рифме тему сам найду...
Ногти в бешенстве кусаю
И в бессильном трансе жду.**

**Иссяк. Что будет с моей популярностью!
Иссяк. Что будет с моим кошельком!
Назовет меня Пильский дешевой бездарностью,
А Вакс Калошин разбитым горшком...**

**Нет, не сдамся... Папа — мама,
Дратва — жатва, кровь — любовь,
Драма — рама — панорама,
Бровь, свекровь, морковь... носки!**

«МЫ НЕ ШУТИМ»

Виктор СЛАВКИН

НОВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Часов около четырех порог ресторана «Привет» второй наценочной категории переступил новый посетитель. Он пересек зал по диагонали и сел за свободный столик.

Прошло минут двадцать.

Официант Володя отдал подержать недокуренную сигарету одному из своих коллег, правой рукой пригладил фрагмент русского народного орнамента, слегка отставший от левого рукава, и двинулся в сторону вновь вошедшего. Подойдя, официант молча указал на бумажную салфетку, лежащую посередине стола, на которой было написано: «Столик не обслуживается».

Посетитель смотрел на официанта взглядом доброй собаки, услышавшей от хозяина слово «гулять».

— Пересядьте, где уже сидят,— терпеливо разъяснил Володя. — По одному я накрывать не буду.

— Не гоните меня,— робко произнес гость.

— Вам русским языком сказано — столик не убран.

— Я подожду.

— Как хотите. Будете сидеть.— Володя потерял всякий интерес к разговору.

— Я сижу,— сказал гость.— Спасибо.

— Только не надо грубить,— предупредил официант.

— Я посижу. Не волнуйтесь. Ничего.

— А какие могут быть вообще претензии? Только сел, а уже...

— Как вас зовут? — спросил гость.

— Скандалить будете? Ну-ну.

Официанты, курившие у столика администратора, почувствовали что-то неладное, просторные их пиджаки налились изнутри молодыми мускулами, ощетинились своими острыми лацканами.

— Я не скандалить.— Гость, казалось, вот-вот заплачет.— Я познакомиться.

Володя дал отмашку товарищам, их пиджаки снова опали.

— Володя,— сказал Володя.

— Мое имя может показаться вам странным...

— Что будем есть? — спросил официант и вынул блокнот.

— Не спешите, Володя. Докурите свою сигарету, рассчитайте соседний столик, да и меню у вас с собой нет...

— Еще не напечатали.

— И славно. А я пока посижу. От предыдущих клиентов остался хлеб, на столе есть горчица — что еще надо?.. Ведь вам не с руки сейчас мною заниматься?

— Не с руки,— согласился Володя, но от стола почему-то не отошел.

Посетитель взял из вазы кусочек черного хлеба, густо помазал его горчицей, посыпал солью и, наклонив свою хорошо причесанную голову над этим блюдом, глубоко втянул в себя его запах.

— С голодного края, что ли? — хмыкнул официант.

Посетитель поперхнулся, закашлялся. Официант сильно стукнул его по спине.

— Володя, я хочу вас просить... вернее, можете вы мне обещать... короче, если я вам признаюсь в одном предмете, дайте слово, что не измените ко мне своего расположения.

— Из заключения едешь? — догадался официант.

— Я... иностранец...— тихо произнес посетитель. И уже совсем убитым голосом добавил: — Капстрана.

Володя дернул кадыком, будто абрикосовую косточку проглотил, и сипло сказал:

— Скатерть разрешите позволить переменить.

— Я так и знал...— сник гость, и его тонкие пальцы лихорадочно забегали по нечистой скатерти.— Это пятно напоминает мне очертания моей бедной страны.

Володя с интересом взглянул на следы, оставленные от соуса «пикант».

— Чегой-то я такой страны не знаю...

— И правильно делаете.— Посетитель прикрыл пятно ладонью.— Это карликовое государство, не имеющее в мире никакого существенного значения. Гранд-Карло, не слыхали?

— Нет.

— Мы самая богатая страна в мире,— печально сказал посетитель и откусил кусочек хлеба.

— Но горчицы у вас, видать, такой нет! — В официанте заговорила профессиональная гордость.

— У нас есть все. Кроме экономических проблем. И вообще проблем. Каких бы то ни было.

— Ну вот что, — мрачно сказал официант,— мне работать надо.— И попытался отойти от стола.

Иностранец еле удержал его за полу пиджака.

— Володя, милый! Вы не представляете, что это такое.

— Представляем. В кино видели.

— О нет! То, что вы видели в кино, не идет ни в какое сравнение с тем, что творится у нас. Это страшно, страшно!.. Наши мускулы вянут, стынет мозг, пропадают инстинкты, исчезает иммунитет — нация вырождается.

Хлеб в руках посетителя дрожал.

— И только у вас я чувствую себя человеком.— Посетитель вдруг улыбнулся.— Знаете, как только я пересек границу, я сорвал с себя все свое и купил все ваше. В ближайших «Промтоварах» — рубашку, туфли, этот костюм... Купите себе такой, Володя, там еще есть. Воротничок трет, в шагу тянет, режет под мышками, давит пояс... Но я чувствую предмет, нахожусь в постоянном контакте с вещью, борюсь с ней! Это вселяет в меня энергию, веру в победу. Я знаю, вы мечтаете одеваться от Кардена, нет, Володя, нет — только от «Промтовара»!

— С жиру беситесь,— сказал официант.— Знаете такую нашу пословицу?

— Это не пословица, Володя, это поговорка.— Посетитель снова погрустнел.— Во всяком случае, так считает Даль Владимир Иванович.

— У вас что, родители из русских?

— Вот вам еще один пример. Я коренной грандкарлик, но стоило мне захотеть, как наша туристическая фирма за две недели — всего за две недели! — внедрила в меня словарный запас в объеме четырех томов того же Даля и сообщила полное отсутствие всяческого акцента. У них отработанная методика, я не прикладывал никаких усилий. А радость труда, а прелесть постижения нового предмета?.. Можно так жить, Володя?!

— А вы вот что,— прищурился официант,— если уж так припекло, отошлите, что у вас лишнего, в Африку, там потребят, а вы малость отдохнете.

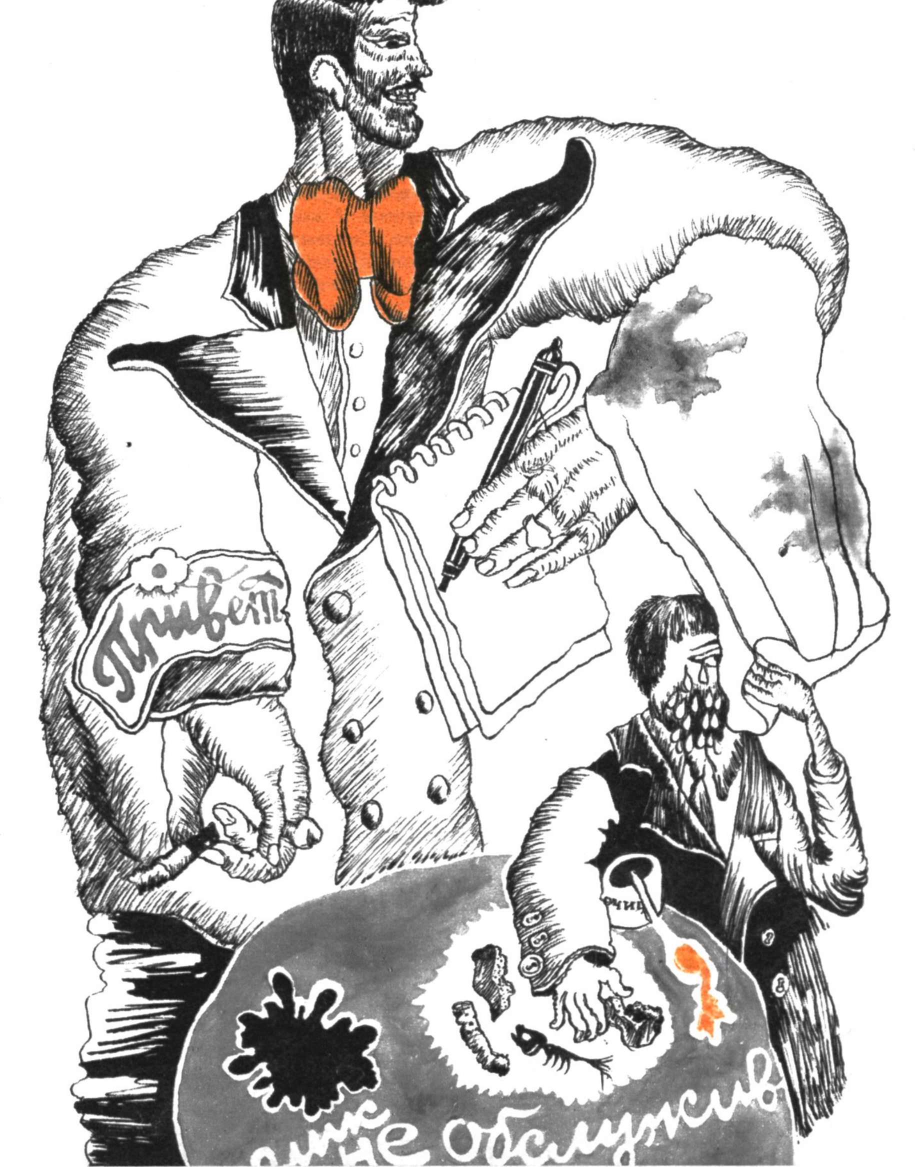
Посетитель с уважением посмотрел на своего собеседника.

— У вас государственный ум, Владимир. Но вы не знаете нашу безнравственную промышленность. Мы можем отдать все. Или сжечь. Они тотчас воспроизведут это все в двойном размере.

— Ну уж не знаю тогда, что для вас и придумать! — Володя развел руками и изобразил на лице крайнюю озабоченность.

Посетитель возбужденно заговорил:

— Я не в первый раз в вашей стра-



не. Я езжу сюда не просто так, не просто так... Я хожу по улицам, посещаю магазины, столовые, прочие места вашего общественного пользования, и везде, везде я вижу горящие глаза, целеустремленные лица, осмысленные движения... Жизнь кипит, народ действует, все вокруг меняется к лучшему. Человек борется — значит, он существует, черт возьми! Я это чувствую уже по себе, уже сейчас. Вот, к примеру, зайди я, положим, в наш грандкарликовый ресторан — на меня тут же набросились бы эти акулы сервиса, гангстеры сферы обслуживания, эти наши террористы общественного питания, вмиг они превращают человека в сытую, удовлетворенную скотину. А взять ваше благословенное заведение, ваш душеспасительный «Привет»... Я переступил его порог, испытывая острое чувство голода, давно мною не переживаемое, и вы, тонко уловив это мое состояние, не спешили подойти ко мне. Я сидел за столом и от нечего делать, на голодный желудок начал размышлять о своей жизни, сами собой стали всплывать воспоминания. Я вспомнил, как в детстве разбил коленку, маму вспомнил, папу... Я давно не думал о них.

— Вот это плохо,— строго сказал Володя.— Я своей мамахен раз в неделю вкуснеца какого обязательно завезу.

— И даже подойдя ко мне,— продолжал посетитель,— вы не разрушили моего настроения, а, напротив, усугубили его своим любезным отказом обслужить. Спасибо вам. Но как, как научить этому наших остолопов?!

— Очень просто. Как по-вашему будет «Столик не обслуживается»?

— Это непереводимая игра слов...

— Вот и пусть ваш остолоп напишет эту игру на бумажке и положит на стол.

— И все?

— И все.

— Но какой смысл?..— Видно было, что посетитель с трудом постигал новую для себя идею.— Ведь пропадает посадочное место... доход... прибыль...— рассуждал он вслух.

— Ну, знаешь, будете об этом думать, ничего у вас не получится!

— Кухня работает, надо реализовывать...

— А пусть кухня сама потребляет часть того, что наработает.

— Как это?

— Или домой с собой прихватывает.

— Не понимаю...

— А чего тут понимать! У каждого повара должна быть сумка. Приносит он ее на работу пустой, а уносит битком.

— «Битком»?.. Что есть «битком»?

— Э-э-э, вот вам и хваленое знание русского языка!

Голова гостя упала на грудь.

— Ну, ну, парень, ты чего?.. Что с тобой?.. Да не плачь ты, ты чего?..— Володя потряс посетителя за плечо. Тот снова обрел форму.

— Это не слезы, мой друг, это такие наши контактные линзы. Они не имеют ни веса, ни толщины — только блеск, который молодит человека. Я старый, Володя... Это у нас просто такая физическая форма. Не верь, Вова, не верь! Я старый, больной человек, а они, эти наши убийцы в белых халатах, они сделали из меня молодого и здорового. Я играю в теннис, плаваю, меня любят молоденькие девушки. А мне, Вовка, мне хочется с моими сверстниками сидеть на бульваре, играть в шахматы, стоять в очереди за творогом, а если его нет или он кончился — идти в другой магазин, в третий... с друзьями, толпой, компанией... или ехать в автобусе в час пик на другой конец города. О, сколько историй можно рассказать друг другу по пути!.. Мы все вместе, сообща, заодно, вкупе, миром, гуртом... Ты меня уважаешь, Вовчик, уважаешь меня, Вовец, скажи, уважаешь?..

— Уважаю, дед, уважаю. Вот только...

— Что!!! — воскликнул посетитель трагически.— Что!!

— Тихо ты,— оглянулся по сторонам Володя. В ресторане уже почти никого не было.— Я говорю, кухня сейчас уйдет. Ребята тут не нанимались тебя до ночи обслуживать.

Гость поник.

— Тогда, Володя,— сказал он,— у меня последняя к вам просьба. Принесите мне что похуже.

— Это сделаем.— Официант чиркнул что-то в блокноте и направился в сторону кухни.

Подойдя к раздаточному окну, он крикнул туда:

— Вася, бифштекс пережаренный с вчерашней картошкой один раз!

— О'кэй,— откликнулся Вася и добросовестно исполнил заказ.

Станислав Ежи ЛЕЦ

ИЗ «НЕПРИЧЕСАННЫХ МЫСЛЕЙ»

Перевод с польского

● Чтобы писатели могли расправлять крылья, у них должна быть свобода пользования перьями.

● Из скромности считал себя графоманом... а был доносчиком.

● В битве идей погибают люди.

● Когда не дуют никакие ветры, и у флюгера появляется характер.

● Он напоминал вошь на лысине: все вокруг сияет — и все-таки вошь...

● В каждом веке — свое средневековье.

● Если людоед ест ножом и вилкой, это прогресс?

● Свергая памятники, сохраняйте пьедесталы...

● Как надо упражнять память, чтобы научиться забывать?

● Не каждая ночь заканчивается рассветом.

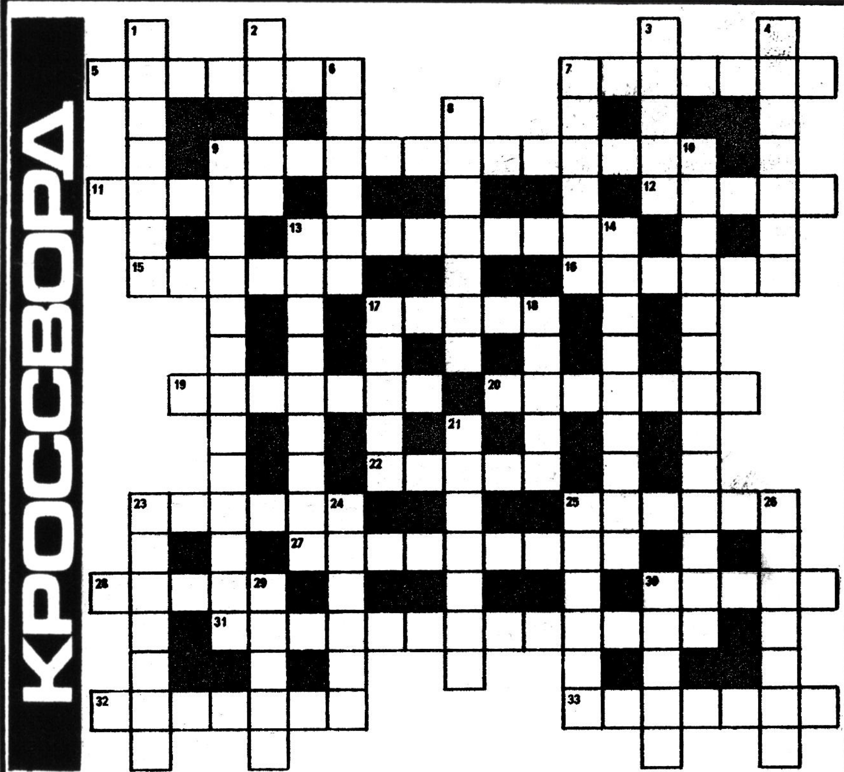
СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ВЫДАЮЩИЙСЯ АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГРЭМ ГРИН, АВТОР ШИРОКО ИЗВЕСТНЫХ У НАС РОМАНОВ «ВЛАСТЬ И СЛАВА», «ТИХИЙ АМЕРИКАНЕЦ», «НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ», «КОМЕДИАНТЫ» И МНОГИХ ДРУГИХ ПИШЕТ:

«С БОЛЬШИМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ УЗНАЛ О ТОМ, ЧТО ЖУРНАЛ «ОГОНЕК» ПЛАНИРУЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ МОЙ РОМАН «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ПЕРЕВОДЕ МАРИИ ОСИНЦЕВОЙ. О ПОСЛЕДНИХ ПОСЕЩЕНИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА У МЕНЯ ОСТАЛИСЬ САМЫЕ ТЕПЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ТВЕРДО УБЕЖДЕН В ТОМ, ЧТО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СТРАН ПОСТОЯННО УЛУЧШАЮТСЯ И СТАНОВЯТСЯ БОЛЕЕ ТЕСНЫМИ, И ЖУРНАЛ «ОГОНЕК» ИГРАЕТ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ ВАЖНУЮ РОЛЬ.

Грэм ГРИН».

МЫ НАЧИНАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ РОМАН Г. ГРИНА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» С ПЕРВОГО НОМЕРА 1988 ГОДА.



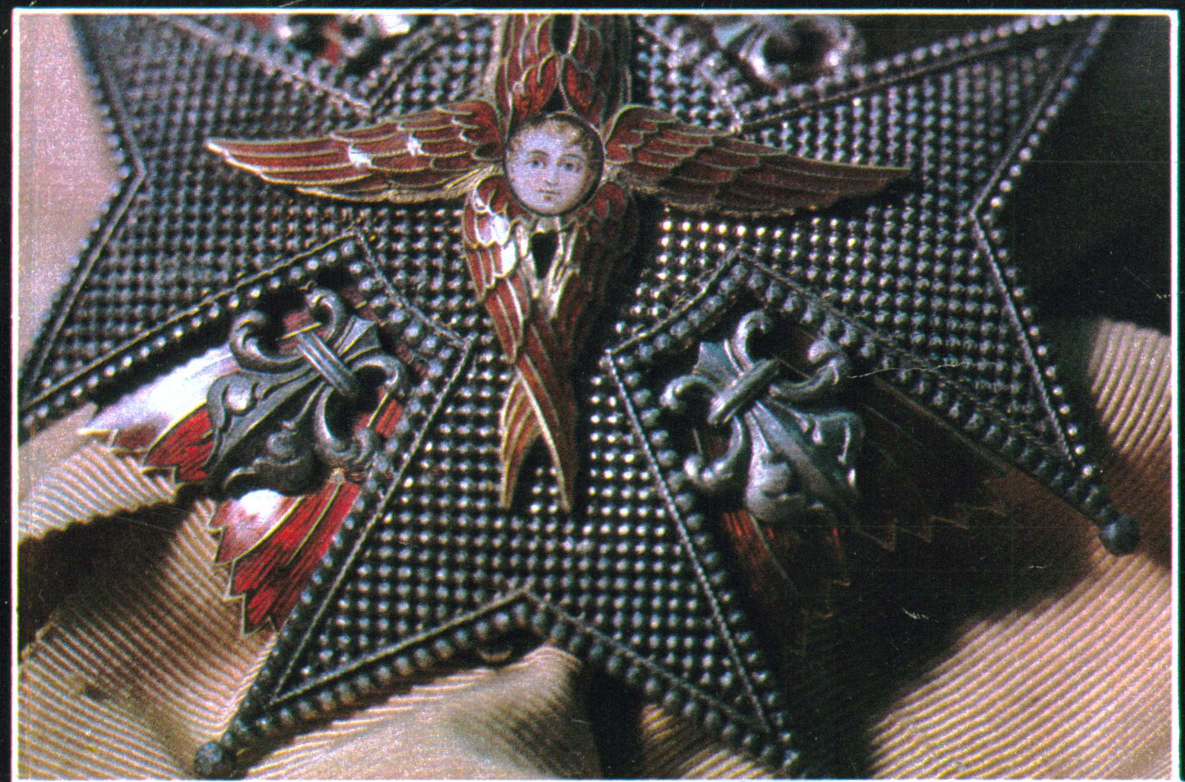
По горизонтали: 5. Оперетта И. Кальмана. 7. Советский фармаколог, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. 9. Областной центр в Казахстане. 11. Река в СССР и Иране. 12. Минерал, разновидность кремнезема. 13. Советский физик, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. 15. Русская народная эпическая песня-сказание. 16. Город в Австралии. 17. Герой рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 19. Маршал Советского Союза. 20. Травянистое медоносное растение. 22. Главная артерия кровеносной системы. 23. Фигура высшего пилотажа. 25. Горная порода. 27. Сводка, список определенных данных. 28. Философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность. 30. Латышский советский писатель. 31. Описание своей жизни. 32. Химический элемент, газ. 33. Действующее лицо в опере В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро».

По вертикали: 1. Отношение размера линии на чертеже, карте к ее действительной длине. 2. Река на Северном Кавказе. 3. Палатка для торговли. 4. Площадка для приема солнечных ванн. 6. Исторический крейсер Балтийского флота. 7. Малая планета. 8. Лососевая рыба. 9. Дневная бабочка. 10. Основа, сущность. 13. Советский гимнаст, неоднократный чемпион Олимпийских игр. 14. Делимое в дроби. 17. Спутник Сатурна. 18. Музыкально-драматическое произведение. 21. Духовой оркестровый инструмент. 23. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 24. Высший показатель в состязании, работе. 25. Государство, крупная территория. 26. Растение, сушеный корень которого примешивается к кофе. 29. Лицевая сторона монеты, медали. 30. Русский советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 7. Качество. 8. Туркенич. 9. Реле. 10. Ботаник. 12. Алей. 13. Турчанинова. 14. Лава. 16. Толь. 18. Клевер. 19. Кибрик. 22. Шкив. 25. Лача. 27. Конференция. 28. Рапа. 29. «Княгиня». 30. Удод. 31. Шарыпово. 32. Иноходец.

По вертикали: 1. Фадеева. 2. Челеста. 3. Контракт. 4. Штангист. 5. Деканат. 6. Минерал. 10. Бортмеханик. 11. Координация. 15. Валки. 17. Орина. 20. Смеляков. 21. Бредихин. 23. Карагач. 24. Вкладыш. 25. Ляпунов. 26. «Человек».



Тысячи различных экспонатов собраны в музее-лаборатории Министерства обороны СССР. Солдатские мундиры и офицерские знаки различия; ордена пятидесяти государств мира, иные из которых уже и не существуют; образцы одежды воинов завтрашнего дня... (Читайте в номере очерк «Спутники славы воинской».)

● Фрагмент звезды ордена Кирилла и Мефодия (Болгария, начало XX века).

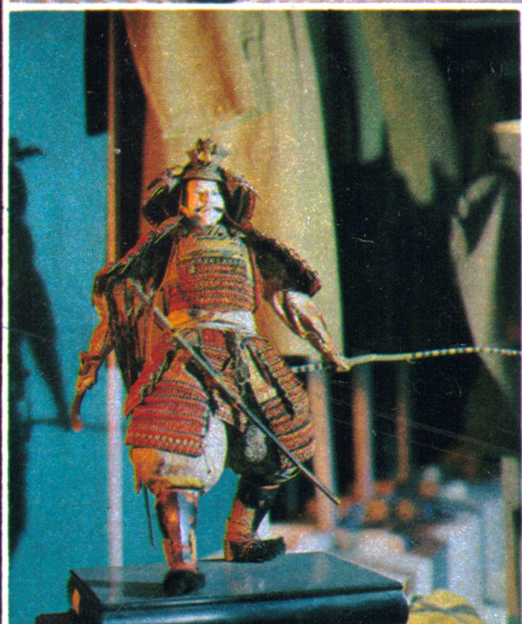
● Фигурка японского самурая.

● Витрина российских войск 1906—1917 годов.

● Гренадерка лейб-гвардии Павловского полка.

● Российские ордена и знаки отличия.

● Звезда и орден Белого слона (Сиам).



ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663